

MARIINSKY

THE NOSE

SHOSTAKOVICH
ORCHESTRA AND CHORUS
VALERY GERGIEV

MARIINSKY SOLOISTS

СОЛИСТЫ, ХОР И ОРКЕСТР МАРИИНСКОГО ТЕАТРА ДИРИЖЁР ВАЛЕРИЙ ГЕРГИЕВ

Ковалев Платон Кузьмич, коллежский ассесор Владислав Сулимский
Иван Яковлевич, цирюльник Алексей Тановицкий
Прасковья Осиповна, супруга Ивана Яковлевича Татьяна Кравцова
Квартальный надзиратель Андрей Попов
Иван, лакей Ковалева Сергей Скороходов
Нос Сергей Семишкур
Лакеи графини Сергей Романов
Чинovníк из газетной экспедиции Вадим Кравец

Восемь дворников,
дающих объявления

- 1. Александр Горев
- 2. Сергей Романов
- 3. Александр Герасимов
- 4. Владислав Успенский
- 5. Михаил Корнблит
- 6. Евгений Уланов
- 7. Николай Каменский
- 8. Юрий Воробьев

Десять полицейских

- 1. Сергей Романов
- 2. Александр Тимченко
- 3. Вадим Кравец
- 4. Николай Каменский
- 5. Виктор Антипенко
- 6. Юрий Воробьев
- 7. Владимир Живопистцев
- 8. Виктор Вихров
- 9. Андрей Зорин
- 10. Владислав Успенский

Путешественник Роман Гибатов
Провожающая дама Татьяна Филимонова
Провожающий господин Сергей Юхманов
Отец Евгений Уланов
Мать Татьяна Кравцова
1-й сын Сергей Меленевский
2-й сын Юрий Коваленко
Петр Федорович Василий Горшков
Иван Иванович Александр Герасимов
Старая барыня Елена Витман
Приживалки Хор
Торговка Жанна Домбровская
Доктор Геннадий Беззубенков
Ярышкин Евгений Страшко
Подтоchina Пелагея Григорьевна, штабс-офицерша Елена Витман
Её дочь Жанна Домбровская

Семеро господ

- 1. Сергей Скороходов
- 2. Игорь Силаков
- 3. Александр Тимченко
- 4. Сергей Романов
- 5. Евгений Уланов
- 6. Юрий Воробьев
- 7. Сергей Юхманов

Старичок Виктор Вихров
1-й вновь прибывший Александр Тимченко
2-й вновь прибывший Сергей Романов
Спекулятор Александр Герасимов
Заслуженный полковник Василий Горшков
1-й франт Сергей Юхманов
2-й франт Евгений Уланов
Некто Юрий Воробьев

SOLOISTS, CHORUS, AND ORCHESTRA OF THE MARIINSKY THEATRE CONDUCTOR VALERY GERGIEV

Platon Kuzmich Kovalev, a collegiate assessor Vladislav Sulimsky

Ivan Yakovlevich, a barber Alexei Tanovitski
Praskovya Osipovna, wife of Ivan Yakovlevich Tatiana Kravtsova

A district constable Andrei Popov
Ivan, Kovalev's valet Sergei Skorokhodov
The Nose Sergei Semishkur
A countess' servant Sergei Romanov
A clerk in a newspaper office Vadim Kravets

Eight porters,
placing advertisements

- 1. Alexander Gorev
- 2. Sergei Romanov
- 3. Alexander Gerasimov
- 4. Vladislav Uspensky
- 5. Mikhail Kornblit
- 6. Yevgeny Ulanov
- 7. Nikolai Kamensky
- 8. Yuri Vorobiev

Ten policemen

- 1. Sergei Romanov
- 2. Alexander Timchenko
- 3. Vadim Kravets
- 4. Nikolai Kamensky
- 5. Viktor Antipenko
- 6. Yuri Vorobiev
- 7. Vladimir Zhivopistsev
- 8. Viktor Vikhrov
- 9. Andrei Zorin
- 10. Vladislav Uspensky

A traveller Roman Gibatov
A lady seeing him off Tatiana Filimonova
A gentleman seeing him off Sergei Yukhmanov
A father Yevgeny Ulanov
A mother Tatiana Kravtsova
1st son Sergei Melenevsky
2nd son Yuri Kovalenko
Pyotr Fyodorovich Vasily Gorshkov
Ivan Ivanovich Alexander Gerasimov
An elderly lady Elena Vitman
Paid companions Chorus
A market-woman Zhanna Dombrovskaya
A doctor Gennady Bezzubenko
Yaryzhkin, a friend of Kovalyov's Yevgeny Strashko
Pelageya Grigorievna Podtochina, a staff-officer's widow Elena Vitman
Her daughter Zhanna Dombrovskaya

Seven gentlemen

- 1. Sergei Skorokhodov
- 2. Igor Silakov
- 3. Alexander Timchenko
- 4. Sergei Romanov
- 5. Yevgeny Ulanov
- 6. Yuri Vorobiev
- 7. Sergei Yukhmanov

An old man Viktor Vikhrov
1st newcomer Alexander Timchenko
2nd newcomer Sergei Romanov
A speculator Alexander Gerasimov
A respected Colonel Vasily Gorshkov
1st Dandy Sergei Yukhmanov
2nd Dandy Yevgeny Ulanov
Somebody Yuri Vorobiev

Восемь студентов

- 1. Сергей Юхманов
- 2. Александр Тимченко
- 3. Евгений Уланов
- 4. Юрий Воробьев
- 5. Сергей Юхманов
- 6. Александр Тимченко
- 7. Сергей Юхманов
- 8. Юрий Воробьев

Почтенная дама Людмила Канунникова
1-й сын почтенной дамы Владислав Успенский
2-й сын почтенной дамы Николай Каменский
Хозрев-Мирза Владимир Самсонов

Евнухи

- Андрей Зорин
- Владимир Живопистцев

1-й знакомый Ковалева Юрий Воробьев
2-й знакомый Ковалева Василий Горшков
3-й знакомый Ковалева Александр Герасимов
Будочник Юрий Воробьев
Гайдук Юрий Воробьев
Привратник полицеймейстера Владимир Живопистцев
Сопрано соло (в Казанском Соборе) Юлия Хазанова
Тенор соло (в Казанском Соборе) Виктор Антипенко
Извозчик Николай Каменский
Кучер Геннадий Беззубенков
Женский голос Юлия Хазанова
Молящиеся Хор
отъезжающие Хор
провожающие Хор
обыватели Хор
полицейские Хор
Хор Хор

Eight students

- 1. Sergei Yukhmanov
- 2. Alexander Timchenko
- 3. Yevgeny Ulanov
- 4. Yuri Vorobiev
- 5. Sergei Yukhmanov
- 6. Alexander Timchenko
- 7. Sergei Yukhmanov
- 8. Yuri Vorobiev

A respectable lady Lyudmila Kanunnikova
1st son of the respectable lady Vladislav Uspensky
2nd son of the respectable lady Nikolai Kamensky
Khozrev-Mirza Vladimir Samsonov

Eunuchs

- Andrei Zorin
- Vladimir Zhivopistsev

1st acquaintance of Kovalev Yuri Vorobiev
2nd acquaintance of Kovalev Vasily Gorshkov
3rd acquaintance of Kovalev Alexander Gerasimov
A policeman on duty Yuri Vorobiev
A footman Yuri Vorobiev
The chief of police's doorman Vladimir Zhivopistsev
Solo soprano (in Kazan Cathedral) Yulia Khazanova
Solo tenor (in Kazan Cathedral) Viktor Antipenko
A cab driver Nikolai Kamensky
A coachman Gennady Bezzubenko
A female voice Yulia Khazanova
Congregation (in Kazan Cathedral) Chorus
People who are departing Chorus
People who are seeing them off Chorus
General public Chorus
Policemen Chorus
Chorus Chorus

RECORDED AT THE MARIINSKY CONCERT HALL ON 15-23 JULY 2008
JAMES MALLINSON PRODUCER
JOHN NEWTON & DIRK SOBOTKA RECORDING ENGINEERS
MARK DONAHUE MASTERING
PUBLISHED BY BOOSEY & HAWKES MUSIC PUBLISHERS LTD
INCLUDES MULTI-CHANNEL 5.1 AND STEREO MIXES

HYBRID-SACD - COMPATIBLE WITH ALL CD PLAYERS. INCLUDES HIGH-DEFINITION STEREO AND SURROUND TRACKS THAT CAN BE READ BY SACD PLAYERS ONLY. SACD, DSD AND THEIR LOGOS ARE TRADEMARKS OF SONY.

DISC 1			TOTAL	50'41"
ACT 1				
1	PROLOGUE	"U tebia, Ivan Yakovlevich..."	1'52"	p9
2	SCENE I	The barber shop of Ivan Yakovlevich. "A...Segodnia ya..."	4'01"	p9
3	SCENE II	The embankment. "Podymi! Von ty chto-to uronil."	2'53"	p9
4	INTERLUDE	(<i>percussion</i>)	2'59"	p9
5	SCENE III	Kovalev's bedroom. "Brr. Brr. Brr, brr."	2'38"	p10
6	GALOP	(<i>orchestra</i>)	1'56"	p10
7	SCENE IV	Kazan Cathedral. "A... A... A..."	8'26"	p10
ACT 2				
8	PROLOGUE	"U sebia politsmeister?"	1'18"	p10
9	SCENE V	At the newspaper office. "Poverite li, sudar'..."	14'10"	p11
10	INTERLUDE	(<i>orchestra</i>)	4'15"	p12
11	SCENE VI	Kovalev's apartment. "Nepobedimoi siloi..."	6'09"	p12
DISC 2			TOTAL	50'56"
ACT 3				
1	SCENE VII	Outskirts of St Petersburg. "Vlast'iu moei daetsia..."	15'44"	p13
2	SCENE VIII	Kovalev's apartment and Podtochina's apartment. "Zdes' li zhivet..."	21'26"	p16
3	INTERLUDE	"Nos Maior Kovaleva progulivaetsia zdes'..."	5'52"	p18
4	SCENE IX	Kovalev's apartment. "Vot on! Vot on! Nos!"	2'37"	p20
5	SCENE X	Nevsky Prospect. "Zdravstvuite, Platon Kuzmich!"	5'15"	p21

READING THE RUSSIAN LIBRETTO...

Alphabet	English equivalent	Examples
А, а	A	as in "part"
Б, б	B	as in "banana"
В, в	V	as in "very"
Г, г	G	hard, as in "good"
Д, д	D	as in "dart"
Е, е	Ye	as in "yet"
Ё, ё	Yo	as in "yo-yo"
Ж, ж	Zh	as in "seizure"
З, з	Z	as in "zoo"
И, и	Ee	as in "heed"
Й, й	I	as in "Thai" or "koi"
К, к	K	as in "kite"
Л, л	L	as in "love"
М, м	M	as in "mop"
Н, н	N	as in "normal"
О, о	O	as in "home"
П, п	P	as in "poem"
Р, р	R	rolled, between an English "r" and "d"
С, с	S	as in "snake"
Т, т	T	as in "tone"
У, у	Oo	as in "shoot"
Ф, ф	F	as in "fun"
Х, х	"Kh"	aspirated, as in "loch"
Ц, ц	Ts	as in "cuts"
Ч, ч	Ch	as in "check"
Ш, ш	Sh	as in "should"
Щ, щ	Shch	as in "fresh cheese"
Ъ	<i>hard sign</i>	makes consonant in front harder
Ы, ы	Ui	as in French "puis"
Ь	<i>soft sign</i>	softens the preceding consonant
Э, э	E	as in "epic"
Ю, ю	Yu	as in "yule"
Я, я	Ya	as in "yank"

Russian is an almost completely phonetic language, so in order to follow the Russian libretto in this booklet it should be sufficient to grasp the phonetic value of each letter in the Cyrillic alphabet as indicated to the left, and to heed a few basic rules about Russian pronunciation.

The values given above follow standard British pronunciation except where indicated. Each letter in a Russian word is clearly pronounced, and there are no diphthongs except in vowel pairs with the letter й.

The *soft sign* and the rarer *hard sign* have no independent phonetic value, but merely slightly alter the pronunciation of preceding consonants. The vowels е, ё, ю, and я also soften (palatalise) preceding consonants, except for ж, ч, ш, and щ.

Each Russian word has one stressed syllable. All other syllables are equal. Syllable stress has no effect on the phonetic value of letters, with the exception of the letter о, which when unstressed is pronounced as an а. Thus, the word молоко ("milk") is pronounced *ma-la-ko*.

The only other significant exception to phonetic pronunciation in Russian is the letter р in the masculine genitive singular ending (-ero or -oro), when it becomes a "V" sound, e.g. коро, meaning "of whom", is pronounced *ka-vo*.

«НЕ БЕСПОЛЕЗНО ДЛЯ НАС»

Леонид Гаккель

Откуда это взялось.

Дмитрию Дмитриевичу Шостаковичу было двадцать два года, когда он завершил свою первую оперу «Нос» (1928). Даже Моцарт и Россини в этом возрасте не сочинили слишком интересных опер, а Шостакович дал оперную партию, поразительную по новизне и смысловому богатству; в ней собраны, кажется, все его тогдашние впечатления от современного искусства и при этом она ясно указала на дальнейший путь композитора не только в опере (их у него будет еще две, считая неоконченных «Игроков»), но и в симфонии.

Шостакович в 1928 году

В жизни художника всему свое время: получив известный опыт инструментального творчества и написав симфонию с текстом (Вторую), Шостакович приступил к работе над оперой как к важному и неотложному делу. Считается, что он долго искал сюжет и с этой целью перебрал множество новых советских книг. Я же уверен, что Дмитрий Дмитриевич сразу подумал о Гоголе и что выбор повести «Нос» был его первым и единственным решением. Слишком многое сходилось у композитора и писателя (об этом – чуть позже).

Шостакович в 1928 году

Началась работа над либретто. Как часто бывало в истории русской оперы, соавторов оказалось несколько (в их числе – выдающийся литератор «гоголевского толка» Евгений Замятин), но, опять-таки, по обычаю главную роль в составлении либретто взял на себя композитор. Ему мы обязаны превращением этого либретто в маленькую антологию: используются тексты из разных сочинений Гоголя и, что важнее, разворачиваются мотивы, еле намеченные в повести «Нос» - например, из одной ее проходной строчки рождается потрясающая сцена проводов дилижанса в седьмой картине оперы. В силу этого не удивляет и многообразие оперного сочинения: в нем 78 персонажей - сценой с одной-двумя репликами, а иногда и вовсе без речей.

Шостакович в 1928 году

Шостакович принимается за сочинение, и дело идет быстро, несмотря на перерывы. К примеру, второй акт был написан за две недели. Когда слушаешь «Нос», то и впрямь кажется, что композитор работал без остановки и без оглядки, но при внимательном анализе текста оказывается, что огромная, почти 500-страничная партитура выполнена тщательнейшим образом, что в ней Шостакович, по его собственным словам, чувствовал каждый такт, отвечал за каждую ноту.

Шостакович, Гоголь.

Много говорится и пишется о внутреннем родстве этих гениальных людей, разделенных целым веком. Они принадлежали России и Петербургу и, казалось, самой русской судьбой были призваны свидетельствовать обо всем, что происходило с их страной и с их народом. Свидетельства – зоркие и жестокие, недаром очевидец писал о внешности Гоголя: «Длинный сухой нос придавал этому лицу что-то птичье, наблюдающее», а Шостаковича некогда уподобили птице на картине Брейгеля, взирающей с дерева на людские бесчинства. Оба они видели вокруг себя мир человеческой пошлости, где большинство помывает меньшинством и где у всякого человека должно сделаться «лицо “как у всех”» (Д.С.Мережковский в книге о Гоголе). И этому обезличенному, пошлому миру противостоят Гоголь и Шостакович – каждый по-своему, но с одинаковым упорством и с одинаковой последовательностью, почти педантичностью, ибо в них обоих было нечто от петербургского чиновника с его личной закрытостью и ироничностью.

Их Петербург.

Они оба обессмертили северную русскую столицу: Гоголь в «Петербургских повестях», Шостакович (уроженец Петербурга) – во все своем творчестве и, может быть, особенно в опере «Нос».

Шостакович в 1928 году

Ни разу после «Пиковой дамы» Чайковского не был так широко, как в «Носе», показан петербургский пейзаж:

Невский проспект, Казанский собор, Летний сад. Правда, он показывается больше по названиям, не «с натуры», но главное сохранено, ибо Петербург – город горизонталей, а музыка оперы «Нос» вся горизонтальна, вся линейна. Звуковые линии у Шостаковича движутся с огромной интенсивностью, не останавливаясь, и это напоминает о стихии воды, которой Петербург обязан своим существованием. Но уж когда они на мгновение застывают и бег прерывается, возникает другая ипостась Петербурга, а именно – пустое пространство, и нам напоминают о петербургском инобытии. Так происходит в изумительной четвертой картине (Казанский собор) с ее хором без слов и сияющим, «жерувимским» сопрано-соло. Прозрачность и ясность ампирной столицы sprawляет здесь свой праздник.

Шостакович в 1928 году

И все же в опере Шостаковича «Петербург весь шевелится от погребов до чердаков» - это не только слова Гоголя, но и важнейшая краска гоголевского города. А благодаря непрерывному ходу музыки и все же каким-то непостижимым образом композитор удается передать характер петербургской весны с ее особым, «вещным» воздухом; напомним, что действие «Носа», как и «Пиковой дамы», укладывается в несколько дней на рубеже марта и апреля. Кстати же, о «Пиковой даме» нам здесь напоминают не раз: в сцене в Казанском соборе (пение хора, прерывистые реплики Ковалева) и, естественно, в эпизоде Старой барыни с приживалками, где речь идет о смерти (седьмая картина). Да и вообще Шостакович платит дань Петербургу, вызывая тени петербургской музыки – когда Квартальный надзиратель поет таким же тенором-алтино, как Звездочет в «Золотом петушке» Римского-Корсакова, и когда в вальсе и полке проглядывает Стравинский со своей Маленькой сюитой для оркестра.

Анти-Гоголь.

Гоголь – гений комедии, а комедия, по неопровержимой мысли Анри Бергсона, возможна только в атмосфере равнодушия: огромный спектр человеческих чувств не покрывается комедией и не всегда принимается ею во внимание. Тогда Шостакович со своей музыкой – это анти-Гоголь, а «Нос» - антигоголевское произведение.

Шостакович в 1928 году

Сцена проводов дилижанса захватывает душу своей печалью и настроениями жизненного исхода. Вот прощание родителей с детьми и благословение матери, вот монолог Старой барыни: «Я хочу вам рассказать одно особенное происшествие: я этим летом умру, смерть моя уже прихотила за мной» (взято из «Старосветских помещиков» Гоголя, но звучание монолога предвосхищает трагического Шостаковича 1930-1940-х годов). А партия Ковалева во втором акте: страдание, страх, тревога, поиски выхода – все это есть в ней, и не найти в гоголевском «Носе» такой глубины и такого диапазона темных человеческих переживаний, как в антракте к шестой картине и ариозо Ковалева из той же картины.

Шостакович в 1928 году

Нет у Гоголя и такого ужаса преследования и уничтожения, как в эпизодах охоты за Носом в третьем акте: «Так его!» – сорок три раза повторяется этот крик толпы, и мания преследования (преследователей) уже почти овладевает вами как зрителем. Затравленный Нос погибает, и его обрывающийся вопль сразу же заставляет вспомнить апофеоз насилия в музыке Шостаковича – токкату Восьмой симфонии. Для того, чтобы композитор смог написать «Нос» и Восьмую, а мы - услышать связь этих сочинений, понадобилось несколько эпох, отделяющих нас от Гоголя.

Язык и форма.

В 1928 году, когда сочинялась опера «Нос», еще не знали термина «авангард», но эта партитура Шостаковича, несомненно, являлась авангардной относительно тогдашней русской музыки и неким пределом новизны в творчестве самого композитора. Диссонанс в ней преобладает, классическая тональность почти не ощущается, письмо едва ли не сплошь графическое без аккордового «цемента» (недаром автору долго не удавалось сделать фортепианного переложения оперы). Принцип построения – монтажный без заметных связок и переходов, хотя логика целого безупречна:

цепь оркестровых антрактов образует четкий контур сочинения, есть и композиционная арка: сцены первая и пятнадцатая – бритье Ковалева – соответствуют друг другу по содержанию и функциям. Опера содержит два контрастных драматургических узла: антракт к шестой картине и сцену погони в восьмой, но в основном сочинение обходится без замкнутых форм; решает непрерывность движения или, если угодно, энергетика движущихся линий.

Шостакович в 1928 году

Разумеется, петь в этих условиях чрезвычайно трудно, вокальная фраза приобретает виртуозный характер. Оркестр состоит всего из тридцати инструментов (по одному от каждой группы плюс ударные, домры, балалайки) и, конечно, партитура сделана невероятно искусно, инструменты применяются почти как лейтмотивы – каждый у своего персонажа: альтовая флейта – у Носа, корнет и ксилофон у Ковалева; слуга Иван аккомпанирует себе на балалайке. А в последних тактах «Носа» используется экзотический и донельзя щемящий тембр флексатона (что-то вроде звучащей пилы); все воистину «погружается во мрак», если повторить одну из сценических ремарок автора.

Шостакович в 1928 году

А в целом по языку и стилю опера Шостаковича есть торжество экцентрики, понимаемой в буквальном смысле слова: ex-centrum, «из центра»; от привычного, принятого, ожидаемого – на периферию возможного, к неизведанным и захватывающим крайностям.

Ярчайшие эпизоды.

О некоторых из них уже говорилось. Несомненно, самым знаменитым номером партитуры является антракт для девяти ударных инструментов (между второй и третьей картинами); классическая музыка еще не знала такого мощного разряда ритмической энергии! Известен и октет дворников из пятой картины: в средневековой полифонической форме демонстрируется некий абсурд традиционного оперного ансамбля, когда люди поют на разные тексты, заведомо не слушая друг друга. Бесподобны по своей напористости фугато второй картины (сцена на набережной) и галоп между третьей и четвертой картинами, буквально утыкающийся в звуковой пейзаж Казанского собора – невозможно представить себе контраст более резкий.

Шостакович в 1928 году

Но едва ли не самым выразительным эпизодом оперы я все же считаю песню полицейских в седьмой картине (на слова И.П.Котляревского, процитированные Гоголем в «Сорочинской ярмарке»): «Поджав хвост, как собака, как Каин, он затрясся весь, из носа потекла табака». Эта песня передает звериную – в полном смысле слова – тоску российской рабской жизни и, может быть, именно ей, песне, мы обязаны впечатлением от оперы «Нос», переданным в Дневнике С.С.Прокофьева: «общий стон».

Чем была и чем осталась эта опера.

Во все стороны пустила она побег в творчестве своего автора, и дело не в том, что воспроизводились галопы и полки (в «Леде Макбет Мценского уезда», в симфониях), а в том, что они становились символом торжествующей пошлости, торжествующего большинства, которому Шостакович яростно сопротивлялся и которое он клеймил и проклинал в своей музыке. В этом смысле знаменитый эпизод нашествия в Седьмой симфонии, давно удостоенный культурно-политической канонизации, есть продолжение галопов и полек «Носа»: ведь в эпизоде используется мотив опереточной шансонетки.

Шостакович в 1928 году

Шостакович знал, что говорил, когда в 1930 году высказался по поводу сюжета оперы «Нос» в связи с ее премьерой в Ленинградском Малом оперном театре: «Это происшествие бесполезно для Ковалева, но небесполезно для нас». Показана агрессивная толпа, показано унижение и преследование – кто мог знать, что все это вот-вот окончательно станет нормой существования для советских людей из поколения Шостаковича и для него самого? Он предчувствовал близкое будущее и старался укрепить себя и нас: этим-то его опера и «небесполезна». Нельзя также «жить, опираясь на ничто» (В.Н.Топоров), даже если это «ничто» - всего лишь отсутствие

носа. Музыка Шостаковича говорит о нравственных опорах и предлагает их, для этого она более чем талантлива. Воспользоваться ее помощью сегодня, ибо жестокость большинства ничуть не уменьшилась – такой может быть добровольная цель каждого из нас.

KEEPING INTRINSIC VALUE

Leonid Gakkel

Where did it all start?

Dmitri Dmitrievitch Shostakovich was twenty-two years old when he completed his first opera, *The Nose*, in 1928. Not even Mozart and Rossini had created operas of such interest by this age. With *The Nose*, Shostakovich produced a score which was both a striking composition in its novelty and creative richness – a contemporaneous expression of his reflections on current art – and a map holding the key to his future work in symphony and opera (two were to follow, including the unfinished *The Gamblers*).

Everything in the artist's life seemed to fall into place: after gaining experience as a composer of instrumentalist works and writing a symphony with a chorus (the Second), Shostakovich started on the opera with all-consuming dedication. It is often thought that he spent much time thinking of a suitable topic and perusing the latest Soviet books but I am convinced that Gogol sprang immediately to mind and the tale of *The Nose* was his first and only decision, for the composer and the author had so much in common (as we will see later).

Work began on the libretto. As has often been the case with Russian opera, there were several co-authors: Yevgeny Zamyatin, the renowned author whose work was often in the Gogolian tradition, was involved. However, the lion's share of the work was, as usual, done by the composer and he is the one we have to thank for working the libretto into a small anthology, which included texts from Gogol's stories and, more importantly, developed motifs which barely surface in *The Nose*. For example, from just one simple remark in Gogol, Shostakovich created the whole scenario for the dispatch of the stagecoach in the remarkable Scene 7. Given this creativity, it is hardly surprising that the cast swelled to 78, some characters having only one or two lines and others no lines at all.

Shostakovich set to work and the opera progressed rapidly, despite interruptions. Act 2, for example, was completed in two weeks. When you listen to *The Nose*, you get the impression that it was written without a break and without pause for review, but in fact, on careful analysis, you can see the huge 500-page score was written with immense attention to detail, and Shostakovich had, in his own words, experienced every note and taken responsibility for every bar.

Shostakovich and Gogol

Much has been said and written about the kinship between these two geniuses, separated by a whole century. Denizens of Russia and St Petersburg, they were called by a very Russian destiny to witness the events that befell their country and their people. They were clear-sighted yet cruel witnesses. Descriptions of Gogol mention his long dry nose which imparted something bird-like, observant, to his face, and on one occasion Shostakovich likened him to the bird in Breughel's painting, looking down from a tree on the inhumanity of humankind. Both Gogol and Shostakovich saw around them a world of triteness (the self-satisfied coarseness and banality expressed in the Russian word *poshlost*) where the majority bullies the minority and where everyone has to seem like everyone else (as described by Merezhkovsky in his book on Gogol). And both Gogol and Shostakovich took a stand against this depersonalised and petty world, each in his own way, but with identical determination and consistency, almost pedantically – for they each had something of the St Petersburg city bureaucrat, shuttered-in and derisive.

St Petersburg: their home town

Both Gogol and Shostakovich immortalised the northern Russian capital, Gogol in *St Petersburg Tales* and Shostakovich (a native of St Petersburg) in all his creative work and particularly, perhaps, in *The Nose*.

Not since Tchaikovsky's *Queen of Spades* had the St Petersburg landscape been portrayed in such detail as it was in *The Nose*. Nevsky Prospect, Kazan Cathedral, the Summer Garden ... true, they appear in name rather than in 'life' but the essence is preserved, for St Petersburg is a city with a flat horizontal skyline and the music for *The Nose* is horizontal, linear. The musical lines in Shostakovich move with great intensity, without stopping, reminding the listener of water, the elemental force responsible for St Petersburg's

existence. But when the music stills for a moment and the rushing stops, another iconic face of St Petersburg emerges, the empty spaces, reminding us of St Petersburg's 'other life'. This is reflected in the exquisite fourth scene (Kazan Cathedral) with its chorus without words and its angelic, 'resplendent' soprano solo. The translucence and clarity of the capital's Empire style is celebrated here.

Yet the opera manages to catch the tumult of Gogol's St Petersburg, 'from the cellar to the attic'; not just in words but in its whole personification. Through the unstoppable momentum of the music, and still somehow incomprehensibly, the composer has managed to convey the character of the St Petersburg spring with its light caressing air. Remember that, like the *Queen of Spades*, the plot of *The Nose* unfolds on the cusp of March and April. There are other allusions to the *Queen of Spades*: the scene in Kazan Cathedral, with the choir singing and Kovalev's broken phrases, and of course the episode with the old countess with her sponging dependants where the real subject is death (Scene 7). Shostakovich pays homage to St Petersburg, summoning the shades of music past, when the local police officer sings in the same tenor alto as the Astrologer in Rimsky-Korsakov's *The Golden Cockerel* and in the waltz and polka, with its glimpses of Stravinsky's Suite for Small Orchestra.

Anti-Gogol

Gogol was a genius of comedy, and comedy, in Henri Bergson's incontrovertible opinion, is only achievable in an atmosphere of equanimity: the vast spectrum of human feelings is not covered by comedy and is not always taken into consideration by it. If so, Shostakovich is anti-Gogol in his music and *The Nose* is an anti-Gogolian work.

The scene where the stagecoach is dispatched immediately engages us with its sadness and mood of the finality of life. There is the parting of the parents and children, the mother's blessing, the old countess's monologue. 'I want to tell you about a particular occurrence. I will die this summer. Death has already announced his coming.' These words are taken from Gogol's *Old-World Landowners*, but the sound of the monologue anticipates the more tragic Shostakovich of the 1930s and 1940s. Kovalev's part in Act II is one of suffering, terror, alarm, search for escape: all this is in Shostakovich, but Gogol does not have the depth and range of dark human emotion to be found in the intermezzo to Scene 6 and Kovalev's arioso in the same scene.

Neither does Gogol have that fear of persecution and annihilation that can be found in the episodes in Act Three where the search is on for the Nose. The cry of 'Tak ego' ('Take that') is repeated 43 times by the Crowd and the persecution mania (of the persecutors) almost possesses us, the audience. The poor hunted Nose perishes and its truncated howl reminds us of the apotheosis of violence elsewhere in Shostakovich's music – the toccata in the Eighth Symphony. For the composer to be able to write *The Nose* and the Eighth, and for us to be able to make this connection, we need the benefit of the large span of time that separates us from Gogol.

Language and Form

In 1928, when *The Nose* was composed, the term avant-garde was unknown. But Shostakovich's score was undoubtedly avant-garde in Russian music at that time, and was the most innovative of his work. Dissonance is dominant, classical tonality almost non-existent, the writing almost totally graphic without the 'cement' of chords (small wonder it took the composer a long time to construct the piano arrangement successfully) A 'montage' principle of composition is employed, without noticeable links or transitions, while the logic of the whole is immaculate. The chain of orchestral intermezzos forms a precise scaffold for the composition. A compositional arc bridges the first and fifteenth scenes (Kovalev's shaving), which mirror each other in content and function. The opera has two contracting dramatic centres: the intermezzo to the sixth scene and the pursuit in the eighth. On the whole, however, the composition manages without closed forms; the continuity of movement – the power of the moving lines – is determinant.

It is, of course, extremely difficult to sing under these conditions. The vocal phrase acquires a virtuoso character. There are only 30 instruments in the orchestra (one from each section plus percussion, domras and balalaikas) and the score is exceptionally

skilfully written. The instruments are used virtually as leitmotifs. Each character has its own instrument: the Nose is the alto flute, Kovalev is the cornet and the xylophone, the servant Ivan accompanies himself on the balalaika. The final bars make use of the exotic and the impossibly plaintive timbre of the flexatone (like a reverberating saw); the effect is like being plunged into darkness, to use one of the author's stage directions.

The language and style of this opera celebrate eccentricity, in the literal sense of the word: *ex centrum* – off centre, away from the run-of-the-mill, the accepted, the generally expected, towards the periphery of the possible, the unknown and breathtaking margins.

Outstanding episodes

Some of these have been mentioned already. Without doubt, the best-known is the intermezzo for nine percussion instruments, between the second and third scenes. Classical music had never heard such a powerful discharge of rhythmic energy. Another famous moment is the octet of street-cleaners in the fifth scene; in its mediaeval polyphonic form it highlights what might be a certain absurdity in the traditional operatic ensemble, with people singing different texts and obviously not listening to each other. The fugato in the second scene (the Embankment) and the galop between the third and fourth scenes, running literally full tilt into sound landscape of the Kazan Cathedral, are incomparable in their forcefulness. It is impossible to imagine a sharper contrast.

But the most expressive episode in the opera is, for me, the policeman's song in the seventh scene (based on Kotlyarevsky's words, and quoted by Gogol in *Sorochinsky Fair*): 'With his tail between his legs like a doggie, like Vanka Kain, he started to shake all over his body, and the dottle ran out of his noddle.' This song transmits a sense of the animal (in the full sense of the word) yearning of Russian life now reduced to servitude and it is to this song that we are perhaps indebted for Prokofiev's impression of the opera, conveyed in his Diary, as 'a communal moan'.

The Nose: its life and legacy

This opera was seminal to all of Shostakovich's later work, not simply in that it gave birth to galops and polkas (in *Lady Macbeth of Mtsensk* and in the symphonies) but because it portrayed rampant triteness so vividly – the triumphant majority that Shostakovich opposed vehemently and stigmatised and lambasted in his music. In this sense, the well-known episode of the invasion in the Seventh Symphony, canonised in cultural and political life, is the continuation of the galops and polkas in *The Nose*. (The episode uses the motif of an operetta chanson.)

Shostakovich knew what he was doing when he spoke out about the theme of *The Nose* when it was premiered in Leningrad's Maly Opera Theatre in 1930, saying that while this event had lost its intrinsic value for Kovalev, it kept its intrinsic value for us. Here we see the aggressive mob, here we see humiliation and persecution: who would have thought that this would become the normal way of life for Soviet people of Shostakovich's generation or for the composer himself? He was filled with foreboding about what was soon to come and tried to give himself and us the strength to cope. And this is why his opera is 'of intrinsic value'. It is impossible to live a life with an 'empty space' to lean on, even if this 'empty space' is the absence of a nose (as expounded by Vladimir Toporov in his work on the 'St Petersburg text'). Shostakovich's music speaks to us of moral foundations and takes on a role for which the composer's talents are more than apt. Whether we find remedy and comfort in his music today, when the cruelty of the majority has in no way diminished, is perhaps a freedom of choice for each of us.

Translated from Russian by Eyvor Fogarty

UNE VALEUR FONDAMENTALE

Leonid Gakkel

Au commencement

Dmitri Dmitrievitch Chostakovitch n'a que vingt-deux ans lorsqu'il compose *Le Nez*, son premier opéra, en 1928. Au même âge, ni Mozart ni Rossini n'avaient encore écrit d'opéra d'un intérêt comparable. Avec *Le Nez*, Chostakovitch produit une partition impressionnante par l'originalité et la richesse de l'invention, composition qui reflète ses idées du moment sur la création contemporaine et préfigure ses œuvres symphoniques et lyriques à venir (deux opéras suivront, dont *Les Joueurs* resté inachevé).

Tout se présente bien pour l'artiste à l'époque : fort des œuvres instrumentales et de la symphonie avec chœur (la Seconde) qu'il a déjà composées, Chostakovitch se lance dans l'écriture de cet opéra avec toute la passion dont il est capable. On a dit qu'il avait mis longtemps à trouver un sujet et qu'il l'avait d'abord cherché dans la littérature soviétique de son temps. Personnellement, je suis d'avis qu'il a pensé immédiatement à Gogol et que *Le Nez* s'est imposé à lui d'emblée, tant il avait de points communs avec l'écrivain – on le verra plus tard.

Le livret est le fruit d'une collaboration, comme souvent dans l'opéra russe. Y contribue notamment Evgeni Zamiatine, auteur célèbre dont certaines œuvres s'inscrivent dans la tradition gogolienne. Mais, ainsi qu'on pouvait s'y attendre, le mérite en revient, pour l'essentiel, au compositeur, qui a su faire de ce livret une petite anthologie de textes de Gogol et développer des motifs qui ne faisaient qu'affleurer dans *Le Nez*. L'épisode de la diligence, par exemple, dans l'excellente scène 7 est né d'une simple remarque dans l'original. De même, les personnages se multiplient considérablement dans l'opéra, où l'on dénombre 78 rôles, dont beaucoup d'une ou deux lignes seulement, quand ils ne sont pas muets.

La partition avance rapidement malgré les interruptions : le second acte, par exemple, est achevé en quinze jours. À l'écoute, on a l'impression que Chostakovitch a composé *Le Nez* d'une traite sans prendre le temps de revenir en arrière, alors qu'un examen plus approfondi de cette énorme partition de 500 pages révèle qu'il en a peaufiné les moindres détails et, comme il l'a confié lui-même, en a ressenti chaque note, s'est investi dans chaque mesure.

Chostakovitch et Gogol

Le lien entre ces deux hommes de génie, nés à un siècle d'écart, a fait l'objet d'innombrables commentaires. Ils vécurent l'un et l'autre à Saint-Petersbourg, et furent les témoins à la fois lucides et cruels d'événements qui bouleversèrent la destinée de leur pays et du peuple russe. Tous ceux qui ont décrit l'apparence physique de Gogol ont parlé de son nez, qu'il avait long et aquilin. Chostakovitch l'a un jour comparé à l'oiseau d'un tableau de Breughel qui observe, perché dans un arbre, la petitesse humaine. Gogol et Chostakovitch voyaient tout autour d'eux le triomphe de la vulgarité (mélange de grossièreté satisfaite et de trivialité que désigne en russe le mot *poshlost*), un monde où toute minorité est persécutée et où il faut se conformer (comme l'explique Merezhkovski dans son ouvrage sur Gogol). Gogol et Chostakovitch combattent cet univers dépersonnalisé et mesquin chacun à sa façon, mais avec une même détermination sans faille, teintée parfois de pédantisme – car il y a bien, chez l'un comme chez l'autre, un peu du fonctionnaire de Saint-Petersbourg, renfermé et moqueur.

Saint-Petersbourg : un lieu privilégié

Gogol et Chostakovitch ont immortalisé la capitale septentrionale du pays – Gogol dans ses *Nouvelles de Saint-Petersbourg* et Chostakovitch, qui était natif de Saint-Petersbourg, dans l'ensemble de son œuvre musicale et plus particulièrement peut-être dans *Le Nez*.

Il faut remonter à *La Pique Dame* de Tchaïkovski pour trouver une évocation aussi précise de la Perspective Nevski, de la cathédrale Notre-Dame-de-Kazan, du Jardin d'été ... Il s'agit, certes, d'évocations plus métaphoriques que réalistes, mais qui préservent l'essence même de la ville de Saint-Petersbourg, dont les avenues ouvrent sur un horizon absolument plat. Cette horizontalité, on la retrouve dans la linéarité même de la partition que Chostakovitch a écrite pour *Le Nez*. La musique progresse d'un mouvement

vigoureux et continu, telle l'eau du fleuve auquel Saint-Pétersbourg doit son existence. Et quand la ligne musicale s'immobilise momentanément dans sa course, c'est un autre aspect de la ville qui s'impose : les immenses espaces rappelant l'autre « vie » de Saint-Petersbourg. En témoinqe l'exquise beauté de la scène 4, à l'intérieur de la cathédrale de Kazan, avec son chœur sans paroles et le solo de la soprano, éblouissant de pureté. C'est la luminosité diaphane de l'ancienne capitale impériale qui est ici célébrée.

L'opéra n'en réussit pas moins à rendre la vie tumultueuse de la Saint-Pétersbourg de Gogol, dans toute sa diversité, non seulement par le texte mais par la richesse des personnages. A travers l'élan ininterrompu de la musique et d'une manière plutôt attendue, le compositeur réussit à évoquer l'air printanier qui caresse la ville. L'action se déroule, en effet, entre mai et avril, comme dans *La Pique Dame*, auquel il est fait d'autres allusions, telle la scène de la cathédrale de Kazan, avec le chœur et la confusion de Kovalev, et bien sûr l'épisode de la vieille comtesse qui introduit la thématique de la mort à la scène 7. Chostakovitch rend également hommage à Pétersbourg par ses allusions musicales : ainsi l'officier de police a la même voie de ténor altino que l'Astrologue de Rimski-Korsakov dans *Le Coq d'or*, tandis que valse et polka rappellent la Suite pour petit orchestre de Stravinski.

Un anti-Gogol

Gogol a le don de la comédie. Or, pour pouvoir se déployer, le rire requiert, comme le suggère sans conteste Henri Bergson, une certaine équanimité : le comique ne saurait recouvrir, ni toujours exploiter la palette entière de l'émotion humaine. Dans ces conditions, on peut dire qu'il y a de l'anti-Gogol dans la musique de Chostakovitch et que *Le Nez* est un opéra anti-gogolien.

La scène de la diligence éveille immédiatement en nous tristesse et conscience de la mort. On y assiste à des adieux entre parents et enfants, sans parler de la bénédiction maternelle et des paroles de la vieille comtesse : « Il faut que je vous prévienne d'un événement d'importance. Je mourrai cet été, je le sais, ma mort est déjà venue me prendre », citation extraite d'*un Ménage d'autrefois* de Gogol. Ces paroles annoncent le Chostakovitch plus tragique des années 1930 et 1940. L'acte II, où s'exprime la douleur, la terreur et l'angoisse d'un Kovalev cherchant désespérément une issue est bien une création de Chostakovitch, car on ne trouve chez Gogol ni la profondeur ni la richesse affective de l'intermezzo qui précède la scène 6, puis de l'arioso de Kovalev dans cette même scène.

On chercherait en vain chez Gogol la hantise de la persécution et de l'annihilation qui caractérise l'acte III et la chasse au Nez. Le public en arrive presque à partager la frénésie de la foule des persécuteurs s'écriant, 43 fois de suite, « Tak ego !» [On le tient !]. Le pauvre Nez persécuté finit par périr et son hurlement d'agonie rappelle d'autres moments de violence extrême dans la musique de Chostakovitch, telle la toccata de la Huitième Symphonie. Il fallait bien que Gogol s'enfonce dans le passé pour que le compositeur en arrive à créer à la fois *Le Nez* et sa Huitième Symphonie, et que nous puissions être sensibles au lien entre ces deux œuvres.

Langage et forme

À l'époque où Chostakovitch écrit *Le Nez*, en 1928, on parle peu d'« avant-garde » en Russie. Cette partition n'en est pas moins d'avant-garde par rapport à la musique des compositeurs russes de l'époque, et représente l'œuvre la plus novatrice de Chostakovitch : discordance extrême, abandon presque total de la tonalité classique, morcellement de l'écriture (absence d'accords qui rendra l'arrangement pour piano d'autant plus difficile pour le compositeur). On a là un montage musical sans transitions ni liens apparents, et pourtant d'une logique implacable. Les intermezzi orchestraux qui se succèdent à intervalles servent très précisément d'échafaudage à l'ensemble, avec un effet de symétrie, en termes de contenu et de fonction, entre les deux scènes che le barbier, au tout début et à la fin de l'opéra. L'opéra se contracte autour de deux grands moments dramatiques : l'intermezzo en amont de la scène 6 et celui qui précède la poursuite de la scène 8. Au niveau de l'ensemble toutefois, la composition se veut ouverte et le mouvement dans sa continuité joue un rôle déterminant.

Dans un tel contexte, la phrase vocale se fait nécessairement virtuose. L'orchestre ne comprend que 30 instruments (un de

chaque section avec, en outre, des percussions, des domras et des balalaïkas), et l'écriture musicale est d'une qualité exceptionnelle. Les instruments fonctionnent presque comme autant de leitmotivs, chacun d'entre eux étant associé à un personnage particulier : la flûte au Nez ; le cornet et le xylophone à Kovalev ; et la balalaïka à Ivan, son valet, qui en joue. Les dernières mesures mettent à profit l'étrangeté des sonorités extraordinairement plaintives du flexatone (sorte de scie musicale), qui sont censées créer l'impression d'un plateau plongé dans l'obscurité, comme le précisent les indications scéniques de l'auteur.

Le langage et le style de cet opéra sont un véritable hymne à l'excentricité, au sens fort – *ex centrum*, loin du centre – en ce qu'ils sécartent des sentiers battus, des formes reconnues et attendues, pour atteindre à la périphérie du possible, à l'inconnu, à l'inouï.

Des passages remarquables

Certains ont déjà été commentés plus haut. Le plus connu est sans doute l'intermezzo pour neuf percussions qui précède la scène 3, pièce d'une puissance rythmique alors inégalee dans l'histoire de la musique classique. Autre grand moment : l'octuor des balayeurs de rue, à la scène 5, où chacun semble dire son texte sans écouter l'autre, et dont la polyphonie serait une aberration dans le contexte lyrique traditionnel. S'y ajoutent le fugato de la scène 2 (sur les quais) ainsi que le galop entre les scènes 3 et 4 qui s'engouffre littéralement dans le paysage sonore de la cathédrale, moments d'une puissance incomparable. On ne saurait guère imaginer plus saisissant contraste.

Mais l'épisode le plus expressif de l'opéra est incontestablement pour moi, l'air de l'officier de police de la scène 7 (inspiré de Kotliarevski, que Gogol lui-même cite dans *La Foire de Sorotchintski*) : « La queue entre les jambes, comme un chien, comme Vanka Kain, il se mit à trembler des pieds à la tête … ». Ce qu'on ressent ici, c'est le sentiment d'une Russie réduite à la servitude, à une condition véritablement animale, et c'est peut-être la raison pour laquelle Prokofiev a parlé de « gémissement collectif » à propos de cet opéra, dans son journal.

Le Nez : vie et postérité

Cet opéra est essentiel à la compréhension de toute l'œuvre à venir de Chostakovitch, non seulement parce qu'il contient notamment en germe les galops et polkas de *Lady Macbeth de Mtsensk* et des symphonies, mais parce qu'il dresse un portrait inoubliable de la vulgarité collective triomphante, à laquelle Chostakovitch s'oppose avec véhémence et qu'il stigmatise et combat dans sa musique. L'invasion guerrière évoquée dans la Septième Symphonie, qui prit par la suite valeur de symbole politique et culturel, s'inscrit dans la continuité des galops et polkas composées pour *Le Nez*. (L'invasion en question reprend une chanson d'opérette.)

Chostakovitch sait de quoi il parle lorsqu'il explique, lors de la création du *Nez* au Théâtre Maly de Léninegrad en 1930, que la mésaventure de Kovalev finit par perdre toute signification pour le personnage en question mais qu'elle ne perd rien de son sens pour nous. Qui aurait cru, en effet, que la violence collective, l'humiliation et la persécution seraient bientôt le lot quotidiens des Russes de la génération de Chostakovitch et du compositeur lui-même ? Il appréhendait l'avenir et essayait de se donner et de nous donner le courage de l'affronter. C'est en cela que réside la « force fondamentale » de l'opéra. Il est impossible de fonder une existence sur le vide, sur l'absence, même si cette absence est une absence de nez (ainsi que l'explique Vladimir Toporov dans ses travaux sur le « texte de Saint-Pétersbourg »). Dans sa musique, Chostakovitch nous parle de morale et endosse un rôle qu'il a largement le talent d'assumer. À l'époque actuelle, où la sauvagerie collective n'a rien perdu de sa virulence, chacun sera libre de trouver remède ou consolation dans cette musique.

Traduction: Marie Fleuve

KEIN VERLUST DES INNEREN WERTS

Leonid Gakkel

Die Anfänge

Dmitri Dmitriewitsch Schostakowitsch (oft einfach nur DSCH genannt) war erst 22, als er 1928 mit *Die Nase* seine erste Oper schrieb. Nicht einmal Mozart und Rossini hatten in dem Alter bereits eine derart interessante Oper komponiert. Mit *Die Nase* schuf Schostakowitsch eine Partitur, die in ihrer Novität und kreativen Fülle eine verblüffende Leistung war – ein Ausdruck seiner Überlegungen zur gegenwärtigen Kunst – und zugleich eine Landkarte, die die Richtung seines künftigen Schaffens in Sinfonie und Oper wies (zwei weitere Opern sollten folgen, einschließlich der unvollendeten *Die Spieler*).

Das Leben Schostakowitschs schien sich aufs Beste zu fügen: Nachdem er mit der Komposition von Instrumentalwerken Erfahrungen gemacht und eine Sinfonie mit Chor (die Zweite) geschrieben hatte, begann er die Arbeit an der Oper mit großer Verve. Oft heißt es, er habe lange nach einem geeigneten Stoff gesucht und die neuesten sowjetischen Bücher durchforstet, doch ich bin überzeugt, dass er sofort auf Gogol verfiel und dass die Geschichte *Die Nase* seine erste und einzige Wahl war, denn der Komponist und der Schriftsteller hatten zahlreiche Gemeinsamkeiten (wie wir noch feststellen werden).

Am Anfang stand die Arbeit am Libretto. Wie so oft bei russischen Opern gab es mehrere Co-Autoren: Jewgeni Samjatin, der angesehene Schriftsteller, der häufig in der Gogolschen Tradition schrieb, war daran beteiligt, doch das Gros der Arbeit leistete wie üblich der Komponist, und ihm haben wir es zu verdanken, dass das Libretto eine kleine Anthologie darstellte, die Texte aus Gogols Kurzgeschichten enthält und – wichtiger noch – Motive ausarbeitet, die in *Die Nase* nur angedeutet werden. So entwickelte Schostakowitsch etwa aus einer kurzen Bemerkung bei Gogol die gesamte Episode mit der Abfahrt der Kutsche in der erstaunlichen 7. Szene. Angesichts dieses Einfallsrcichtums überrascht es nicht, dass die Besetzung auf insgesamt 78 Mitwirkende anstieg, die häufig nur ein oder zwei Zeilen oder bisweilen auch keine einzige zu singen haben.

Schostakowitsch machte sich ans Werk und kam trotz Unterbrechungen rasch voran; den 2. Akt etwa schloss er innerhalb von zwei Wochen ab. Beim Hören von *Die Nase* bekommt man den Eindruck, er habe das Werk ohne Pause und ohne Revisionen geschrieben, doch bei genauerer Analyse stellt man fest, dass in der gewaltigen, 500 Seiten umfassenden Partitur jedes Detail überlegt ist und dass Schostakowitsch, um mit seinen eigenen Worten zu sprechen, jede Note erlebt hatte und Verantwortung für jeden einzelnen Takt übernahm.

Schostakowitsch und Gogol

Es wurde viel gesagt und geschrieben über die Ähnlichkeit dieser beiden Genies, die doch ein ganzes Jahrhundert trennt. Als Russen und St. Petersburger war es ihr – durch und durch russisches – Schicksal, die Ereignisse zu beobachten, die ihr Land und ihre Landsleute befehlen. Und sie waren scharfsichtige und grausame Beobachter. In Schilderungen der Erscheinung Gogols wird seine lange, trockene Nase erwähnt, die seinem Gesicht etwas Vogelartiges, Wachsameres verlieh, und Schostakowitsch verglich ihn einmal mit dem Vogel in Breughels Gemälden, der von einem Baum auf die Unmenschlichkeit der Menschheit herabblickt. Gogol und Schostakowitsch sahen sich von einer Welt der Banalität umgeben (die selbstzufriedene Derbheit und Platttheit, die das russische Wort poshlost so gut vermittelt), in der die Mehrheit die Minderheit drangsaliert und unterdrückt und jeder wie der andere zu scheinen hat (wie Mereschkowski in seinem Buch über Gogol schrieb). Und sowohl Gogol als auch Schostakowitsch widersetzten sich dieser entpersonalisierten, kleinlichen Welt, jeder auf seine Art, doch mit derselben Entschlossenheit und Beharrlichkeit und fast pedantisch – denn sie hatten beide etwas von einem St. Petersburger Beamten an sich, verschlossen und spöttisch.

St. Petersburg: ihre Heimatstadt

Sowohl Gogol als auch Schostakowitsch verewigten die Hauptstadt des russischen Nordens, Gogol in seinen *St. Petersburger Novellen* und Schostakowitsch (als gebürtiger St. Petersburger) in all seinen Werken, insbesondere aber in *Die Nase*.

Seit Tschaikowskis *Pique Dame* war die St. Petersburg Stadtlandschaft nicht so eingehend geschildert worden wie in *Die Nase*. Der Newski-Prospekt, die Kasaner Kathedrale, der Sommergarten ... Sicher, sie tauchen lediglich als Namen auf, doch in ihrer Essenz sind sie unüberschbar, denn St. Petersburg hat eine flache, horizontale Skyline, und ebenso horizontal und linear ist die Musik von *Die Nase*. Schostakowitschs Melodielinien bewegen sich unaufhaltsam und mit großer Heftigkeit vorwärts und lassen den Zuhörer an Wasser denken – die Naturgewalt, der St. Petersburg seine Existenz verdankt. Doch wenn die Musik einen Moment innehält und das Rauschen verstummt, kommt eine andere Facette der Stadt zum Vorschein: die leeren Plätze, die uns an das „andere Leben“ St. Petersburgs erinnern. Wir sehen es in der wunderschönen 4. Szene (Kasaner Kathedrale) mit dem Chor ohne Worte und dem ätherischen, strahlenden Sopransolo – eine Apotheose der schimmernden Klarheit des St. Petersburger Empire-Stil.

Andererseits veranschaulicht die Oper auch das Durcheinander von Gogols St. Petersburg, „vom Keller bis zum Speicher“, nicht nur in Worten, sondern dem ganzen Wesen nach. Durch den unaufhaltsamen Schwung der Musik ist es Schostakowitsch auf unerklärliche Art gelungen, den Petersburger Frühling mit seiner lauen, zärtlichen Luft einzufangen – schließlich spielt *Die Nase*, ebenso wie *Pique Dame*, am Übergang von März zu April. Es gibt noch weitere Anspielungen an *Pique Dame*, etwa die Szene in der Kasaner Kathedrale mit dem singenden Chor und Kowalews gebrochenen Phrasen, und natürlich die Episode mit der alten Gräfin und ihrer Speichel leckenden Dienerschaft, in der es im Grunde um den Tod geht (7. Szene). Der Komponist ehrt seine Geburtsstadt und beschwört die Schatten der musikalischen Vergangenheit herauf, als der Polizist im selben Tenor-Altino singt wie der Astrologe in Rimski-Korskows *Der goldene Hahn* sowie in Walzer und Polka mit den Anlehnungen an Strawinskis Suite für kleines Orchester.

Anti-Gogol

Gogol war ein Genie des Komischen, und das Komische kann, wie Henri Bergson unstrittig erläuterte, nur in einer Atmosphäre des Gleichmuts gedeihen: Die immense Palette der menschlichen Gefühle wird vom Komischen nicht abgedeckt und von ihm auch nicht immer mit Rücksicht behandelt. Wenn dem so ist, dann ist Schostakowitsch in seiner Musik anti-Gogolsch und *Die Nase* ein anti-Gogolsches Werk.

Die Szene mit der Abfahrt der Kutsche schlägt uns mit ihrer Trauer und der Stimmung von der Endlichkeit des Lebens sofort in ihren Bann. Eltern und Kinder trennen sich, es folgt der Segen der Mutter, der Monolog der alten Gräfin. „Ich möchte euch von einer besonderen Begebenheit erzählen. Ich werde diesen Sommer sterben. Der Tod hat mich bereits aufgesucht.“ Diese Zeilen stammen aus Gogols Erzählung *Golgobesitzer aus alter Zeit*, doch der Ton des Monologs nimmt bereits den tragischeren Schostakowitsch der 1930er und 1940er Jahre vorweg. Kowalews Rolle im 2. Akt ist eine des Leidens, des Grauens, des Schreckens und der Suche nach einem Ausweg. All das findet sich bei Schostakowitsch, doch Gogol besitzt weder die Tiefe noch die Bandbreite dunkler menschlicher Gefühle, die im Intermezzo der 6. Szene und Kowalews Arioso in derselben Szene zum Ausdruck kommt.

Auch hat Gogol nicht die Angst vor Verfolgung und Auslöschung, wie sie die Episoden im 3. Akt durchzieht, in der nach der Nase gesucht wird. Der Ruf „Tak ego“ („Hab sie“) wird von der Menge 43 Mal wiederholt, und der Verfolgungswahn (der Verfolger) ergreift fast auch uns, die Zuhörer. Der abgeschnittene Schrei der armen gejaagten Nase erinnert an die Apotheose der Gewalt, die noch an anderer Stelle in Schostakowitschs Musik zu hören ist - in der Tokkata in der Achten Sinfonie. Dass der Komponist in der Lage war, *Die Nase* und die Achte zu schreiben, und dass wir diese Verbindung herstellen können, dafür bedarf es der großen Zeitspanne, die uns von Gogol trennt.

Sprache und Form

Zur Entstehungszeit von *Die Nase* 1928 war der Begriff „Avantgarde“ unbekannt. Dabei war Schostakowitschs Partitur für die damalige russische Musik zweifellos avantgardistisch, die Oper das innovativste all seiner Werke. Dissonanzen herrschen vor, klassische Tonalität gibt es kaum, die Satzweise ist rein graphisch, es fehlt der „Zement“ der Akkorde (kein Wunder, dass der Komponist sehr lange an einem überzeugenden Klavierarrangement arbeitete). Die Komposition folgt dem Prinzip der „Montage“ ohne erkennbare Verbindungen oder Übergänge und besticht durch ihre Logik. Die Reihe der Orchesterintermezzi bildet ein präzises Gerüst für das Werk, ein kompositorischer Bogen verbindet die 1. und die 15. Szene (Kowalews Rasur), die sich inhaltlich und funktional spiegeln. Die Oper hat zwei dramatische Mittelpunkte, die ihr Zusammenhalt geben: das Intermezzo in der 6. und die Verfolgung in der 8. Szene. Insgesamt jedoch kommt die Komposition ohne geschlossene Formen aus, vorherrschend ist die beständige Bewegung, die Kraft der vorantreibenden Linien.

Natürlich ist es unter diesen Bedingungen außerordentlich schwierig zu singen. Die Stimmlinie wird zum Virtuosen. Das Orchester besteht aus ganzen dreißig Instrumenten (eines aus jeder Gruppe sowie Perkussion, Domras und Balalaikas), und die Partitur ist mit großem handwerklichem Geschick geschrieben. Die Instrumente werden praktisch leitmotivisch eingesetzt, jede Figur hat ihr eigenes Instrument: Die Nase ist die Altflöte, Kowalew das Kornett und das Xylophon, der Diener Iwan begleitet sich selbst auf der Balalaika. Die letzten Takte nutzen das exotische und ungemein klagende Timbre des Flexatons (eine Art schwingende Säge), was ähnlich wirkt wie ein Absturz in die Dunkelheit – um eine Bühnenanweisung des Autors zu zitieren.

Sprache und Stil der Oper sind von ungehemmter Exzentrität, und zwar im wörtlichen Sinne von ex centrum – außerhalb des Mittelpunkts, abseits des Herkömmlichen, des Gängigen und allgemein Erwarteten, hin zur Peripherie des Möglichen, zu den unbekannten, atemberaubenden Randbereiche.

Bemerkenswerte Episoden

Einige ausgefallene Episoden wurden bereits erwähnt. Die bekannteste ist zweifellos das Intermezzo für neun Perkussionsinstrumente zwischen der 2. und 3. Szene. Eine derart kraftvolle Entladung rhythmischer Energie war in der klassischen Musik bis dato ungekannt gewesen. Berühmt ist auch das Oktett der Straßenfeger in der 5. Szene, das in seiner mittelalterlichen polyphonen Form etwas beleuchtet, das innerhalb des traditionellen Opernensembles eine gewisse Absurdität darstellen mag: Menschen, die unterschiedliche Texte singen und sich gegenseitig eindeutig nicht zuhören. Das Fugato in der 2. Szene und der Galopp zwischen der 3. und 4. Szene, der im jagenden Tempo in die Klanglandschaft der Kasaner Kathedrale stürzt, sind unvergleichlich in ihrer Wucht. Einen schärferen Kontrast kann man sich kaum vorstellen.

Die ausdrucksstärkste Episode der ganzen Oper ist für mich jedoch das Lied des Polizisten in der 7. Szene (es beruht auf Kotljarewskis Worten und wird von Gogol im *Jahrmarkt von Sorotschinzj* zitiert: „Er zittert wie ein feiger Hase, und zieht den Schwanz ein wie ein Hund, der Tabak quillt ihm aus der Nase.“ Dieses Lied vermittelt einen Eindruck vom animalischen (im wahrsten Sinne des Wortes) Sehnen im russischen Leben, das jetzt in der Knechtschaft versinkt, und eben diesem Lied verdanken wir vielleicht Prokofjews Urteil über diese Oper, das er in sein Tagebuch notierte: sie sei „ein allgemeines Wehklagen“.

Die Nase: ihr Leben und ihr Vermächtnis

Die Oper war wegweisend für das gesamte spätere Werk Schostakowitschs, und zwar nicht nur, weil sie Galopps und Polkas hervorbrachte (in *Lady Macbeth von Mzensk* und in den Sinfonien), sondern auch, weil sie ausufernde Banalität so eindringlich darstellt – die triumphierende Mehrheit, gegen die Schostakowitsch sich so vehement verwahrte und in seiner Musik stigmatisierte und anprangerte. Vor diesem Hintergrund ist die allgemein bekannte Episode der Invasion in der Siebten Sinfonie, die im kulturellen und politischen Leben ikonisiert wurde, die Fortsetzung der Galopps und Polkas in *Die Nase*. (Die Episode verwendet das Motiv eines Operettenlieds.)

Schostakowitsch wusste genau, was er tat, als er bei der Premiere von *Die Nase* 1930 im Mali-Theater in Leningrad über das Thema sprach und sagte, das Ereignis habe für Kowalew zwar seinen inneren Wert verloren, nicht aber für uns. Hier sehen wir den aggressiven Pöbel, hier sehen wir Demütigung und Verfolgung. Wer hätte gedacht, dass Derartiges für die sowjetischen Bürger von Schostakowitschs Generation und für den Komponisten selbst zum Alltag werden würde? Für die Zukunft sah er Unheilvolles voraus, und er versuchte, sich und uns die Kraft zu geben, diese Unbill zu ertragen. Deshalb hat seine Oper einen „inneren Wert“. Es ist unmöglich, ein Leben zu führen, in dem man sich auf eine Lücke stützen soll, selbst wenn diese Lücke lediglich eine fehlende Nase ist (wie Wladimir Toporow in seinem Werk über den „St. Petersburger Text“ erläuterte). Schostakowitschs Musik sagt etwas über moralische Grundfeste aus und empfiehlt sich hier in einer Rolle, der ihre Talente mehr als gerecht werden. Ob wir in der heutigen Zeit, in der die Grausamkeit der Mehrheit um keinen Deut geringer ist, in seiner Musik Trost und Abhilfe finden, ist eine Entscheidung, die jedem von uns frei steht.

Übersetzung aus dem Englischen: Ursula Wulfekamp

DMITRI DMITRIYEVICH SHOSTAKOVICH (1906-1975)

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ОПЕРЫ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

1-я картина. ...В хмельном бреду, то ли во сне, то ли наяву, цирюльник Иван Яковлевич справляет свой ненавистный труд...
2-я картина. ...Иван Яковлевич и его жена Прасковья Осиповна с ужасом обнаруживают в хлебе отрезанный нос...
3-я картина. ...Обезумевший цирюльник пытается избавиться от преступной улики...
4-я картина. ...Проснувшись утром, майор Ковалев не обнаруживает на месте собственного носа...
Симфонический антракт
5-я картина. ...В Казанском соборе, неожиданно для себя майор Ковалев встречает свой Нос и пытается с ним объясниться...

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

6-я картина. ...Газетная экспедиция:Ковалев пытается дать объявление о пропаже Носа: Безуспешно...
Симфонический антракт
7-я картина. Квартира Ковалева... Лакей майора – Иван безмятежно развлекается, отчаяние Ковалева нарастает...

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

8-я картина. ...Станция дилижансов:Квартальный надзиратель инструктирует полицейских для поимки путешествующего Носа...
...Проходит череда отъезжающих: мать, отец и два сына, Иван Иванович и Петр Федорович, старая барыня в окружении приживалок, торговка бубликами. Внезапно появляется Нос... В суматохе его ловят...
9-я картина. ...Квартира Ковалева: Квартальный приносит Ковалеву его Нос и, получив вознаграждение, исчезает... Майор титенно пытается вернуть Нос на прежнее место... Появившийся доктор не в силах помочь Ковалеву...
...Ковалев и его приятель Ярыжкин видят причиной несчастья воровжу штабс-офицерши Подточиной, якобы пожелавшей отомстить Ковалеву за пренебрежение ее дочерью...
...Приятели пишут письмо Подточиной, которое передает ей лакей Иван: Иван возвращается с ответом, Ковалев понимает, что дамы не виноваты...
10-я картина. ...Улица... По городу прошел слух, что у Ковалева сбежал Нос: Страшная история взбудоражила город... Все, включая знатного купца Хозрев-Мирзу, оживленно обсуждают это событие... Неожиданно в толпе появляется майор Ковалев: его нос красуется на своем месте...

SYNOPSIS

ACT I

Scene 1 ... Either in a dream or in reality, the barber Ivan Yakovlevich is doing his hateful job in a drunken stupor...
Scene 2 ... Ivan Yakovlevich and his wife Praskovya are taken aback to find a nose in a bread roll...
Scene 3 ... The panic-stricken barber tries to dispose of the evidence...
Scene 4 ... When he wakes up in the morning, Major Kovalev discovers his nose has disappeared...
Symphonic interval
Scene 5 ... Inside Kazan Cathedral, Major Kovalev unexpectedly meets his nose and tries to speak to it...

ACT II

Scene 6 ... A newspaper advertisements department: Kovalev tries to submit an advertisement about the disappearance of his nose... Unsuccessfully...
Symphonic interval
Scene 7 ... Kovalev’s apartment... The major’s footman Ivan is relaxing quietly, and Kovalev’s despair increases...

ACT III

Scene 8 ... A coaching-inn... The district constable is giving instructions to his men to capture the travelling Nose...
... A procession of travellers enters: a mother and father with their two sons, Ivan Ivanovich and Pyotr Fyodorovich, an elderly lady surrounded by hangers-on and a bread roll seller. Suddenly the nose appears... In the confusion, they manage to catch it...
Scene 9 ... Kovalev’s apartment... The district constable brings Kovalev his Nose and, on receiving his reward, disappears... In vain, the major tries to put the Nose back on his face... A doctor arrives but is unable to help Kovalev...
... Kovalev and his friend Yaryzhkin suspect the guilty party to be Podtochina, the widow of a staff-officer, acting in revenge for Kovalev’s contempt for her daughter...
... The friends write a letter to Podtochina, which Ivan the footman delivers...
...Ivan returns with an answer and Kovalev understands that the women are innocent...
Scene 10 ... A street... A rumour is spreading over the city that Kovalev’s Nose has run away... The horrific tale has captured the imagination of the whole city: Everyone, including the eminent merchant Khorzev-Mirza, is discussing the event in the most animated fashion... Unexpectedly Major Kovalev joins the mêlée: his nose is exactly where it should be...

ARGUMENT

ACTE I

Scène 1 ... Rêve ou réalité, le barbier Ivan Iakovlevitch fait son triste métier, dans un état d'ébriété avancé ...
Scène 2 ... Ivan Iakovlevitch et son épouse Praskovia ont la surprise de découvrir un nez dans leur pain...
Scène 3 ... Affolé, le barbier tente de s'en débarrasser...
Scène 4 ... À son réveil, le major Kovalev s'aperçoit qu'il n'a plus de nez...
Interlude symphonique
Scène 5 ...À sa grande surprise, le major Kovalev aperçoit son Nez à l'intérieur de la cathédrale Notre-Dame-de-Kazan, et tente de l'aborder....

ACTE II

Scène 6 ... Dans la salle de rédaction d'un journal, Kovalev essaie de faire passer une annonce concernant la disparition de son nez... En vain...
Interlude symphonique
Scène 7 ... L'appartement de Kovalev... Ivan, son valet, prend un moment de détente tandis que Kovalev s'abandonne au désespoir...

ACTE III

Scène 8 ... Une auberge... Un gendarme ordonne à ses hommes d'arrêter le Nez avant qu'il ne prenne la diligence...
... Arrive une file de voyageurs : une mère, un père et leurs deux fils, Ivan Ivanovitch et Piotr Fiodorovitch, une femme d'un certain âge très entourée et une marchande de petits pains... Dans la bousculade, le Nez se fait arrêter.
Scène 9 ... L'appartement de Kovalev... Le gendarme rapporte son Nez à Kovalev, touche la récompense et s'en va... Le major essaie en vain de se remettre le Nez au milieu de la figure... Arrive un médecin, qui s'avère incapable de l'aider.
... Kovalev et son ami Larijkine soupçonnent la veuve d'un officier d'état-major, Podtochine, d'avoir voulu se venger de l'indifférence de Kovalev envers sa fille...
... Les deux amis rédigent une lettre à l'intention de la femme en question et la lui envoient par Ivan... À sa réponse, Kovalev comprend qu'elle et sa fille sont au-dessus de tout soupçon.
Scène 10 ... Une rue... La rumeur court partout que Kovalev n'a plus de nez... La ville entière se passionne pour cette tragique histoire : tout le monde, y compris le grand Khorzev-Mirza, commente l'événement avec la plus grande animation... Tout à coup, le major Kovalev se joint à la foule : il a bien le nez au milieu de la figure...

INHALT

1. AKT

1. Szene ... Ob nun im Traum oder in der Wirklichkeit, der Barbier Iwan Jakowlewitsch geht seiner ihm verhassten Arbeit im volltrunkenen Zustand nach ...
2. Szene .. Iwan Jakowlewitsch und seine Frau Praskowja sind entsetzt, als sie in einem Brötchen eine Nase entdecken ...
3. Szene ... Panisch versucht der Barbier, das Fundobjekt zu entsorgen ...
4. Szene ... Beim Aufwachen stellt Major Kowalew fest, dass seine Nase abhanden gekommen ist ...
Sinfonisches Zwischenspiel
5. Szene ... In der Kasaner Kathedrale begegnet Major Kowalew seiner Nase und versucht, mit ihr zu sprechen ...

2. AKT

6. Szene ... In der Anzeigenabteilung einer Zeitung: Kowalew will eine Annonce bezüglich seiner verschwundenen Nase aufgeben ... Erfolglos ...
Sinfonisches Zwischenspiel
7. Szene ... In Kowalews Wohnung ... Sein Diener Iwan ruht sich behaglich aus, Kowalews Verzweiflung wächst ...

3. AKT

8. Szene ... Eine Poststation ... Der Bezirks-Wachtmeister gibt seinen Leuten Anweisung, die reisende Nase zu ergreifen ...
... Eine Gruppe Reisender tritt auf: eine Familie mit zwei Söhnen, Iwan Iwanowitsch und Pjotr Fjodorowitsch, eine ältere Dame im Kreis ihrer Dienstboten sowie eine Brötchenverkäuferin. Plötzlich taucht die Nase auf ... Im Durcheinander gelingt es ihnen, sie zu fassen ...
9. Szene ... In Kowalews Wohnung ... Der Bezirks-Wachtmeister bringt dem Major seine Nase, nimmt seine Belohnung entgegen und geht wieder ... Vergeblich versucht Kowalew, sich seine Nase ins Gesicht zu passen ... Der Arzt kommt, doch auch er kann Kowalew nicht helfen ...
... Kowalew und sein Freund Jarischkin verdächtigen Podtotschina, eine Stabsoffiziers-Witwe, sich mit dieser Hexerei an Kowalew zu rächen, weil er ihre Tochter verschmäht hat ...
... Die Freunde schreiben Podtotschina und ihrer Tochter einen Brief, den Iwan zustellt ... Der Diener kehrt mit ihrer Antwort zurück, und Kowalew erfährt, dass die Frauen unschuldig sind ...
10. Szene ... Eine Straße ... In der Stadt geht das Gerücht um, Kowalews Nase sei davongelaufen ... Die Schaudergeschichte hat die Phantasie sämtlicher Stadtbewohner ergriffen: Alle, einschließlich des bedeutenden Kaufmanns Chorsew-Mirsa, debattieren aufs Angeregteste über das Ereignis ... Plötzlich gesellt Major Kowalew sich zu ihnen: Seine Nase ist genau da, wo sie hingehört ...

НОС

Опера в 3 действиях 10 картинах.

ЛИБРЕТТО
Е. Замятина, Г. Ионина, А. Прейса, Д. Шостаковича

(по повести Н.В. Гоголя)

СОЧ. 15

1928

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

1. Вступление

ЗАНАВЕС. Цирюльная Ивана Яковлевича.
Иван Яковлевич бреет Ковалева.

КОВАЛЁВ
У тебя, Иван Яковлевич, вечно воняют руки.

ИВАН ЯКОВЛЕВИЧ
Отчего бы им вонять?

КОВАЛЁВ
Не знаю, братец, только воняют.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

2. Цирюльная Ивана Яковлевича

Иван Яковлевич спит. Прасковья Осиповна печет хлеб. Утро.
Иван Яковлевич просыпается. Зевает.

ИВАН ЯКОВЛЕВИЧ
А...
(Чувствуя запах хлеба.)
Сегодня я, Прасковья Осиповна, не буду пить кофею, а вместо того хочется мне съесть горячего хлеба с луком.

ПРАСКОВЬЯ ОСИПОВНА (про себя)
Пусть, дурак, ест хлеб, мне же лучше.
Останется кофею лишняя порция.

ИВАН ЯКОВЛЕВИЧ (про себя)
То есть, хотелось бы и того и другого, но совершенно невозможно требовать двух вещей сразу.

Прасковья Осиповна швыряет Ивану Яковлевичу хлеб.

ИВАН ЯКОВЛЕВИЧ
Прасковья Осиповна не любит таких прихотей.
(Режет хлеб.)
Плотное! Что бы это такое было?
(Вытаскивает из хлеба нос.)
Нос! Нос!

ПРАСКОВЬЯ ОСИПОВНА (разражаясь бранью)
Где это ты, зверь, отрезал нос? Мошенник!
Пьяница! Я сама на тебя донесу полиции.
Разбойник какой! Вот я от трех человек слышала, что ты во время бритья так беребишь носы, что еле держатся.

ИВАН ЯКОВЛЕВИЧ
Постой, Прасковья Осиповна, я заверну его в тряпочку и положу в уголок. Пусть там полежит маленечко, а после я его вынесу.

ПРАСКОВЬЯ ОСИПОВНА
И слышать не хочу, чтобы я позволила у себя в комнате лежать отрезанному носу. Сухарь поджаристый! Знай умеет только бритвой возить

THE NOSE

An opera in Three Acts with Ten Scenes

LIBRETTO
Y. Zamyatin, G. Ionin, A. Preis, D. Shostakovich

(based on the story by Nikolai Gogol)

Opus No. 15

1928

ACT ONE

1. Prologue

CURTAIN UP. The barber shop of Ivan Yakovlevich.
Ivan Yakovlevich is shaving Kovalev.

KOVALEV
Ivan Yakovlevich, your hands always stink.

IVAN YAKOVLEVICH
What could make them stink?

KOVALEV
I don't know, my friend, but they do stink.

SCENE ONE

2. The barber shop of Ivan Yakovlevich

Ivan Yakovlevich is asleep. Praskovya Osipovna is baking bread. It's morning. Ivan Yakovlevich wakes up. He yawns.

IVAN YAKOVLEVICH
Ah...
(Smelling the bread.)
Today, Praskovya Osipovna, I won't drink any coffee. Instead I'd like to eat some hot bread with onion.

PRASKOVYA OSIPOVNA (to herself)
If that idiot wants bread, all the better for me.
There'll be an extra portion of coffee left.

IVAN YAKOVLEVICH (to himself)
In fact, I'd like to have both, but it's quite impossible to ask for two things at once.

Praskovya Osipovna flings the bread at Ivan Yakovlevich.

IVAN YAKOVLEVICH
Praskovya Osipovna doesn't like such extravagances.
(He cuts the bread.)
It's hard! What could that be?
(From out of the bread he pulls a nose.)
A nose! A nose!

PRASKOVYA OSIPOVNA (exploding with fury)
Where did you cut that nose from, you beast? Fraud!
Drunkard! I'll report you to the police myself!
You bandit! I've heard from three different men that when you're shaving them you pull their noses so hard, it's a wonder they stay on.

IVAN YAKOVLEVICH
Wait, Praskovya Osipovna. I'll wrap it in this rag and put it in the corner. Let's leave it there a little while, and then I'll take it away.

PRASKOVYA OSIPOVNA
If you think I'd allow a cut-off nose to lie around in my room, I don't want to hear it. You crusty old fool!
All you know is how to drag a razor across a belt.

по ремню, а долга своего скоро совсем не в состоянии будет исполнять! Потаскушка! Негодяи! Чтоб я стала за тебя отвечать полиции! Ах ты, пачкун, бревно глупое! Вон его! Вон!, Вон, вон, вон, вон!..

ИВАН ЯКОВЛЕВИЧ
Черт его знает, как это случилось. Пьян ли я вчера возвратился или нет, уж наверное сказать не могу, а по всем приметам должно быть происшествие несбыточное, ибо хлеб – дело печеное, а нос? Совсем не то. Ничего не разберу!
Наступает тьма. Виден призрак квартального надзирателя.

Снова светло. Призрака нет.

ПРАСКОВЬЯ ОСИПОВНА
Неси, куда хочешь, чтобы духу его не слышала!

КАРТИНА ВТОРАЯ

3. Набережная

Иван Яковлевич мечется по набережной.

Иван Яковлевич обронил нос, но это заметил будочник.

БУДОЧНИК
Подыми! Вон ты что-то уронил.

Иван Яковлевич поднимает и снова мечется. Он никак не может избавиться от носа. Ему попадаются знакомые, которые его спрашивают “куда идешь?” или “кого так рано брить собрался?”

Иван Яковлевич выбрал момент и швыряет нос в реку, но тут появляется квартальный, который в продолжение всего действия подходит все ближе и ближе к Ивану Яковлевичу.

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ
Подойди сюда, любезный.

ИВАН ЯКОВЛЕВИЧ
Желаю здравия вашему благородию.

КВАРТАЛЬНЫЙ
Нет, нет! Братец, не благородию; скажи-ка, что ты там делал, стоя у реки?

ИВАН ЯКОВЛЕВИЧ
Ей-богу, сударь, ходил брить да посмотрел, шибко ли река идет.

КВАРТАЛЬНЫЙ
Врешь, врешь, этим не отделаешься. Изволь-ка отвечать!

ИВАН ЯКОВЛЕВИЧ
Я вашу милость два раза в неделю или даже три готов брить без всякого прекословия.

КВАРТАЛЬНЫЙ
Нет, приятель, это пустяки! Меня три цирюльника бреют да еще за большую честь почитают. Изволь-ка рассказать, что ты там делал.

Наступает абсолютная тьма.

4. Антракт (Ударные инструменты)

Soon you won't be in any fit state to do your duty at all! Hussy! Wretch! As if I'd answer to the police for you! You're as thick as two short planks, you oaf! Get it out of here! Out! Out, out, out out!

IVAN YAKOVLEVICH
The devil only knows how that happened. Did I come home drunk yesterday or not? It's probably too late to say. But all the signs say this is an unfeasible business. Bread's baked goods, but a nose? Absolutely not. I don't understand a thing!
It grows dark. The ghost of the District Constable appears.

It's light again. The ghost has gone.

PRASKOVYA OSIPOVNA
Take it wherever you want. As long as I don't hear a whisper about it!

SCENE TWO

3. The embankment

Ivan Yakovlevich is hurrying along the embankment.

Ivan Yakovlevich drops the nose, but this is noticed by a policeman on duty.

POLICEMAN ON DUTY
Hang about! You've dropped something there.

Ivan Yakovlevich picks it up and hurries on. There is no way he can get rid of the nose. He runs into acquaintances who ask him: “Where are you going?”, or “Who are you off to shave this early?”.

Ivan Yakovlevich chooses his moment and flings the nose into the river, at which moment the District Constable appears. Throughout the scene he moves closer and closer to Ivan Yakovlevich.

DISTRICT CONSTABLE
Come here, my good man.

IVAN YAKOVLEVICH
I wish you good health, your honour.

DISTRICT CONSTABLE
No, no, my friend! Don't you 'honour' me.
Tell me what you were doing standing by the river.

IVAN YAKOVLEVICH
Upon my soul, sir, I was on my way to give a shave, and just looked to see how much the river's running.

DISTRICT CONSTABLE
Lying, lying, that won't get you out of it. Be so good as to answer!

IVAN YAKOVLEVICH
Your grace, I'm prepared to shave you two or even three times a week without any objections.

DISTRICT CONSTABLE
No, my friend, that's chickenfeed! Three barbers shave me, and even consider it a great honour. Be so good as to explain what you were doing there.

Complete darkness falls.

4. Interlude (percussion)

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

5. Спальня Ковалева

КОВАЛЕВ (*просыпается за ширмой*)
Брр. Брр. Брр. брр. Брр. брр, брр, брр.
(*Закрытым ртом.*)
Мм...
(*Выходит из-за ширмы. Он без носа.*)
Вчерашним вечером вскочил у меня прыщик на носу...
(*Ивану.*)
Зеркало мне.

Иван подает Ковалеву зеркало. Ковалёв смотрит в зеркало.

КОВАЛЁВ
Как, что такое? Что? Нос... Где же нос?
Не может быть. Воды мне, полотенце.

Иван подает требуемое.

КОВАЛЁВ
Точно, Нет носа. Не может быть... Да я еще, верно, сплю.
(*Ивану.*)
Ущипни!
Иван щиплет Ковалева.

КОВАЛЕВ
Ой! Нет, кажется не сплю!
(*Опять смотрит в зеркало.*)
Всё, нет носа... Одеться мне!

Иван полает ему одежду. Ковалев одевается.

ИВАН
А если спросят, куда ушли, как сказать?

КОВАЛЁВ
К обер-полицмейстеру.

Ковалев уходит.

6. Галоп (оркестр)

КАРТИНА ЧЕТВЁРТАЯ.

7. Казанский собор

Несколько молящихся обоего пола. Полумрак.

ХОР, СОПРАНО СОЛО, ТЕНОР СОЛО
А... А ... А...

Входит Нос в форме статского советника. Он горячо молится, несколько раз опускается на колени.

ХОР, СОПРАНО СОЛО
А... А... А...

Входит Ковалёв. Он прикрывает платком отсутствие носа. Замечает, что его нос тут. Покашливает. Молится.

КОВАЛЕВ (*про себя*)
Как подойти к нему? По всему, по мундиру, по шляпе видно, что он статский советник. Чёрт его знает, как это сделать!
(*Обращаясь к Носу.*)
Милостивый государь! Милостивый государь!

НОС
Что вам угодно?

КОВАЛЁВ
Мне странно, милостивый государь,
мне кажется, вы должны знать свое место...

SCENE THREE

5. Kovalev's bedroom

KOVALEV (*waking up behind his canopy*)
Brr. Brr. Brr. brr. Brr, brr, brr.
(*With his mouth closed*)
Mm...
(*He appears from behind the canopy with no nose*)
Yesterday evening a pimple popped up on my nose...
(*To Ivan*)
Give me a mirror.

Ivan hands Kovalev a mirror. Kovalev looks into the mirror.

KOVALEV
Wait, what's this? What? My nose... Where's my nose?
It can't be. Give me water, and a towel.

Ivan passes them over.

KOVALEV
Definitely no nose. It can't be... Well, I'm probably still asleep.
(*To Ivan*)
Pinch me!
Ivan pinches Kovalev.

KOVALEV
Ow! No, it appears I'm not sleeping!
(*He looks in the mirror again*)
Right, no nose... I'll get dressed!

Ivan hands him his clothes. Kovalev dresses.

IVAN
If they ask where you've gone, what should I say?

KOVALEV
To the chief of police.

Kovalev exits.

6. Galop (orchestra)

SCENE FOUR

7. Kazan Cathedral

There are several worshipers of both sexes. It's gloomy.

CHOIR, SEVERAL SOPRANO, SOLO TENOR
A... A... A...

The Nose enters in the uniform of a State Councillor. He prays fervently, kneeling down repeatedly.

CHOIR, SOLO SOPRANO
A... A... A...

Kovalev enters. He is covering the absence of his nose with a handkerchief. He recognizes his nose amongst the congregation. He coughs. He prays.

KOVALEV (*to himself*)
How can I approach him? Everything, his coat, his hat, shows that he's a State Councillor. The devil knows how to go about it!
(*Addressing the Nose*)
My dear sir! My dear sir!

THE NOSE
What do you want?

KOVALEV
This is strange, my dear sir.
I feel that you should know your place...

а я вас вдруг нахожу... и где же?
В соборе... Согласитесь...

НОС
Я не могу понять, как вы изволите говорить, объяснитесь.

КОВАЛЁВ
Как мне объяснить ему... Конечно, я майор... Мне ходить без носа, согласитесь, это неприлично.
Какой-нибудь торговке, которая продает на Воскресенском мосту очищенные апельсины, можно сидеть без носа; но у меня в виду получить... при том, будучи во многих домах знаком с дамами: Чехтарева, статская советница, и другие... Вы посудите сами, я не знаю, милостивый государь, извините... Если на это смотреть сообразно с правилами долга и чести... вы сами можете понять...

НОС
Ничего решительно не понимаю.
Изъяснитесь удовлетворительнее.

КОВАЛЁВ
Милостивый государь! Я не знаю, как понимать слова ваши...
Здесь все дело совершенно очевидно... или вы хотите... Ведь вы мой собственный нос!.. С!..

НОС
Вы ошибаетесь, милостивый государь. Я сам по себе. Притом между нами не может быть никаких тесных отношений.
Судя по пуговицам вашего вицмундира, вы должны служить в сенате или, по крайней мере, в юстиции. Я же – по ученой части.

Входят пожилая и тоненькая дамы, Гайдуку расчищает им путь.

ГАЙДУК
Пропусти! Пропусти! Пропусти!

Ковалев пытается заигрывать с тоненькой дамой. Нос в это время выходит из собора, но Ковалев этого не замечает.

КОВАЛЕВ (*отскакивает, будто обжегшись*)
Ай, где же он, где же он? Ведь он мой нос! Ведь он мой нос!
Где? Где? Где? Где?

ХОР
Где?

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

8. Вступление

По середине рампы, перед занавесом, Ковалев сидит на извозничьих дрожках.

КОВАЛЕВ (*кричит в зал*)
У себя полицмейстер?

ПРИВРАТНИК ПОЛИЦМЕЙСТЕРА (*из зала*)
Никак нет. Только что уехали.

КОВАЛЁВ
Вот тебе раз!

ПРИВРАТНИК
Да! А оно и не так давно, но уехал.
Минуточкой бы пришли раньше, то, может, и застали бы дома.

КОВАЛЁВ
Пошел!

ИЗВОЗЧИК
Куда?

And all of a sudden I find you... and where are you?
In a cathedral... You must admit...

THE NOSE
I cannot understand what you're trying to say, explain yourself.

КОВАЛЕВ
How can I explain to him... Of course, I'm a Major... It's unseemly, you'll agree, for me to go around without a nose.
Some tradeswoman selling peeled oranges on Voskresensky Bridge might be able to sit without a nose, but I have a future ahead of me... Moreover, I'm acquainted with ladies in many houses: Chekhutareva, a State Councillor's wife, and others... Judge for yourself, I don't know, my dear sir, I apologise... If one examines it properly by the rules of duty of honour... You yourself can understand...

THE NOSE
I understand absolutely nothing.
Explain yourself more satisfactorily.

КОВАЛЕВ
My dear sir! I don't know what to think of your words...
The whole business here is perfectly clear... Or would you rather... After all, you are my very own nose!

THE NOSE
You're mistaken, my dear sir. I am myself. Moreover, there can't be any close relations between us.
Judging by the buttons on your uniform, you must serve in the Senate, or at the very least in the Justice Department.
Whereas I'm in the sciences.

Two ladies – one elderly, one slender – enter. A footman clears a path for them.

FOOTMAN
Coming through! Coming through! Coming through!

Kovalev tries to flirt with the slender woman. Meanwhile, the Nose leaves the cathedral. Kovalev does not notice.

КОВАЛЕВ (*he jumps as if scalded*)
Ah, where is he, where is he! After all, he is my nose! He is my nose!
Where? Where? Where? Where?

CHOIR
Where?

ACT TWO

8. Prologue

Centre stage, in front of the curtain, Kovalev is seated in a hansom cab.

КОВАЛЕВ (*shouting into the audience*)
Is the Chief of Police at home?

THE CHIEF OF POLICE'S DOORMAN (*from the audience*)
Afraid not. They've just left.

КОВАЛЕВ
Talk about timing!

DOORMAN
Yes! It wasn't long ago, but he did leave.
If you'd just got here a minute earlier, then you might have caught him at home.

КОВАЛЕВ
Onwards!

CAB DRIVER
Where to?

КОВАЛЁВ
Пошел прямо.

ИЗВОЗЧИК
Как? Прямо? Тут поворот: направо или налево?

КОВАЛЁВ
В газетную экспедицию.

Извозчик поворачивает и уезжает за кулисы.

КАРТИНА ПЯТАЯ

9. В газетной экспедиции

Очень маленькая комната. Седой чиновник в очках принимает объявление, которое дает лакей графини. Кроме них, в комнате восемь дворников.

ЛАКЕЙ
Поверите ли, сударь, что собаченка не стоит и восьми гривен, то есть я не дал бы за нее и восьми грошей; а графиня любит, ей-богу любит,

Чиновник слушает лакея со значительной миной и в то же время занимается подсчетом букв в принесенной записке.

ЛАКЕЙ
и тому, кто отыщет, сто рублей!

Дворники восторженно повторяют сумму.

ДВОРНИКИ
Сто рублей! Сто рублей! ...

КОВАЛЁВ *(вбегая)*
Кто здесь принимает объявления?
(Обращаясь к чиновнику.)
А, здравствуйте!

ЧИНОВНИК
Мое почтение.

КОВАЛЁВ
Я желаю припечатать.

ЧИНОВНИК
Позвольте! Прошу немножечко повременить.

ЛАКЕЙ
Если сказать по приличию, то вот так, как мы теперь с вами, вкусы людей совсем не совместны:

КОВАЛЕВ *(к чиновнику)*
Милостивый государь! Позвольте вас попросить...

ЧИНОВНИК
Сейчас! Сейчас! Два рубля сорок три копейки.

КОВАЛЁВ
Мне... очень нужно.

ЛАКЕЙ
...уж когда охотник, то держи легавую собаку или пуделя, не пожалей пятасот, тысячу дай, но зато уж чтобы была собака хорошая.

ЧИНОВНИК
Рубль шестьдесят четыре копейки... Что вам угодно?

КОВАЛЁВ
Я прошу... случилось мошенничество или плутовство, я до сих пор не могу никак понять. Я прошу только припечатать, что тот, кто ко мне этого подлеца предоставит, получит достаточное вознаграждение.

КОВАЛЕV
Straight ahead!

CAB DRIVER
What? Straight ahead? There's a junction: right or left?

КОВАЛЕV
To the newspaper offices.

The cab driver turns around and drives off into the wings.

SCENE FIVE

9. At the newspaper office

A very small room. A gray-haired clerk in glasses is taking an advertisement from the servant of a countess. Besides them, there are eight porters in the room.

SERVANT
Believe me, sir, that dog isn't worth even eight hryvnya. I mean, I wouldn't pay eight pieces for her. But the countess loves her, by God she does,

The clerk listens to the servant with a concerned expression, meanwhile counting the number of letters in the note.

SERVANT
and there's a hundred rubles for whoever finds him!

The porters raply repeat the figure.

PORTERS
A hundred rubles! A hundred rubles!...

КОВАЛЕV *(running in)*
Who takes advertisements here?
(Addressing the clerk.)
Ah, hullo!

CLERK
At your service.

КОВАЛЕV
I'd like to have something printed.

CLERK
Excuse me, would you mind waiting a moment?

SERVANT
Properly speaking, as you and I are now, people's tastes are utterly incompatible.

КОВАЛЕV *(to the clerk)*
My dear sir! Might I ask you to...

CLERK
Just a moment! Just a moment! Two rubles and forty-three kopeks.

КОВАЛЕV
I... really must.

SERVANT
...Now, if you're a hunter, you can spend five hundred, even a thousand, on a gun dog or a poodle, but at least the dog will be a good one.

CLERK
One ruble sixty-four kopeks. How can I help you?

КОВАЛЕV
I beg you... I've been the victim of a swindle or an imposture, I still don't understand a thing. I beg you just to print that whoever brings that scoundrel to me will receive ample reward.

ЧИНОВНИК
Позвольте узнать, как ваша фамилия?

КОВАЛЁВ
Нет, зачем фамилия? Мне нельзя сказать ее. У меня много знакомых: Чехтарева, статская советница, Пелагея Григорьевна Подточина, штаб-офицерша... Вдруг узнают, боже сохрани! Можете просто написать: коллежский ассессор или, еще лучше, состоящий в майорском чине.

ЧИНОВНИК
А сбежавший был ваш дворовый человек?

КОВАЛЁВ
Какой дворовый человек! Это еще не такое большое мошенничество! Сбежал от меня... нос...

ЧИНОВНИК
Гм! Какая странная фамилия!
И на большую сумму этот господин Носов вас обокрал?

КОВАЛЁВ
Нос, то есть... Вы не то думаете!
Нос, мой собственный нос... Пропал.

ДВОРНИКИ *(смеются)*
Нос пропал! Нос пропал! У него нос пропал! Ха-ха-ха-ха-ха!

ЧИНОВНИК *(ему тоже смешно)*
Хе-хе-хе-хе-хе-хе! Да каким же образом пропал?

КОВАЛЁВ
Чёрт хотел пошутить надо мною!

ЧИНОВНИК
Я что-то не могу хорошенечко понять. Да-с!

КОВАЛЕV *(жалобно)*
Я не могу вам сказать, каким образом; но главное то, что он разрезжает по городу и называет себя статским советником. И поэтому я вас прошу объявить, чтобы поймавший предоставил его немедленно ко мне в самом скорейшем времени. Вы посудите, в самом деле, как же мне быть без такой заметной части тела? Это не то, что какой-нибудь мизинец на ноге, который я в сапог – и никто не увидит, если нет его.

ДВОРНИКИ
В сапог – и не видно.

ЧИНОВНИК
Точно, не видно!

КОВАЛЁВ
Я бываю по четвергам у статской советницы Чехтаревой; Подточина Пелагея Григорьевна, штаб-офицерша, и у ней дочка очень хорошенькая, вы посудите сами, как же мне теперь...
(Рыдает.)
мне теперь к ним нельзя явиться.

Ковалев всхлипывает и с надеждой смотрит на чиновника, который задумался. Дворники переминаются с ноги на ногу.

ЧИНОВНИК
Нет, я не могу поместить такого объявления в газету.

КОВАЛЁВ
Как? Отчего?

ЧИНОВНИК
Так, газета может потерять репутацию. Если всякий начнет писать, что у него сбежал нос, то... И так уж говорят, что печатается много несообразностей и ложных слухов.

CLERK
Would you tell me your surname, please?

КОВАЛЕV
No, why my surname? I'm not at liberty to say. I have many acquaintances: Chekhtareva, a state councillor's wife, Pelageya Grigorevna Podtochina, widow of a staff officer... If they were to find out, God forbid! You can just write "A collegiate assessor", or even better "holding the rank of major".

CLERK
And was the runaway your servant?

КОВАЛЕV
What servant? That would be no great swindle! It's my nose that's run away from me.

CLERK
Hmm! What a peculiar surname!
And did this Mister Mynose steal a large sum from you?

КОВАЛЕV
Nose, I mean... You don't understand!
Nose, my own nose... has gone missing.

PORTERS *(laughing)*
His nose has gone! His nose has gone! His nose has gone missing! Ha-ha-ha-ha-ha!

CLERK *(also amused)*
He-he-he-he-he-he! And how did it go missing?

КОВАЛЕV
The devil wanted to make fun of me!

CLERK
That's something I don't quite understand. Indeed.

КОВАЛЕV *(plaintively)*
I can't tell you in what way. The important thing is that he's riding round town and calling himself a State Councillor. That's why I beg you to make an announcement asking his captor to bring him to me with all haste at the soonest possible time. Judge for yourself, really, how can I live without such a noticeable part of the body? It's not something like a little toe: I'm in boots and nobody can see if it's not there.

PORTERS
In boots it's invisible.

CLERK
Exactly, invisible!

КОВАЛЕV
On Thursdays I visit Chekhtareva, a state councillor's wife. There's Podtochina, Pelageya Grigorevna, a staff officer's widow and she has a very pretty daughter. What do you think? Now how can I...
(he sobs)
I can't go to see them now.

Kovalev snivels and looks hopefully at the clerk, who is considering the matter. The porters shuffle their feet.

CLERK
No, I can't put an announcement like that in the paper.

КОВАЛЕV
What? Why not?

CLERK
Well, the paper might lose its reputation. If everyone starts writing that their nose has run away, well... They already say we publish a lot of nonsense and false rumours.

КОВАЛЁВ
Да чем же эго дело несообразное?
Тут, кажется, ничего нет такого.

ЧИНОВНИК
Это вам кажется, что нет.
А вот на прошлой неделе такой же был случай.
Пришел чиновник таким же образом,
как вы теперь пришли, принес записку, денег
по расчету пришлось два рубля и семьдесят
три копейки, и все объявление состоялось
в том, что сбежал пудель черной шерсти.
Кажется, что бы тут такое? А вышел пасквиль: пудель-то этот
был сбежавший казначей, не помню, какого заведения.

ДВОРНИКИ
Вишь ты! Как оно вышло.

ЧИНОВНИК
Вот оно что.

КОВАЛЁВ
Да ведь я вам не о пуделе делаю объявление,
а о собственном своем носе:
стало быть, почти то же, что о себе самом.

ЧИНОВНИК
Нет, такого объявления я никак не могу поместить.

КОВАЛЁВ
Да когда у меня точно пропал нос!

ЧИНОВНИК
Если пропал, то это дело медика. Говорят, что есть такие
люди, которые могут приставить какой угодно нос.
Но, впрочем, я замечая, что вы, должно быть,
веселый человек и любите в обществе пошутить.

КОВАЛЁВ
Клянусь, как бог свят!
Пожалуй, уж если до того дошло, то я покажу вам.

ЧИНОВНИК
Зачем беспокоиться! Впрочем, если не беспокойство,
то желательно бы взглянуть!

Ковалев отнимает платок от лица.

ЧИНОВНИК
В самом деле! Чрезвычайно странно! Место совершенно
гладкое, как будто бы только что выпеченный блин.

ДВОРНИКИ
Да, до невероятности ровное.

КОВАЛЁВ
Ну, вы и теперь будете спорить? Вы видите, что нельзя
не напечатать. Я вам буду особенно благодарен; и очень рад,
что этот случай доставил мне удовольствие с вами
познакомиться...

ЧИНОВНИК
Напечатать-то, конечно, дело небольшое, только я не
предвижу в этом никакой для вас выгоды. Если хотите, то
отдайте тому, кто имеет искусное перо, описать как редкое
произведение натуры и напечатать эту статейку в
“Северной Пчеле”
(нюхает табак)
для пользы юношества, или так,
для общего любопытства.
(Снова нюхает табак)
Мне, право, очень прискорбно,
что с вами случился такой анекдот.
Не угодно ли вам понюхать табачку?
Это разбивает головные боли: Даже в отношении к
геморроидам это очень хорошо.

KOVALEV
And how is this case nonsense?
I can't see anything of the sort here.

CLERK
You may not see anything of the sort.
But just last week there was a similar case.
A clerk came here, just as you have.
He brought a text with him, which came to
two rubles and seventy-three kopeks,
and the whole announcement was that
a black-coated poodle had run away. Nothing special, you'd have
thought, but it turned out to be libelous: It wasn't a poodle that had
run away, but the treasurer of some institution or other.

PORTERS
You see! That's what happens.

CLERK
Exactly.

KOVALEV
But I'm not making an announcement about a poodle.
It's about my own nose,
which is almost the same as being about me myself.

CLERK
No, there's no way I can place an announcement like that.

KOVALEV
But my nose really has gone missing!

CLERK
If it has, then that's a doctor's business. I've heard there are people
who can stick on any sort of nose you want.
But, besides, I can see you must be a jolly sort of fellow,
and you like to have a joke in public.

KOVALEV
I swear by all that's holy!
Perhaps, if it's come to this, I should show you.

CLERK
Don't trouble yourself! Although, if it's no trouble,
I'd like to take a look!

Kovalev takes the handkerchief from his face.

CLERK
It's true! How very strange! The place is perfectly smooth, like a
freshly baked pancake.

PORTERS
Yes, unbelievably flat.

KOVALEV
Well, are you still going to argue? You see, you have to print it.
I'd be particularly grateful, and very glad that this incident has
allowed me the pleasure of making your acquaintance...

CLERK
Of course, it would be easy to print, but I can't see any
advantage in it for you. If you want to, give it to someone with
a skillful pen, who can describe it as a rare work of nature,
and print the article in the
Northern Bee
(takes a pinch of snuff)
for the benefit of youth or, if you'd rather,
to satisfy public curiosity.
(takes another pinch of snuff)
I really am very sorry
that this sort of tale has happened to you.
Perhaps you'd care for a pinch of snuff?
It relieves headaches, and is very beneficial
even in the case of hemorrhoids.

Ковалев раздраженно стучит по столу.

КОВАЛЕВ
Я не понимаю, как вы находите место шуткам:
разве вы не видите, что у меня нет именно того,
чем бы я мог понюхать? Чтоб чёрт побрал ваш табак!
Я теперь не могу смотреть на него, и не только на скверный
ваш березинский, но хоть бы вы поднесли мне самого рапе.
(Убегает в сердцах)

Дворники дают объявления.

8-Й ДВОРНИК
Отпускается в услужение кучер трезвого
поведения...

6-Й ДВОРНИК
Мало подержанная коляска, вывезенная
в 1814 году из Парижа, без одной ре...

7-Й ДВОРНИК
Отпускается дворовая девка девятнадцати
лет от роду, упражнявшаяся в прачешном
деле, годная и для других работ...

5-Й ДВОРНИК
Прочные дрожки без одной рессоры...

1-Й ДВОРНИК
Молодая горячая лошадь 17 лет от роду...

2-Й ДВОРНИК
Новые, полученные из Лондона семена
репы и редиса...

3-Й ДВОРНИК
Дача со всеми удобствами, двумя стойлами
для двух лошадей и местом, на котором
можно развести превосходный березовый или...

4-Й ДВОРНИК
Желающих купить старые подошвы просят
являться к переторжке каждый день от восьми
до трех часов утра.

10. Антракт (оркестр)

КАРТИНА ШЕСТАЯ

11. Квартира Ковалева

*В передней на диване лежит Иван, играет на балалайке,
плюет в потолок и поет.*

ИВАН
*Непобедимой силой
привержен я к милой.
Господи, помилуй
ее и меня,
ее и меня,
ее и меня.
Царская корона,
была б моя милая здорова.
Господи, помилуй ее и меня,
ее и меня, ее и меня.

** (Русская народная песня, заимствован авторами либретто
из романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы».)*

*Стук в дверь. Иван бежит открыть дверь.
Ковалёв входит сильно расстроенный.*

КОВАЛЁВ
Ты, свинья, вечно глупостями занимаешься.

Kovalev angrily bangs the table.

КОВАЛЕВ
I don't understand what you can find to joke about.
Can't you see that I don't have what it takes to sniff?
The devil take your snuff!
I can't look at it now, and not just your wretched Berezino stuff.
Even if you offered me the finest salt snuff.
(He runs off in anger)

The porters give their announcements.

8TH PORTER
Coachman of sober bearing
available for service...

6TH PORTER
Pram, slightly damaged, brought
from Paris in 1814, missing one re...

7TH PORTER
Serving girl for hire, nineteen years of age
experienced in laundry,
and suitable for other types of work...

5TH PORTER
Solid carriage, missing one spring...

1ST PORTER
Young, fiery horse, seventeen years of age...

2ND PORTER
New seeds for turnips and radishes,
sent from London...

3RD PORTER
Dacha with all amenities, two boxes
for horses and space to cultivate
an excellent birch or...

4TH PORTER
Those wishing to buy old soles are invited
to bid every day from eight
till three in the morning.

10. Interlude (orchestra)

SCENE SIX

11. Kovalev's apartment

*Downstage on a couch lies Ivan. He plays the balalaika, spits at the
ceiling, and sings.*

IVAN
*By an invincible force
I'm bound to my love.
Lord bless
her and me
her and me
her and me
A royal crown
for the health of my love.
Lord bless her and me,
her and me, her and me.

** (A Russian folk song taken by the authors of the libretto
from Fyodor Dostoevsky's novel The Brothers Karamazov.)*

*There's a knock at the door. Ivan rushes to open it.
Kovalev enters, very upset.*

КОВАЛЕВ
You swine, you're always messing around.

Иван уходит. Ковалев проходит к себе в комнату.

Боже мой! боже мой, за что такое несчастье? Будь я без руки или без ноги – все бы это лучше; а без носа человек чёрт знает что: птица не птица, гражданин не гражданин, просто возьми и выброси за окошко! И пусть бы уже на войне отрубили или я сам был причиной, но ведь пропал ни за что, ни про что, пропал даром, ни за грош! Только нет, не может быть, невероятно, чтобы пропал нос; никаким образом невероятно. Это или во сне снится или просто грезится; может быть, я как-нибудь ошибкою выпил вместо воды водку, которою вытираю после бритья себе бороду. Иван, дурак, не принял, и я верно, хватил ее. (Смотрит в зеркало и щиплет себя.) Экой пасквильный вид!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

12. Окраина Петербурга

На сцене дилижанс, совершенно пустой. На козлах дремлет кучер. Квартальный распределяет 10 полицейских в засаду.

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ
Властью моей дается повеление изловить сей же миг сего работника и привести на расправу ко мне.

1-й ПОЛИЦЕЙСКИЙ
Чудеса завелись!

2-й ПОЛИЦЕЙСКИЙ
Чудные дела!

3-й ПОЛИЦЕЙСКИЙ
А что?

1-й ПОЛИЦЕЙСКИЙ
Помилуй, увидел бы ты!..

2-й ПОЛИЦЕЙСКИЙ
Долго ли до греха?
Переputают доброго человека так, что после ни одна баба не возьмется вылить переполоху.

КВАРТАЛЬНЫЙ
Дам я всем переполоху! Что вы? А?
Не хотите слушаться? А?
Вы, верно, держите их руку? А? Вы бунтовщики? А?
Что это? А? Вы заводите разбой? А?
Вы... А? Вы... А? А? Я донесу!

Ступай, Андрюшка, с правой стороны садись.
Стой! Стой! Пусть сядет Петрушка... Теперь дело пойдет.
Ступай туда, не напирайте так, черти!
Говорю вам, не напирай.

4-й ПОЛИЦЕЙСКИЙ
А? Что?

КВАРТАЛЬНЫЙ
А вот что! Ступай, помоги! Бегите, летите птицею.
Что б я вас! Что б вы мне!

5-й ПОЛИЦЕЙСКИЙ
Что же делать?

КВАРТАЛЬНЫЙ
Как что? Что вы, братцы?
Слава богу, волосы у вас чуть не в снегу, а до сих пор ума не нажили! Пойдите, я сейчас все укажу.

Ivan exits. Kovalev goes into his bedroom.

My God! My God, why this misfortune?
If I were without arms or legs, it would better.
What the devil is a man without a nose?
A bird or not a bird? A citizen or not a citizen?
Just take me and throw me out the window!
At least if it had been cut off in battle, or if
I was myself to blame, but it's gone for nothing,
for no reason, it's vanished just like that!
But no, it can't be, it's not possible for a nose to go missing.
There's no way it's possible.
Either this is a dream or I'm simply delirious.
Perhaps by mistake I drank, instead of water,
the vodka that I wipe my face with after shaving.
Ivan, the fool, didn't take it away, and I probably grabbed it.
(He looks in the mirror and pinches himself.)
What a wretched sight!

ACT THREE

SCENE SEVEN

12. The outskirts of St. Petersburg

On the stage is a completely empty stagecoach. The coachman is dozing on the box. The District Constable sets an ambush with ten policemen.

DISTRICT CONSTABLE
I authorise the order to recapture that worker this instant, and bring him to me for punishment.

1ST POLICEMAN
Strange things are afoot!

2ND POLICEMAN
An unnatural business!

3RD POLICEMAN
What?

1ST POLICEMAN
Goodness, if you'd seen it!..

2ND POLICEMAN
Isn't it almost a sin?
Frightening a good man so much that afterwards not one woman would try to calm the storm.

DISTRICT CONSTABLE
I'll give you all a storm! What's the matter? Eh?
Don't want to follow orders? Eh?
You're probably hand in hand with them? Eh? You're rebels? Eh?
What's that? Eh? You're planning a heist? Eh?
You're... eh? You're... eh? Eh? I'll denounce you!

Go on, Andriushka, sit down on the right.
Stop! Stop! Let Petrushka sit... Now it'll work.
Go on, and don't huddle like that, you devils!
I said, don't huddle!

4TH POLICEMAN
Eh? What?

DISTRICT CONSTABLE
I'll give you what! Go on, help! Run, fly like a bird!
So I can't see you and you can't see me!

5TH POLICEMAN
What should we do?

DISTRICT CONSTABLE
What do you mean, "what", friends?
For God's sake, your hair is almost in the snow and you still haven't got brains. Stop, I'll explain everything.

6-й ПОЛИЦЕЙСКИЙ
Это проворная, видно, птица. Этакого человека не худо повесить на верушке дуба вместо паникадила.

Полицейские, сидя в засаде, затягивают песню.

ВСЕ ПОЛИЦЕЙСКИЕ
Поджав хвост, как собака, как Каин, он затрясся весь, из носа потекла табака.
Поджав хвост, как собака...

КВАРТАЛЬНЫЙ (подтягивает)
из носа потекла табака. А...

Появляются провожающая дама, провожающий господин и путешественник.

ПРОВОЖАЮЩАЯ ДАМА
Как можно такую позднюю порою отправляться в такую дальнюю дорогу!

ПРОВОЖАЮЩИЙ ГОСПОДИН
Конечно! Неровен час, нападут разбойники или другой недобрый человек.

ПУТЕШЕСТВЕННИК
Пусть бог милует от разбойников! И к чему рассказывать этакое на ночь?

ПРОВОЖАЮЩАЯ ДАМА
Вы не верьте ему: все это выдумки.
Так придет в голову и начнет рассказывать.

ПРОВОЖАЮЩИЙ ГОСПОДИН
Разбойники не разбойники, а время темное, не годится совсем ехать. Да и кучер: он уже, верно, наклевался.
И пистолы его давно уже заржавели, что прежде еще, нежели выстрелит, разорвет их порохом. И руки себе поотобьет, и лицо искалечит, и навеки несчастным останется.

Полицейские ведут беседу.

7-й ПОЛИЦЕЙСКИЙ
Может быть это и не сатана?

8-й ПОЛИЦЕЙСКИЙ
Хоть что хочешь говори, а не обошлось без нечистой силы.

7-й ПОЛИЦЕЙСКИЙ
Я держу заклад, что это не человек, а чёрт.

Появляются отец, мать и два сына.

ПУТЕШЕСТВЕННИК
Бог знает, что вы говорите.

8-й ПОЛИЦЕЙСКИЙ
А как он одет?

ПУТЕШЕСТВЕННИК
Я и слушать вас не хочу. И бог наказывает за такие речи,

ОТЕЦ
Теперь благослови, мать, детей своих.
Подойдите, дети, к матери:

МАТЬ
Пусть хранит вас божья мать, не забывайте мать вашу...

ОТЕЦ
Молитва материнская и на воде и на земле спасает.

1-й и 2-й СЫН
Прощай, прощай! Пусть же хранит бог от всякого несчастья.

6TH POLICEMAN
This is a nimble bird, clearly. A man like that could be hung at the top of the tree instead of candles.

The policemen, lying in wait, draw out their song.

ALL POLICEMEN
With his tail between his legs like Cain, he shook all over and tobacco dripped from his nose
With his tail between his legs...

DISTRICT CONSTABLE (joining in)
Tobacco dripped from his nose. A...

A traveller appears with a lady and gentleman who have come to see him off.

LADY
It's not right to set off so late on such a long journey!

GENTLEMAN
Certainly not! At this hour there'll be bandits out or other evil men.

TRAVELLER
The Lord spare me from bandits! And why talk of such things at night?

LADY
Don't listen to him – it's all fairytales.
He starts talking about whatever pops into his head.

GENTLEMAN
Bandits or no bandits, it's still dark. Really not the time to travel.
The coachman's sure to be drunk already, and his pistols are probably so rusty that the gunpowder will blow them apart long before they can fire.
He'll blow his hands off and lacerate his face, and be miserable for eternity.

The policeman start chatting.

7TH POLICEMAN
Maybe it's not Satan?

8TH POLICEMAN
Say what you like, it couldn't have happened without unclean forces.

7TH POLICEMAN
I'll wager that he's not a man, but a devil.

A father, a mother, and two sons appear.

TRAVELLER
The Lord knows what you're saying.

8TH POLICEMAN
How is he dressed?

TRAVELLER
I don't want to hear a word of it. God punishes such talk.

FATHER
Now, mother, bless your children.
Children, come close to your mother.

MOTHER
May the mother of God preserve you, and don't forget your own mother...

FATHER
A mother's praise can save on land and at sea.

1ST & 2ND SON
Farewell, farewell! May God preserve you from all unhappiness.

МАТЬ
Пришлите хоть весточку.

ОТЕЦ
Теперь по обычаю христианскому,
надо перед дорогою всем присесть.

Отец, мать и два сына садятся прямо на землю.

ОТЕЦ
Ну, всё готово!

Через некоторое время сыновья садятся в дилижанс.

9-Й ПОЛИЦЕЙСКИЙ
Так нет?

10-Й ПОЛИЦЕЙСКИЙ
Нет!

9-Й ПОЛИЦЕЙСКИЙ
То-то, что нет:

10-Й ПОЛИЦЕЙСКИЙ
Нет!

9-Й ПОЛИЦЕЙСКИЙ
Тебе, небось, и нужды нет?

10-Й ПОЛИЦЕЙСКИЙ
А что мне делать?

9-Й ПОЛИЦЕЙСКИЙ
Надобно же было какому то дьяволу, чтоб ему не довелось,
собаке, по утру рюмку водки выпить, вмешаться, право...

10-Й ПОЛИЦЕЙСКИЙ
Тсс...

9-Й ПОЛИЦЕЙСКИЙ
...как будто на смех!

*У дилижанса останавливаются Петр Федорович
и Иван Иванович.*

10-Й ПОЛИЦЕЙСКИЙ
Там теперь будет добрая попойка.

9-Й ПОЛИЦЕЙСКИЙ
Как бы только нам не опоздать.

ИВАН ИВАНОВИЧ
Здравствуйте, Петр Федорович!

10-Й ПОЛИЦЕЙСКИЙ
Ну, дело плохо.

ПЕТР ФЕДОРОВИЧ
Доброго дня желаю любезному другу
и благодетелю Иоанну Иоанновичу.

ИВАН ИВАНОВИЧ
Вы, как я вижу, устали потому, что ваша раненая нога мешает.

*Появляется старая барыня. Приживалки усаживают
ее в дилижанс.*

ПЕТР ФЕДОРОВИЧ
Моя нога?

ИВАН ИВАНОВИЧ
Ха, ха, ха, ха!

ПЕТР ФЕДОРОВИЧ
Хи, хи, хи, хи! Я нам доложу о себе, любезнейший друг
и благодетель Иоанн Иоаннович...

MOTHER
A least send us a message.

FATHER
Now, by Christian tradition,
everyone should sit before the journey.

The father, the mother, and the two sons sit down on the ground.

FATHER
Well, everything's ready!

Soon after, the sons get into the stagecoach.

9TH POLICEMAN
So, no?

10TH POLICEMAN
No!

7TH POLICEMAN
No, really?

10TH POLICEMAN
No!

9TH POLICEMAN
And, I suppose, you've no worries?

10TH POLICEMAN
Well, what am I supposed to do?

9TH POLICEMAN
If it's some sort of devil, you should make sure the dog can't
knock back a shot of vodka of a morning, intervene, justice...

10TH POLICEMAN
Shsh...

9TH POLICEMAN
...it's a joke!

Pyotr Fedorovich and Ivan Ivanovich stop by the stagecoach.

10TH POLICEMAN
Now there'll be a bit of fun.

9TH POLICEMAN
As long as we're not too late.

IVAN IVANOVICH
Good evening, Pyotr Fedorovich!

10TH POLICEMAN
Well, it's a bad business.

PYOTR FEDOROVICH
My good friend and benefactor Ioann Ioannovich
I wish you good day.

IVAN IVANOVICH
I see that you are tired because your wounded leg troubles you.

*An elderly lady appears and is helped into the stagecoach by her
paid companions.*

PYOTR FEDOROVICH
My leg?

IVAN IVANOVICH
Ha, ha, ha, ha!

PYOTR FEDOROVICH
Hee, hee, hee, hee! I'll have to confess, my dear friend and
benefactor Ioann Ioannovich...

ИВАН ИВАНОВИЧ
Ха, ха, ха, ха!

ПЕТР ФЕДОРОВИЧ
...что я дельвал на веку своим и не такие походы. Ах! Я
расскажу вам, каким манером я перелез через забор к одной
хорошенькой немке.

ИВАН ИВАНОВИЧ
Ха-ха-ха-ха!

Иван Иванович и Петр Федорович садятся в дилижанс.

5-Й ПОЛИЦЕЙСКИЙ
Нет, тут не на шутку сатана вмешался.

6-Й ПОЛИЦЕЙСКИЙ
Чудно, право! А дай понюхать табачку. У тебя славный табак.

5-Й ПОЛИЦЕЙСКИЙ
Кой чорт, славный. Старая курица не чихнет!

6-Й ПОЛИЦЕЙСКИЙ
А-пчих!

СТАРАЯ БАРЫНЯ *(из окна)*
Я хочу вам рассказать одно особенное происшествие:
я этим летом умру: смерть моя уже приходила за мной.

ПРИЖИВАЛКИ
Бог знает, что вы говорите.

СТАРАЯ БАРЫНЯ
Я прошу вас исполнить мою волю:
когда я умру, похороните меня возле церковной ограды.
Платье наденьте на меня серенькое.
Атласного платья, что с малиновыми полосками,
не надевайте: мертвым уж не нужно платья.

ПРИЖИВАЛКИ
Бог знает, что вы говорите.
Когда еще будет смерть, а вы уже страшаете такими словами!

СТАРАЯ БАРЫНЯ
Нет, я уж знаю, когда моя смерть.
Вы, однако, не горюйте за мной:
я уже старуха, довольно пожила, да и вы стары;
мы скоро увидимся на том свете!

Появляется торговка.

ТОРГОВКА
Бублики, бублики! Купите! Купите! Ей-богу, хороши, купите!
Купите! Бублики, бублики!

3-Й ПОЛИЦЕЙСКИЙ
Какая славная бабешка. Очень лакомый кусочек!

ТОРГОВКА
Бублики, бублики, бублики, бублики!

4-Й ПОЛИЦЕЙСКИЙ
А подойди-ка сюда!

Торговка испуганно приближается к полицейским.

ТОРГОВКА
Купите! Купите! Ей-богу, Купите! Хороши!

3-Й ПОЛИЦЕЙСКИЙ
А это что такое?

ТОРГОВКА
Бублики! Ей-богу!

3-Й ПОЛИЦЕЙСКИЙ
А это что?

IVAN IVANOVICH
Ha, ha, ha, ha!

PYOTR FEDOROVICH
...I've made some even greater marches in my time... Ah! I'll tell you
about the time I climbed a fence to get to one pretty German girl.

IVAN IVANOVICH
Ha, ha, ha, ha!

Ivan Ivanovich and Pyotr Fedorovich get into the stagecoach.

5TH POLICEMAN
No, Satan's involved here, no joke.

6TH POLICEMAN
Strange, indeed! Give me a pinch of snuff. Your snuff is excellent.

5TH POLICEMAN
The devil it is. It wouldn't make an old hen sneeze!

6TH POLICEMAN
Achoo!

ELDERLY LADY *(from the window)*
I want to tell you of one interesting occurrence.
This summer I shall die. My death has already come to me.

PAID COMPANIONS
God knows what you're saying.

ELDERLY LADY
I beg you to respect my wishes:
When I die, bury me next to the churchyard fence.
Dress me in my gray dress.
Don't dress me in the satin dress, with the raspberry stripes –
the dead have no need for dresses.

PAID COMPANIONS
God knows what you're saying.
Your death isn't soon, and you frighten us with such words!

ELDERLY LADY
No, I already know when my death will come.
Don't grieve for me, however:
I'm already old, I've had a good life – and you're old, too.
We shall soon see each other in another world!

A market-woman appears.

MARKET-WOMAN
Bagels, bagels! Buy some! Buy some! God's my witness, they're
good, buy some! Buy some! Bagels, bagels!

3RD POLICEMAN
What a fantastic little woman. A real tasty morsel!

MARKET-WOMAN
Bagels, bagels, bagels, bagels, bagels!

4TH POLICEMAN
Come over here, you!

Afraid, the market-woman approaches the policemen.

MARKET-WOMAN
Buy some! Buy some! Buy some, God's my witness! They're good!

3RD POLICEMAN
So, what's that?

MARKET-WOMAN
Bagels! God's my witness!

3RD POLICEMAN
And what's that?

ТОРГОВКА
Бублики! Ей...

3-Й И 4-Й ПОЛИЦЕЙСКИЙ
А это что-о-о-о-о?

ТОРГОВКА
Ой! Ой! Ой!...

3-Й И 4-Й ПОЛИЦЕЙСКИЙ
Ха-ха-ха-ха!...

4-Й ПОЛИЦЕЙСКИЙ
Позвольте мне полюбопытствовать!

Полицейские высказывают из засады, окружают торговку, щупают ее, уводят за сцену.

ТОРГОВКА
Ой! Ой! Ой!..

1-Й ПОЛИЦЕЙСКИЙ
Вот бы ее нам того! А! А! А! А!..

2-Й ПОЛИЦЕЙСКИЙ
Славная бабешка. Ха-ха-ха-ха!... А! А! А! А!...

3-Й ПОЛИЦЕЙСКИЙ
Не поможет, не поможет! Ха-ха-ха-ха!..
А! А! А! А!..

4-Й ПОЛИЦЕЙСКИЙ
Ха-ха-ха-ха!... А! А! А! А!...

5-Й ПОЛИЦЕЙСКИЙ
Очень лакомый кусочек. А! Ха-ха-ха-ха!... А! А! А! А!...

6-Й ПОЛИЦЕЙСКИЙ
Вот бы ее нам того! А! А! А! А!...

7-Й ПОЛИЦЕЙСКИЙ
Славная бабешка. Ха-ха-ха-ха!... А! А! А! А!...

8-Й ПОЛИЦЕЙСКИЙ
Очень лакомый кусочек. А! Ха-ха-ха-ха!... А! А! А! А!...

9-Й ПОЛИЦЕЙСКИЙ
А! А! А! А!... Ха-ха-ха-ха!... А! А! А! А!...

10-Й ПОЛИЦЕЙСКИЙ
Вот бы ее нам того! А! А! А! А!...

ТОРГОВКА
Ой! Ой! Ой!...

10-й ПОЛИЦЕЙСКИЕ.
А! А! А! А!...

Кучер трубит в рожок. Дилижанс трогается. Навстречу ему бежит запыхавшийся Нос.

НОС
Стой!

Лошадь, испугавшись крика Носа, бежит от него. Нос – за ней.

НОС
Стой! Стой! Стой!

Оба спотыкаются и падают.

НОС
Ах! Ой!

Кучер стреляет по Носу, но не попадает.

MARKET-WOMAN
Bagels! Go...

3RD & 4TH POLICEMAN
And what's th-a-a-a-at?

MARKET WOMAN
Ow, ow, ow!

3RD & 4TH POLICEMAN
Ha-ha-ha-ha!..

4TH POLICEMAN
You'll excuse my curiosity!

The policemen jump out of hiding, surround the market-woman, feel her, and lead her offstage.

MARKET-WOMAN
Ow! Ow! Ow!..

1ST POLICEMAN
That's what we get from her! А! А! А! А!..

2ND POLICEMAN
Fantastic little woman. Ha-ha-ha-ha!... А! А! А! А!..

3RD POLICEMAN
It won't help, it won't help! Ha-ha-ha-ha!
А! А! А! А!..

4TH POLICEMAN
Ha-ha-ha-ha!... А! А! А! А!...

5TH POLICEMAN
A real tasty morsel. А! Ha-ha-ha-ha!... А! А! А! А!..

6TH POLICEMAN
That's what we get from her! А! А! А! А!..

7TH POLICEMAN
Fantastic little woman. Ha-ha-ha-ha!... А! А! А! А!..

8TH POLICEMAN
A real tasty morsel. А! Ha-ha-ha-ha!... А! А! А! А!..

9TH POLICEMAN
А! А! А! А!... Ha-ha-ha-ha!... А! А! А! А!...

10TH POLICEMAN
That's what we get from her! А! А! А! А!...

MARKET-WOMAN
Ow! Ow! Ow!...

10TH POLICEMAN
А! А! А! А!...

The coachman blows his horn. The stagecoach lurches. Towards it runs the Nose.

НОСЕ
Stop!

A horse, frightened by the Nose's shout, runs away from him. The Nose pursues her.

НОСЕ
Stop! Stop! Stop!

Both of them stumble and fall.

НОСЕ
Ah! Ow!

The coachman shoots at the Nose, but misses.

КУЧЕР
Караул!

ОТЪЕЗЖАЮЩИЕ
Караул!

НОС
Ой!

Пассажиры высказывают из дилижанса.

ОТЪЕЗЖАЮЩИЕ
Что случилось? Что случилось? Что случилось?...

1-Й СЫН, 2-Й СЫН, ПЕТР ФЕДОРОВИЧ
и ИВАН ИВАНОВИЧ
Что случилось? Что случилось? Что случилось?...

Старая барыня бежит за Носом. Нос убегает от нее, спотыкается о спящего квартального. Квартальный просыпается и свистит.

СТАРАЯ БАРЫНЯ
Держи, держи!

ОТЪЕЗЖАЮЩИЕ, 1-Й СЫН, 2-Й СЫН,
ПЕТР ФЕДОРОВИЧ и ИВАН ИВАНОВИЧ
А! А! А!...

НОС
Как вы смеете! Я занимаю государственную должность и довольно значительную!

КВАРТАЛЬНЫЙ.
А? Что?

Нос отстреливается. Полицейские бегут на свист.

КВАРТАЛЬНЫЙ
Держи!

ПОЛИЦЕЙСКИЕ
Как? Что? Где? Смотри! Здесь! Огня, огня!...

ОТЪЕЗЖАЮЩИЕ
Ой! Ой! Ой!... Не бойтесь, хватайте! Огня, огня!...

СТАРАЯ БАРЫНЯ
Держите, держите!...

КВАРТАЛЬНЫЙ
Ребята, вперед!...

1-й ПОЛИЦЕЙСКИЙ
Не бойтесь! Прямо! Хватайте! Прямо!

НОС
А! А! А!

1-й ПОЛИЦЕЙСКИЙ
Что, трусили?!

Все окружают Нос и бьют его.

НОС
А! А! А!...

ВСЕ
Так еро! Так еро! Так еро!...

СТАРАЯ БАРЫНЯ
Так еро! Так еро! Так еро!...

Нос от битья принимает свой вид.

ВСЕ
Нос!

MARIINSKY

COACHMAN
Murder!

TRAVELLERS
Murder!

НОСЕ
Ow!

The passengers jump out of the stagecoach.

TRAVELLERS
What happened? What happened? What happened?...

1ST SON, 2ND SON, PYOTR FEDOROVICH
& IVAN IVANOVICH
What happened? What happened? What happened?...

The Elderly Lady runs after the Nose. The Nose runs from her and stumbles over the sleeping District Constable. The District Constable wakes up and blows his whistle.

ELDERLY LADY
Grab him! Grab him!

TRAVELLERS, 1ST SON, 2ND SON, PYOTR FEDOROVICH
& IVAN IVANOVICH
А! А! А!...

НОСЕ
How dare you! I hold a government post, and quite a senior one, at that!

DISTRICT CONSTABLE
Eh? What?

The Nose shoots back. The policemen run to the whistle.

DISTRICT CONSTABLE
Grab him!

POLICEMEN
How? What? Where? Look! Here! Fire, fire!...

TRAVELLERS
Ow! Ow! Ow!... Don't be afraid, seize him! Fire, fire!...

ELDERLY LADY
Grab him, grab him!...

DISTRICT CONSTABLE
Forward, lads!...

1ST POLICEMAN
Don't be afraid! Onward! Seize him! Onward!

НОСЕ
А! А! А!

1ST POLICEMAN
What, lost your nerve?!

Everyone surrounds the Nose and beats him.

НОСЕ
А! А! А!...

EVERYONE
Take that! Take that! Take that!...

ELDERLY LADY
Take that! Take that! Take that!...

With the beating, the Nose changes form.

EVERYONE
A nose!

ПЕТР ФЕДОРОВИЧ
Нос.

СТАРАЯ БАРЫНЯ
Нос.

ВСЕ
Нос.

Кучер оправляет лошадь и экипаж трогается. Пассажиры бегут за ним. Квартальный завертывает нос в бумажку и вместе с полицейскими уходит за сцену.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

13. Квартира Ковалева и квартира Подточиной

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ *(в дверях)*
Здесь ли живет коллежский ассессор Ковалев?

КОВАЛЁВ
Войдите! Майор Ковалев здесь.

КВАРТАЛЬНЫЙ
Вы изволили затерять свой нос?

КОВАЛЁВ
Так точно.

КВАРТАЛЬНЫЙ
Он теперь найден!

КОВАЛЁВ
Что вы говорите? Каким образом?

КВАРТАЛЬНЫЙ
Странным случаем: его перехватили почти на дороге, и паспорт давно был написан на одного чиновника, ха-ха-ха-ха!

КОВАЛЁВ
Где же он? Где же он?

КВАРТАЛЬНЫЙ
И странно то, что я сам сначала, ха-ха-ха, принял его за господина, ха-ха-ха, но, к счастью, были со мной очки, и я тотчас увидел, что это был нос.

КОВАЛЁВ
Да где же он? Где же он?

КВАРТАЛЬНЫЙ
Ведь я близорук, и если вы станете передо мной, то я вижу только, что у вас лицо, но ни носа, ни бороды, ничего не замечу.

КОВАЛЁВ
Да где он?

КВАРТАЛЬНЫЙ
Моя теща, то есть мать мой жены, тоже ничего не видит.

КОВАЛЁВ
Где же он? Где? Я сейчас побегу!

Квартальный спокойно развертывает нос.

КВАРТАЛЬНЫЙ
Не беспокойтесь. Я, зная, что он вам нужен, принес его с собой. И странно то, что главный участник в этом деле есть мошенник цирюльник на Вознесенской улице, который сидит теперь на съезжей, на съезжей. Я давно подозревал его в пьянстве и воровстве, и еще третьего дня стащил он в одной лавочке бортище пуговиц.
(Квартальный показывает Ковалеву нос.)
Нос ваш совершенно таков, как был.

PYOTR FEDOROVICH
A nose.

ELDERLY LADY
A nose.

EVERYONE
A nose.

The coachman returns the horse and the team move forward. The passengers run after them. The Constable wraps the nose in a piece of paper and exits the stage with the policemen.

SCENE EIGHT

13. Kovalev's apartment and Podtochina's apartment

DISTRICT CONSTABLE *(at the door)*
Does Kovalev the collegiate assessor live here?

KOVALEV
Come in! Major Kovalev's here.

DISTRICT CONSTABLE
Did you happen to lose your nose?

KOVALEV
I certainly did.

DISTRICT CONSTABLE
Now it's been found!

KOVALEV
What do you mean? How?

DISTRICT CONSTABLE
A strange affair. It was about to take off when we caught it, and a passport had been assigned to a certain bureaucrat long before. Ha-ha-ha-ha!

KOVALEV
Where is it? Where is it?

DISTRICT CONSTABLE
Also, it's strange that at first even I, ha-ha-ha, thought it was a gentleman, ha-ha-ha but happily I had my glasses with me, and straight away I could see that it was a nose.

KOVALEV
But where is it? Where is it?

DISTRICT CONSTABLE
I'm short-sighted, you see, and if you're standing in front of me, then I'll only see that you have a face, but I won't notice the nose, the beard, or anything.

KOVALEV
But where is it?

DISTRICT CONSTABLE
My mother-in-law, my wife's mother, can't see anything either.

KOVALEV
Where is it? Where? I'll go straight away!

The District Constable calmly unwraps the nose.

DISTRICT CONSTABLE
Don't worry. I knew that you'd need it, so I brought it with me. The strange thing is, the main player in this business is a crooked barber on Voznesensky Street, who's now waiting in custody, in custody. I'd long suspected him of drunkenness and theft and, on the third day, he stole a dozen buttons from a stall.
(The Constable shows Kovalev the nose.)
Your nose is exactly as it used to be.

КОВАЛЁВ
Так! Он! Точно, он!
Выкушайте сегодня со мной чашечку чаю.

КВАРТАЛЬНЫЙ
Почел бы за большую приятность, но никак не могу: мне нужно заехать отсюда в смиренный дом...

КОВАЛЁВ
Вот и прыщик на левой стороне. Так! Он! Он!

КВАРТАЛЬНЫЙ
Страшная поднялась дороговизна на все припасы. У меня в доме живет теща, то есть мать моей жены, и дети. Старший особенно подает большие надежды, но средств на воспитанье совершенно нет.

Ковалев дает квартальному деньги.

КВАРТАЛЬНЫЙ
но средств для воспитания совершенно нет.

Ковалев снова дает.

КВАРТАЛЬНЫЙ
Но средств для воспитания совершенно нет.

Опять дает. Квартальный уходит.

Ковалев радуется.

КОВАЛЁВ
Он, точно! Он! Вот и прыщик на левой стороне. Он! Он! Он! Мой собственный нос! Точно! Он! Он! Он! Нос найден. Нужно его приставить. Поместить на свое место между двух щек. А вдруг не пристанет?

Ковалев приставляет перед зеркалом нос.

Не приклеивается. О, ужас! Не держится! Ну! ну же! Полежай, дурак! Неужели он не прирастет? Господи! Не прирастет! Эй! Иван! Иван!

ИВАН *(входя)*
Изволили спрашивать?

КОВАЛЁВ
Ты ступай туда...

ИВАН
Куда?

КОВАЛЁВ
За доктором ступай, скажи ему...

Иван уходит.

КОВАЛЁВ
Ну, ну, полежай, дурак! Не пристаёт, не пристаёт!

ДОКТОР
Куда тут?

ИВАН
Сюда, батюшка, сюда! Этокового, дело этокое, вот какое уж, точно, никак неожиданное.

КОВАЛЁВ
Спаситель мой! Спасите!
Бог награди вас за то, что посетили несчастного!

ДОКТОР
Как давно случилось несчастье?

KOVALEV
Yes, that's it! Definitely it!
Have a cup of tea with me today.

DISTRICT CONSTABLE
It would be a great honour, but there's no way I can: I have to go straight from here to the workhouse...

KOVALEV
There's the pimple on the left. Yes, it's mine! Mine!

DISTRICT CONSTABLE
It's terrible how the extortionate price of essentials is rising. At home I've got my mother-in-law, and children. The eldest in particular shows great promise, but we just don't have the means to educate him.

Kovalev gives the District Constable money.

DISTRICT CONSTABLE
But we just don't have the means to educate him.

Kovalev gives more.

DISTRICT CONSTABLE
But we just don't have the means to educate him.

He gives some more. The District Constable exits.

Kovalev rejoices.

KOVALEV
It's mine, definitely! Mine! There's the pimple on the left. Mine! Mine! Mine! My very own nose! Definitely! Mine! Mine! Mine! My nose has been found. I should set it. Put it back where it belongs between my two cheeks. But what if it doesn't stick?

Kovalev tries the nose in front of the mirror.

It won't stick. O, the horror! It won't hold! Well! Well then! Stay, you fool! Will it really not grow back? Oh God! It won't grow back! Hey! Ivan! Ivan!

IVAN *(entering)*
Did you call, sir?

KOVALEV
Get over there...

IVAN
Where?

KOVALEV
Fetch the doctor, tell him...

Ivan exits.

KOVALEV
Well, well, stay, you fool! It won't grow back, it won't grow back!

DOCTOR
Where to?

IVAN
In here, old man, in here! So here you go, this is the trouble, see, definitely totally unexpected.

KOVALEV
My saviour! Save me!
God will reward you for visiting a poor wretch!

DOCTOR
When did the misfortune occur?

КОВАЛЁВ
Проснулся довольно рано и увидел вместо носа преглупое, ровное и гладкое место!

ДОКТОР
А у вас все, что ни есть, на своем месте? А?

КОВАЛЁВ
А вам какое дело, что у меня есть?

ДОКТОР
Ага! Ага! Сядьте и поверните голову.

Доктор щелкает Ковалева по тому месту, где был нос.

КОВАЛЁВ
Ай!

ДОКТОР
Это ничего. Гм... Поверните голову на правую сторону. Так!

Опять щелкает.

КОВАЛЁВ
Ай!

ДОКТОР
Гм! Нет, нельзя! Вы уж лучше так оставайтесь, потому что можно сделать еще хуже.

КОВАЛЁВ
Сделайте милость, нет ли средства?

ДОКТОР
Оно, конечно, приставить можно; но я вас уверяю, что это для вас хуже.

КОВАЛЁВ
Как-нибудь приставьте! Хотя не хорошо, лишь бы только держался; я даже могу его слегка подпирать рукою в опасных случаях. Я же притом не танцую, чтобы повредить каким-нибудь неосторожным движением. Ах, приставьте! Все, что относится насчет благодарности за визиты, уж будьте уверены, сколько позволяют мои средства.

ДОКТОР
Верите ли, что я никогда из корысти не лечил. Это противно моим правилам и моему искусству. Правда, я беру за визиты, но единственно с тем только, чтобы не обидеть моим отказом. Конечно, я бы приставил вам нос, но я вас уверяю чеством, если вы уже не верите моему слову, что это будет гораздо хуже. Предоставьте лучше действию самой натуры. Мойте чаще холодной водою. И я вас уверяю, что вы, не имея носа, будете так же здоровы, как если бы имели его. А нос я вам советую положить в банку со спиртом или, еще лучше, влить туда две ложки острой водки и подогретого уксуса, и тогда вы сможете взять за него порядочные деньги. Я даже сам возьму его, если вы только не подорожаетесь.

КОВАЛЁВ
Нет, нет, ни за что не продам. Лучше пусть он пропадет!

ДОКТОР
Извините! Я хотел быть вам полезным. Что же делать? По крайней мере, вы видели мое старание.

Доктор уходит.

КОВАЛЁВ
Ну, ну, ну же, полезай, дурак!

Рыдает.

KOVALEV
I woke up quite early and saw that instead of my nose there was a ludicrous, flat, smooth space!

DOCTOR
And is everything else you have in its proper place, eh?

KOVALEV
Is it your business what I have?

DOCTOR
Aha! Aha! Sit down and turn your head.

The Doctor taps Kovalev on the place where his nose used to be.

KOVALEV
Ow!

DOCTOR
It's nothing. Hmm... Turn your head to the right. That's it!

Taps him again.

KOVALEV
Ow!

DOCTOR
Hmm! No, it's impossible! You're better off staying like that, or you could make it even worse.

KOVALEV
Have mercy, is there no cure?

DOCTOR
I could set it, of course, but I promise it'll be worse for you.

KOVALEV
Set it anyhow! Not very well even, as long as it holds. I can even support it a little with my hand in dangerous situations. And to avoid any careless movements, I'll even give up dancing. Ah, set it! As for my gratitude for your visit, there's no need to worry, I'll give all that I can afford.

DOCTOR
Believe it or not, I have never treated someone for profit. It's against my principals and my art. Of course, I do accept payment for my visits, but only so as not to offend with my refusal. Of course, I could set your nose, but if you won't take my word then on my honour it will be a lot worse. You'd better let nature take its course. Wash more often with cold water. I promise that, without a nose, you will be just as healthy as with one. The nose I advise you to put in a jar with spirit or, even better, pour in two spoons of strong vodka and warm vinegar. Then you'll be able to ask a decent price for it. I'll even take it myself if you're not asking too much.

KOVALEV
No, no, I wouldn't dream of selling it. Better that it should disappear!

DOCTOR
I'm sorry! I'd like to help you. What can I do? At the very least, you've seen I tried.

The Doctor exits.

KOVALEV
Well, well, well, stay, you fool!

He sobs.

Ой! Ой! Ой!.

Входит Ярыжкин.

КОВАЛЁВ *(рыдает)*
Ой! Ой! Ой!

ЯРЫЖКИН *(в сторону)*
Экой пасквильный вид! Ха-ха-ха!

КОВАЛЕВ *(увидя Ярыжкина)*
Неужели же он не пристанет?

ЯРЫЖКИН
А вы поплывте.

Ковалев плюет. Нос отваливается.

КОВАЛЁВ
Тыфу! Тыфу! Тыфу! Нет, нельзя приставить.

ЯРЫЖКИН
Вы бы попробовали гомеопатического средства. Каким же образом, какими же судьбами это приключилось?

КОВАЛЁВ
Виною этого должен быть не кто другой, как штаб-офицерша Подточина, которая желала, чтобы я женился на ее дочке. Я сказал, что еще молод, что нужно мне послужить лет пяток, чтобы уже было ровно сорок два года, и потом штаб-офицерша, верно, из мщения, решилась меня испортить и наняла для этого каких-нибудь колдовок-баб, потому что никаким образом нельзя предположить, чтобы нос был отрезан. Никто не входил ко мне в комнату. Цирюльник же Иван Яковлевич брил меня еще в среду. В продолжение среды и даже весь четверг нос у меня был цел. Притом была бы мною чувствуема боль, и, без сомнения, рана не могла бы так скоро зажить и быть гладкою, как блин.

ЯРЫЖКИН
Дело очень, очень плохо.

КОВАЛЁВ
Звать ли штаб-офицершу формальным порядком в суд или явиться к ней самому и уличить ее?

ЯРЫЖКИН
Не согласится ли она без бою возвратить вам то, что следует? А? Напишите ей. Если нос не будет и так далее...

КОВАЛЁВ
Ладно, напишу.

Садится писать.

ЯРЫЖКИН
Милостивая государыня!

КОВАЛЁВ
Пелагея Григорьевна.

Освещается другая половина сцены, обнаруживая Подточину и ее дочь. Ковалев с Ярыжкиным погружаются во мрак.

ДОЧЬ *(гадая на картах)*
Опять, опять дорого. Интересуется какой-то бубновый король, слезы, любовное письмо... С левой стороны, трюфовый изъясняет большое участие, но какая-то злодейка мешает.

ПОДТОЧИНА
А кто бы, ты думала, был трюфовый король?

ДОЧЬ
Не знаю, не знаю.

Oh! Oh! Oh!

Yaryzhkin enters.

KOVALEV *(sobs)*
Oh! Oh! Oh!

YARYZHKIN *(aside)*
What a wretched sight! Ha-ha-ha!

KOVALEV *(seeing Yaryzhkin)*
Will it really not set?

YARYZHKIN
Try spitting on it.

Kovalev spits. The nose falls off.

KOVALEV
Pah! Pah! Pah! No, it just won't set.

YARYZHKIN
You should try a homeopathic remedy. In what way and in what circumstances did it happen?

KOVALEV
The guilty party is probably none other than Podtochina, the staff-officer's widow. She wanted me to marry her daughter. I told her that I was still young, that I needed to serve another five years, till I was exactly forty-two. Then the staff-officer's widow probably decided to ruin me in revenge and hired some kind of witch-women, because there's no way that the nose could possibly have been cut off. Nobody came into my room. Ivan Yakovlevich, the barber, shaved me on Wednesday. For the rest of Wednesday and all of Thursday My nose was fine. Moreover, I would have felt pain and, undoubtedly, the wound could not have healed so quickly and turned smooth like a pancake.

YARYZHKIN
It really is a bad, bad business.

KOVALEV
Should I officially take the staff-officer's widow to court or go to her house myself and get her?

YARYZHKIN
Will she not return what's rightfully yours without a fight? Eh? Write her a letter. If you don't return my nose, etc...

KOVALEV
Fine, I'll write it.

He sits down to write.

YARYZHKIN
My Dear Madam,...

KOVALEV
Pelageya Grigorievna.

The opposite side of the stage is lit up, revealing Podtochina and her daughter. Kovalev and Yaryzhkin are swallowed in darkness.

DAUGHTER *(examining the cards)*
Again, again expensive. Some king of diamonds shows an interest, tears, a love letter... On the left, the club plays an important part, but some villainess interferes.

PODTOCHINA
And who, do you think, was the king of clubs?

DAUGHTER
I don't know, I don't know.

ПОДТОЧИНА
Платон Кузьмич Ковалев.

ДОЧЬ
Вот уж, верно, не он!

ПОДТОЧИНА
Не спорь, не спорь, нет другого трефового короля.

ДОЧЬ.
Я хоть что ставлю – не он.

Входит Иван с письмом.

ДОЧЬ
Нет! Нет! Не он.

ИВАН
А, смею ли спросить, не с Пелагеей ли Григорьевной, госпожою Подточиной имею честь говорить?

ДОЧЬ.
Ах, как ощутительно приближение весны.

ПОДТОЧИНА
Так точно.

ИВАН
Письмецо.

Подточина берет у Ивана письмо, читает и пишет ответ, который отдает Ивану, после чего Иван уходит.

ДОЧЬ
Сердце мое бьется, как будто все кого-то дожидает. В ушах у меня вечный шум, но неужели мое сердце равнодушно ко всем исканиям! Ах, нет!

ПОДТОЧИНА
Читай, Ковалев пишет.

Подточина подходит к дочери и показывает ей письмо Ковалева. Обе Читают.

ДОЧЬ
А? “Милостивая государыня Пелагея...

ПОДТОЧИНА и Ее ДОЧЬ
...Григорьевна! Не могу понять странного с вашей стороны действия. Будьте уверены, что, поступая таким образом, вы ничуть не принудите меня жениться на вашей дочери. Поверьте, что история насчет моего носа совершенно мне известна, равно как и то, что в этом вы главные участницы, а не кто другой...

Открывается первая половина сцены с Ковалевым и Ярыжкимым.

ИВАН *(подает письмо)*
Ответ.

КОВАЛЕВ
Давай! Давай!

Они читают ответ Подточиной.

ПОДТОЧИНА и Ее ДОЧЬ
...Внезапное его отделение с своего места, побег и маскирование то под видом одного чиновника, то, наконец, в собственном виде есть больше ничего, как следствие волхования, произведенных вами или теми, которые упражняются в подобных вам благородных занятиях. Я со своей стороны почитаю долгом вас предупредить: если упоминаемый мною нос не будет сегодня же на своем месте, то я принужден буду прибегнуть к защите и покровительству законов. Впрочем, с совершенным почтением к вам имею честь быть ваш покорный слуга Платон Ковалев”.

ПОДТОЧИНА
Platon Kuzmich Kovalev

DAUGHTER
No, surely not him!

ПОДТОЧИНА
Don't argue, don't argue, there's no other king of clubs.

DAUGHTER
It's not him, I'll bet anything.

Ivan enters with a letter.

DAUGHTER
No! No! Not him.

IVAN
Er, dare I ask, is it not Pelageya Grigorievna, Madam Podtochina, with whom I have the honour of speaking?

DAUGHTER
Ah, how the coming of spring makes itself felt.

ПОДТОЧИНА
It certainly does.

IVAN
Letter for you.

Podtochina takes the letter from Ivan, reads it, and writes an answer, which she gives to Ivan. Ivan then exits.

DAUGHTER
My heart's beating as if everything awaits a certain somebody. There's a constant sound in my ears, but can my heart really be indifferent to every suitor? Oh, no!

ПОДТОЧИНА
It's from Kovalev. Read it.

Podtochina comes over to her daughter and shows her the letter from Kovalev. They both read it.

DAUGHTER
Huh? “My Dearest Madam Pelageya...

ПОДТОЧИНА & HER DAUGHTER
... Grigorievna! I am unable to comprehend these strange actions on your part. Believe me, by acting in this way you will in no way coerce me to marry your daughter. Believe me, the story concerning my nose is fully known to me, as is the fact that the main protagonist was none other than yourself...

The other side of the stage with Kovalev and Yaryzhkin is revealed.

IVAN *(handing over a letter)*
Her answer.

КОВАЛЕВ
Come on! Come on!

They read Podtochina's answer.

ПОДТОЧИНА & HER DAUGHTER
...Its sudden dislocation from its rightful place, its flight and concealment both in the form of a bureaucrat and finally under its own appearance is nothing other than the result of witchcraft performed by you or by those who practice a similar noble art to yours. For my part, I consider it necessary to warn you that, if my above mentioned nose is not back in its rightful place today, then I will be forced to seek the defense and protection of the law. Otherwise, with the greatest respect to you, I have the honour to be your devoted servant, Platon Kovalev.

ЯРЫЖКИН И КОВАЛЕВ
“Милостивый государь Платон Кузьмич! Чрезвычайно удивило меня письмо ваше. Я, признаюсь вам по откровенности, никак не ожидала, а тем более относительно несправедливых укоризн со стороны вашей. Предупреждаю вас, что я чиновника, о котором упоминаете вы, никогда не принимала у себя в доме, ни замаскированного, ни в настоящем виде. Бывал, правда, Филипп Иваныч Потанчиков и, хотя он, точно, искал руки моей дочери, будучи сам хорошего, трезвого поведения и великой учености, но я никогда не подавала ему никакой надежды. Вы упоминаете еще о носе. Если вы разумеете под сим...

Подточина и дочь погружаются во мрак.

...что будто бы я хотела оставить Вас с носом, то есть дать вам формальный отказ, то меня удивляет, что вы сами об этом говорите, тогда как я, сколько вам известно, была совершенно противного мнения и, если вы теперь же посватаетесь на моей дочери, я готова сейчас же удовлетворить вас, ибо это составляло всегда предмет моего живейшего желания, в надежде чего остаюсь готовою к услугам вашим Пелагея Подточина.

КОВАЛЁВ.
Нет, она точно не виновата!

ЯРЫЖКИН
Не может быть!

КОВАЛЁВ
Так не может написать человек, виновный в преступлении.

ЯРЫЖКИН
Только черт разберет это! Только черт разберет это!

ЗАНАВЕС

14. Интермедия

Из-за занавеса выходит господин, уткнувшийся в газету, за ним несколько дружек.

1-й ГОСПОДИН
Нос майора Ковалева прогливается здесь. Он тут сейчас пройдет.

6-й ГОСПОДИН
Не слыхал я об этом ничего, а где он?

5-й ГОСПОДИН
Как подумаешь только, чего не происходит на свете!

2-й ГОСПОДИН
Позвольте вам доложить, что я не очень понимаю это дело.

ВСЕ
Где, где? Где нос?

7-й ГОСПОДИН
Это, однако, странно: истории о танцующих стульях, нос майора... Вот он!

5-й и 6-й ГОСПОДИН
Не вижу!

ХОР
Он! Точно! Прошу покорно, смотрите.

1-й, 2-й, 3-й, 7-й ГОСПОДИН
Вот он, вот он! Позвольте. Да покажите.

4-й, 5-й, 6-й ГОСПОДИН
Он! Точно! Где он? Вот какой случай. Где же?

YARYZHKIN & KOVALEV
“My dearest Platon Kuzmich, I was utterly taken aback by your letter. I will admit to you openly that it was quite unexpected, particularly as concerns the unjust reproaches on your part. I wish to inform you that I have received in my home the bureaucrat that you mention, either with or without a disguise. It's true that Flipp Ivanych Potanchikov did visit and, although he certainly sought my daughter's hand, being of good and sober bearing and great learning, I never gave him any hope whatsoever. You mention also your nose. If by this you mean...

Podtochina and her daughter are swallowed in darkness.

...that I wished to leave you with nothing but your nose, to give you a formal refusal, then it surprises me you should think so, when I, as you well know, had quite the opposite intention and, if you now wish to propose to my daughter, I am ready right now to accept, as this has always been the subject of my warmest wishes, in the hope of which I remain at your service, Pelageya Podtochina.

KOVALEV
No, she's definitely not to blame!

YARYZHKIN
She can't be!

KOVALEV
A person guilty of a crime couldn't write like that.

YARYZHKIN
Only the devil can work it out! Only the devil can work it out!

CURTAIN

14. Interlude

A gentleman appears from behind the curtain engrossed in a newspaper. Several others follow.

1ST GENTLEMAN
Major Kovalev's nose is out for a walk round here. It'll be passing soon.

6TH GENTLEMAN
I've heard nothing of this, where is it?

5TH GENTLEMAN
The things that happen! You couldn't make it up!

2ND GENTLEMAN
I must admit that I don't really understand this business.

ALL
Where, where? Where's the nose?

7TH GENTLEMAN
It is, however, strange – the story of the dancing chairs, the Major's nose... There he is!

5TH & 6TH GENTLEMEN
I can't see it!

CHOIR
That's it! Definitely! Look, I beg you.

1ST, 2ND, & 3RD GENTLEMEN
There it is, there it is! Allow me. Show me.

4TH, 5TH, & 6TH GENTLEMEN
That's it! Definitely! Where is it? What a business. Where?

ХОР
Вот он! Точно! Не вижу! Где, где, покажите.
Прошу покорно, смотрите, смотрите.

СТАРИЧОК
Позвольте мне полюбопытствовать!

ХОР
Идет! Вот этот, который с газетой! Глядите!
Где же он, где же он? Вот он, вот он!

ВСЕ ГОСПОДА
Точно! Точно!

ХОР
Где же он, где же он? Вот он, вот он!
Нос, нос...

СТАРИЧОК.
Что вы? Господь с вами! Это не он.

ХОР
Не он! Не он! Это не он, это не он.

1-й ГОСПОДИН
Ведь это же история, понимаете ли, история!

ХОР
Где, где, где нос майора?

2-й ГОСПОДИН
Чудно, право, как подумаешь, до чего не доходит
просвещение!

ХОР
– Это однако же странно. Начали говорить,
что будто нос ровно в три часа...
– Представьте, гуляет по улице.

4-й ГОСПОДИН
Толкуют: просвещение! Просвещение!
А это просвещение – фук!

ХОР
Где же он, где же он? Ах, покажите! Ах, покажите!
Где? Где? Где?

1-Й ВНОВЬ ПРИБЫВШИЙ
Господа! Нос находится в магазине Юнкера.

ХОР
Где, где? В магазине Юнкера? В магазине Юнкера!

*Занавес поднимается. Магазин Юнкера. Перед магазином
толпа. Те, которые были перед занавесом, бегут к магазину.*

ХОР
Где же он? Где же он? Где же нос? Где же нос?
Вот он! Покажите!

*Перед толпой стоит спекулятор и предлагает становиться
на скамейки.*

СПЕКУЛЯТОР
Деревянных прочных скамеек! Прекрасных деревянных
прочных скамеек! Становиться, становиться!

ХОР
Вот он.
Покажите.
За витриной.
Где он?
Вот он.
Смотрите,
В магазине за витриной.
Смотрите, Смотрите!

CHOIR
There it is! Definitely! I can't see it!
Where, where, show me. Look, I beg you, look.

OLD MAN
You'll excuse my curiosity!

CHOIR
Here it comes! That one, with the paper! Look!
Where is it, where is it? There it is! There it is!

ALL GENTLEMEN
Definitely! Definitely!

CHOIR
Where is it, where is it? There it is, there it is!
The nose, the nose...

OLD MAN
What? The Lord help you, that's not it!

CHOIR
Not it! Not it! It's not it, it's not it.

1ST GENTLEMAN
It is, after all, a story, you see!

CHOIR
Where, where, where's the Major's nose?

2ND GENTLEMAN
It really is wonderful to think what the Enlightenment
has given us!

CHOIR
– However, it is strange. rumour has it,
that at exactly three o'clock, the nose...
– Walks down the street, can you imagine?

4TH GENTLEMAN
“The Enlightenment! The Enlightenment!” they proclaim.
And this is enlightenment? Pah!

CHOIR
Where is it, where is it? Ah, show us! Ah, show us!
Where? Where? Where?

1ST NEWCOMER
Gentlemen! The nose is in Junker's shop.

CHOIR
Where, where? In Junker's shop? In Junker's shop!

*The curtain rises. Junker's shop. There is a crowd in front.
Those onstage before the curtain rose run toward the shop.*

CHOIR
Where is it? Where is it? Where's the nose? Where's the nose?
There it is! Show us!

A speculator stands in front of the crowd offering benches to stand on.

SPECULATOR
Solid wood benches! Beautiful solid wood benches!
Stand up, stand up!

CHOIR
There it is.
Show us.
At the window.
Where is it?
There it is.
Look,
In the shop at the window.
Look, look!

Входит заслуженный полковник.

ЗАСЛУЖЕННЫЙ ПОЛКОВНИК
Позвольте, дайте посмотреть. Ну, ну.

Становится на скамейку.

СПЕКУЛЯТОР
Деревянных прочных скамеек за восемьдесят копеек!
Пожалуйте посмотреть!

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС
Ой, куда лезешь, нахал!

ХОР
Ха-ха-ха-ха!
Где же он? Где же он?
В магазине за витриной.
Смотрите, Смотрите!

ЗАСЛУЖЕННЫЙ ПОЛКОВНИК (*падает со скамейки*)
Фуфайка! Самая обыкновенная фуфайка и никакого носа!

ХОР
Фуфайка! Фуфа...ха-ха-ха, Фуфайка! И никакого носа!

4-й ГОСПОДИН
Как можно такими глупыми неправдоподобными
слухами смущать народ!

1-й ГОСПОДИН
Я говорил... фуфайка!

2-Й ГОСПОДИН
Все это – фук!

ХОР
Нет никакого носа. А все фук, фук, фук...
Только фуфайка. Только фук, фук, фук...

2-Й ВНОВЬ ПРИБЫВШИЙ
Господа! Нос гуляет в Летнем саду.

ХОР
– Где, где?
– Я говорил, что не на Невском.
– В летнем саду!
– Скорей, скорей!

Все бегут.

1-Й ФРАНТ
Мишель, ты туда?

2-Й ФРАНТ
Туда.

1-Й ФРАНТ
И я тоже.

НЕКТО
Пойду взглянуть.

3-Й СТУДЕНТ
Ты здесь! Идем смотреть!

1-Й СТУДЕНТ
Конечно!

4-й СТУДЕНТ
Нос майора Ковалева.

2-й СТУДЕНТ
Нос в Летнем саду.

8-й СТУДЕНТ
Пойду взглянуть,

A respected colonel enters.

RESPECTED COLONEL
Please, let me have a look. Well, well.

He stands on a bench.

SPECULATOR
Solid wood benches for eighty kopeks!
Come and have a look!

WOMAN'S VOICE
What are you doing, you swine!

CHOIR
Ha-ha-ha-ha!
Where is it? Where is it?
In the shop at the window.
Look, look!

RESPECTED COLONEL (*falling from the bench*)
A jersey! A common garden jersey and no nose at all!

CHOIR
A jersey! A jer... ha-ha-ha, A jersey! And no nose at all!

4TH GENTLEMAN
How can the public listen to such dumb,
unbelievable rumours!

1ST GENTLEMAN
I said... a jersey!

2ND GENTLEMAN
It's all – bosh!

CHOIR
There is no nose. It's all bosh, bosh, bosh...
Just a jersey. Just bosh, bosh, bosh...

2ND NEWCOMER
Gentlemen! The nose is walking in the Summer Garden.

CHOIR
– Where, where?
– I said it wasn't on Nevsky.
– In the Summer Garden!
– Quick, quick!

Everybody runs.

1ST DANDY
Michel, are you going there?

2ND DANDY
I'm going.

1ST DANDY
Me, too.

SOMEBODY
I'll go and take a look.

3RD STUDENT
You're here! Let's go and have a look!

1ST STUDENT
Of course!

4TH STUDENT
Major Kovalev's nose.

2nd STUDENT
The nose in the Summer Garden.

8TH STUDENT
I'll go and take a look.

5-й СТУДЕНТ
Бежим смотреть

6-й СТУДЕНТ
Иди скорей.

7-й СТУДЕНТ
Бежим, бежим!

2-а СЫНА ПОЧТЕННОЙ ДАМЫ
Мама, мама, покажи нам нос.

ПОЧТЕННАЯ ДАМА
Сейчас, детки, сейчас. Бежим скорее к Летнему саду.

Открывается Летний сад.

Страшная давка.

ХОР
– Нос майора Ковалева гуляет здесь.
– Чепуха, чепуха.
– Всем уже известно, что нос в Летнем саду.
– Не может быть, какая чепуха.
– Ах, покажите его нам! где он?

Сквозь толпу пробирается Хозрев-Мирза на носилках со стражей евнухов.

ЕВНУХИ
Господа! Сделайте милость, дайте пройти Хозрев-Мирзе, сделайте милость, посторонитесь!

ХОР
Где же он? Где же он?
Вот он, смотрите!

ЕВНУХИ
Дайте пройти. Хозрев-Мирза хочет посмотреть!

ХОР
Пропустите Хозрев-Мирзу, сделайте милость, пропустите.

ЕВНУХИ
Господа! Дайте пройти Хозрев-Мирзе.
Будьте так любезны, Хозрев-Мирза хочет посмотреть!

ХОЗРЕВ-МИРЗА (*про себя*)
Ничего не вижу.

(Громко) Совершенно даже непонятно, отчего нос гуляет в Летнем саду. Какой редкий феномен. Удивительно. Очень, очень странная игра природы. Чрезвычайно странная игра природы.

(евнухам) Пойдем домой.

ХОР
Хозрев-Мирза видел...
Где он? Покажите!
Ведь Хозрев-Мирза видел его.
Вот он! Это не он!
Где же, где, где, где?

ЕВНУХИ
Господа! Сделайте милость, Хозрев-Мирза хочет домой. Будьте так любезны, пропустите.
Господа! Хозрев-Мирза видел, он хочет домой.
Сделайте милость, дайте пройти Хозрев-Мирзе домой.
Сделайте милость! Будьте так любезны!
Дайте пройти Хозрев-Мирзе!

Полицейские наводят порядок.

ПОЛИЦЕЙСКИЕ
Разойдись! Разойдись!

5TH STUDENT
Let's run and have a look.

6TH STUDENT
Come quickly.

7TH STUDENT
Run, run!

2ND SON OF A RESPECTABLE LADY
Mama, mama, show us the nose.

RESPECTABLE LADY
Soon, children, soon. Let's run quickly to the Summer Garden.

The Summer Garden appears.

There's a dreadful crush.

CHOIR
– Major Kovalev's nose is out walking here.
– Nonsense, nonsense.
– Everybody knows that nose is in the Summer Garden.
– Impossible, what nonsense.
– Ah, show us! Where is it?

Khozrev-Mirza makes his way through the crowd on a litter born by eunuchs.

EUNUCHS
Gentlemen! Please make way for Khozrev-Mirza, Please, step aside!

CHOIR
Where is it? Where is it?
There it is, look!

EUNUCHS
Make way. Khozarev-Mirza wants to have a look!

CHOIR
Make way for Khozrev-Mirza, please, Make way.

EUNUCHS
Gentleman! Let Khozrev-Mirza through.
If you please, Khozrev-Mirza wants to have a look!

KHOZREV-MIZRA (*to himself*)
I can't see a thing.

(Out loud) It's completely incomprehensible why a nose should walk around the Summer Garden. What a rare phenomenon. Astonishing. A very, very strange trick of nature. An extremely strange trick of nature.

(to the Eunuchs) Let's go home.

CHOIR
Khozrev-Mirza saw it...
Where is it? Show us!
Khozrev-Mirza saw it.
There it is! That's not it!
Where, then, where, where, where?

EUNUCHS
Gentlemen! Please, Khozrev-Mirza wants to go home. If you please, make way.
Gentlemen! Khozrev-Mirza has seen it, he wants to go home. Please, let Khozrev-Mirza get home.
Please! If you please!
Let Khozrev-Mirza through!

The policemen impose order.

POLICEMEN
Disperse! Disperse!

ХОР
Где он? Где он? Дайте посмотреть.
Где он? Где? Где?

Выезжают пожарные и поливают толпу.

ПОЛИЦЕЙСКИЕ
Разойдись! Разойдись!

ХОР
Где он? Где? Где?

ЭПИЛОГ

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

15. Квартира Ковалева

КОВАЛЁВ (*соскакивает с постели, держась за нос*)
Вот он! Вот он! Нос! Точно! Нос! Эге! Нос!
На месте между двух щек! Иван!

ИВАН (*входит*)
Изволили спрашивать?

КОВАЛЁВ
А посмотри, Иван, кажется, у меня прыщик на носу.

(Про себя.)
Вот беда, как Иван скажет:
не только прыщика, а самого носа нету?

ИВАН
Ничего-с!

КОВАЛЁВ
А? А? А?

ИВАН
Никакого прыщика-с: нос чистый-с.

КОВАЛЁВ
Хорошо, хорошо, черт побери! Ах ты!

Ковалев танцует.

Такой и этакий комаринский мужик.

ИВАН
Вишь ты, как барин пляшет

Входит Иван Яковлевич.

КОВАЛЁВ
А! Это ты!

ИВАН ЯКОВЛЕВИЧ
Я.

КОВАЛЁВ
Говори вперед: чисты руки?

ИВАН ЯКОВЛЕВИЧ
Чисты.

КОВАЛЁВ
Врешь!

ИВАН ЯКОВЛЕВИЧ
Ей-богу, чисты!

КОВАЛЁВ
Смотри же!

Ковалев усаживается для бритья.

CHOIR
Where is it? Where is it? Let us see.
Where is it? Where? Where? Where?

Firemen arrive and soak the crowd.

POLICEMEN
Disperse! Disperse!

CHOIR
Where is it? Where? Where?

ЭПИЛОГ

SCENE NINE

15. Kovalev's apartment

KOVALEV (*he jumps out of bed clutching his nose*)
There it is! There it is! My nose! Definitely! My nose! Aha! My nose!
In place between my two cheeks! Ivan!

IVAN (*enters*)
Did you call, sir?

KOVALEV
Take a look, Ivan, I think I have a pimple on my nose.

(To himself.)
The trouble will be if Ivan says:
“Not just a pimple, the nose itself isn't there?

IVAN
Nothing!

KOVALEV
Eh? Eh? Eh?

IVAN
No pimple at all. The nose is clean.

KOVALEV
Good, good, by the Devil! Well, well!

Kovalev dances.

What a son of a bitch.

IVAN
What's all this skipping like a girl?

Ivan Yakovlevich enters.

KOVALEV
Ah! it's you!

IVAN YAKOVLEVICH
It's me.

KOVALEV
Tell me straight away – are your hands clean?

IVAN YAKOVLEVICH
Clean.

KOVALEV
You're lying!

IVAN YAKOVLEVICH
God's my witness, they're clean!

KOVALEV
We'll see!

Kovalev sits down for a shave.

ИВАН ЯКОВЛЕВИЧ (*Ивану*)
Воды! Вона! Эк его!

Иван приносит воды.

Право! Как подумаешь!

Ковалев и Иван Яковлевич смеются, уставившись друг на друга.

ИВАН ЯКОВЛЕВИЧ и КОВАЛЁВ
Ха ха-ха-ха-ха-ха!

Смеется и Иван.

ИВАН
ха-ха-ха!

КОВАЛЁВ.
У тебя, Иван Яковлевич, вечно руки воняют.

ИВАН ЯКОВЛЕВИЧ
Отчего ж бы им вонять?

КОВАЛЁВ
Не знаю, братец, только воняют.

Иван Яковлевич берет Ковалева за нос, но после окрика: "Ну, ну, ну, смотри!" – отдергивает руку. Бритье продолжается.

КОВАЛЁВ
Ну, ну, ну, смотри!

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

16. Невский Проспект

Ковалев фланирует по проспекту. Встречает знакомых.

1-Й ЗНАКОМЫЙ
Здравствуйте, Платон Кузьмич!

КОВАЛЁВ
Здравствуйте!

(В сторону.) Есть нос!

(Громко.) Здравствуйте, Степан Лазаревич!

2-Й ЗНАКОМЫЙ
Желаю здравствовать, Платон Кузьмич!

КОВАЛЕВ *(в сторону)*
Есть нос! Есть нос! Если и майор не треснет со смеху, увидевши меня, тогда уж верный знак, что все, что ни на есть, на месте.

3-Й ЗНАКОМЫЙ
А? Слыхом не слышать, видом не видать!

КОВАЛЁВ
Ну, уж ты! Я тебя знаю! Ты шпилька! Хорошо! Хорошо, черт побери! Ах!

ПОДТОЧИНА
Платон Кузьмич!

ДОЧЬ
Платон Кузьмич!

КОВАЛЁВ
Милостивая государыня, Пелагея Григорьевна! Мадмуазель! Ха-ха-ха!..

ПОДТОЧИНА И ДОЧЬ
Ха-ха-ха-ха-ха!..

IVAN YAKOVLEVICH (*to Ivan*)
Water! Here! Come on!

Ivan brings water.

Really! What are you thinking!

Kovalev and Ivan Yakovlevich stare at each other and laugh.

IVAN YAKOVLEVICH & KOVALEV
Ha-ha-ha-ha-ha-ha!

Ivan also laughs.

IVAN
ha-ha-ha!

KOVALEV
Ivan Yakovlevich, your hands always stink.

IVAN YAKOVLEVICH
What could make them stink?

KOVALEV
I don't know, my friend, but they do stink.

Ivan Yakolevich grabs Kovalev by the nose, but removes his hand after the cry of "Ow, ow, ow, careful!" He continues to shave.

KOVALEV
Ow, ow, ow, careful!

SCENE TEN

16. Nevsky Prospect

Kovalev parades along the avenue. He greets acquaintances.

1ST ACQUAINTANCE
Good-day, Platon Kuzmich!

KOVALEV
Good-day!

(Aside.) I have a nose!

(Aloud.) Good-day, Stepan Lazarevich!

2ND ACQUAINTANCE
I wish you a good-day, Platon Kuzmich!

KOVALEV *(aside)*
I have a nose! I have a nose! If a Major doesn't break out laughing, when he sees me, that's a reliable sign that everything there is in its place.

3RD ACQUAINTANCE
Eh? I can't believe my ears, I can't believe my eyes!

KOVALEV
Well, it's you! I know you! You're a pin! Good! Good, by the Devil! Ah!

PODTOCHINA
Platon Kuzmich!

DAUGHTER
Platon Kuzmich!

KOVALEV
My dear lady, Pelageya Grigorievna! Mademoiselle! Ha-ha-ha!..

PODTOCHINA & DAUGHTER
Ha-ha-ha-ha-ha!..

КОВАЛЁВ
Я знаю тоже одного: был он три года в отлучке. Приезжает, навстречу жена, с радости не знает, что и делать, и ребенка ведет за руку. Здравствуй! Здравствуй! Откуда, жена, ребенок? Бог дал, говорит. Ах, ты, рожа! Бог дал! Ну, отломал-таки сильно бока. Что же? После оказалось, что он сам-то ведь и был причиной рождения ребенка: похож на него, как две капли воды.

ДОЧЬ
Хи-хи-хи-хи!

ПОДТОЧИНА
Платон Кузьмин!

ДОЧЬ
Хи-хи-хи-хи!

КОВАЛЁВ
Ха-ха-ха-ха!

ПОДТОЧИНА
Не угодно ли пожаловать завтра ко мне пообедать?

(По секрету.) И если вы посватаетесь на моей дочке, я готова удовлетворить вас.

Ковалев вежливо прощается.

КОВАЛЕВ *(показывает кукиши)*
Вот, мол, вам, бабьё, куриный род, а на дочке все-таки не женюсь. Так просто, par amour, изволь!

Обращается к бабе, продающей манишки.

Послушай, голубушка. Ты приходи ко мне на дом, спроси только, где живет майор Ковалёв? Тебе всякий покажет. Гм, гм.

(Уходя.) Душенька, м... Раскрасоточка!

Уходит.

ЗАНАВЕС

KOVALEV
I've got another one: A man's been away for three years. He comes home, and his wife meets him, overcome with happiness, not knowing what to do, and carrying a baby in her arms. Hullo! Hullo! And where, wife, has this baby come from? A gift from God, she says. Ah, the cheek! A gift from God! Well, he tears her off a piece. And then? Later, it turns out he was the cause of the baby's birth: It looks just like him, two peas in a pod.

DAUGHTER
Hee-hee-hee-hee!

PODTOCHINA
Platon Kuzmich!

DAUGHTER
Hee-hee-hee-hee!

KOVALEV
Ha-ha-ha-ha!

PODTOCHINA
Would it be worth my inviting you tomorrow for lunch?

(Secretively.) And if you wish to propose to my daughter, I'm ready to accept.

Kovalev says goodbye politely.

KOVAKEV *(shaking his fist)*
Well, you women are all hens, and frankly I won't marry your daughter. Just like that, par amour? Hardly!

He turns to a woman selling shirt-fronts.

Listen, sweetheart. You come round to my house, just ask where Major Kovalev lives, anyone can tell you. Hmm, hmm.

(Exiting.) What a honey, mmm... A real beauty!

He exits.

CURTAIN

КОНЕЦ

THE END

Валерий Гергиев

Художественный руководитель-директор Мариинского театра Валерий Гергиев – один из ведущих дирижеров мира. Помимо руководства Мариинским театром он работает с Всемирным оркестром мира, Венским филармоническим оркестром, оркестром Берлинской филармонии, Лондонским симфоническим оркестром, Национальным оркестром Франции, оркестром Шведского радио, Роттердамским филармоническим оркестром. Им созданы и возглавляются такие заметные в международной музыкальной жизни фестивали, как фестиваль в Миккели (Финляндия), Роттердам Филармоник-Гергиев фестиваль (Голландия), «Звезды белых ночей» (Петербург), Московский Пасхальный фестиваль.

Среди заслуг маэстро Гергиева – идея творческого сотрудничества Мариинского театра с крупнейшими оперными сценами мира, среди которых Метрополитен-опера, Королевский оперный театр Ковент-Гарден, театр Карло Феличе, Опера Сан-Франциско, театр Ла Скала, Новая Опера Израиля, театр Шатле. Оркестр и труппа Мариинского театра под руководством Гергиева выступали в более чем в 50 странах Старого и Нового Света, от Японии и Китая до США.

Известен Валерий Гергиев и своей позицией в защиту гуманистических идеалов. Так маэстро выступил инициатором проведения мировой серии благотворительных концертов под названием «Беслан. Музыка во имя жизни», которые прошли в Нью-Йорке, Париже, Лондоне, Токио, Риме и Москве. В августе 2008 года под управлением маэстро состоялся концерт-реквием перед разрушенным зданием дома правительства Южной Осетии.

Дискография Валерия Гергиева обширна и неоднократно удостоивалась престижных международных наград, в частности награды *Record Academy Award* за запись цикла всех симфоний Прокофьева с Лондонским симфоническим оркестром и приза «Académie du disque lyrique» за запись русских опер.

Valery Gergiev

Valery Gergiev, one of the world's finest conductors, is artistic and general director of the Mariinsky Theatre. As well as managing the Mariinsky Theatre, he works with the World Orchestra for Peace, the Vienna Philharmonic, the Berlin Philharmonic, the London Symphony Orchestra, the Orchestre national de France, the Swedish Radio Orchestra and the Rotterdam Philharmonic Orchestra. He founded and organises musical festivals of world renown such as the festival in Mikkeli (Finland), the Rotterdam Philharmonic Gergiev Festival (The Netherlands), Stars of the White Nights (St Petersburg) and the Moscow Easter Festival.

Throughout his years of service, the focus of the Maestro's creative effort has been to make the Mariinsky Theatre the best opera company in the world, taking its place alongside the Metropolitan, Covent Garden, the Teatro Carlo Felice, the San Francisco Opera, the New Israeli Opera and the Théâtre du Châtelet. Under Gergiev, the Mariinsky Orchestra and Company has appeared in over 50 countries in the Old and New Worlds, from Japan and China to the USA.

Valery Gergiev has achieved renown for his defence of humanitarian ideals. The Maestro initiated a worldwide series of charity concerts entitled *Beslan: Music for Life* held in New York, Paris, London, Tokyo, Rome, and Moscow. In August 2008 he conducted a requiem concert in front of the ruined Government House of South Ossetia.

Gergiev is also well known for the range of his recordings, for which he has received many prestigious international rewards, in particular the *Record Academy Award* for his recordings of the complete Prokofiev symphonies with the London Symphony Orchestra and the *Académie du disque lyrique* prize for his recording of Russian operas.

Valery Guergiev

Valery Guergiev compte parmi les plus grands chefs d'orchestre du monde. Il est directeur artistique du Théâtre Mariinski dont il assure également la direction générale. Il travaille, par ailleurs, avec l'Orchestre mondial pour la Paix, la Philharmonie de Vienne, la Philharmonie de Berlin, l'Orchestre symphonique de Londres, l'Orchestre national de France, l'Orchestre de radio suédoise, l'Orchestre philharmonique de Rotterdam. Il crée et anime plusieurs festivals de renommée mondiale, dont le Festival de Mikkeli en Finlande, le Festival Guergiev de Rotterdam, les Nuits blanches de Saint-Petersbourg et le Festival de Pâques de Moscou.

Guergiev voue sa carrière au Mariinski dont il fait l'un des théâtres lyriques les plus prisés du monde, aux côtés du Metropolitan, de Covent Garden, du Teatro Carlo Felice, de l'Opéra de San Francisco, du Nouvel Opéra israélien et du Théâtre du Châtelet. Sous sa direction, l'orchestre et la troupe du Théâtre Mariinski se produisent dans plus de 50 pays de l'Ancien et du Nouveau Monde, du Japon et de la Chine aux États-Unis d'Amérique.

Valery Guergiev est réputé pour ses initiatives au service de la cause humanitaire. Le maestro russe est à l'origine d'une série de concerts de bienfaisance intitulée *Beslan: Music for Life* à New York, Paris, Londres, Tokyo, Rome et Moscou. En août 2008, il dirige un concert de requiem en Ossétie du Sud, devant les ruines des locaux administratifs de Tskhinvali.

Les enregistrements de Guergiev reçoivent de nombreuses récompenses internationales de prestige dont le *Record Academy Award* pour l'intégrale des symphonies de Prokofiev avec l'Orchestre symphonique de Londres, et le *Prix de l'Académie du disque lyrique* pour ses enregistrements d'opéras russes.

Waleri Gergiew

Waleri Gergiew, einer der herausragenden Dirigenten unserer Zeit, ist künstlerischer Leiter und Generaldirektor des Mariinski-Theaters. Neben dieser Tätigkeit arbeitet er zudem mit dem World Orchestra for Peace, den Wiener Philharmonikern, den Berliner Philharmonikern, dem London Symphony Orchestra, dem Orchestre nationale de France, dem Rundfunkorchester Schweden sowie der Philharmonie Rotterdam. Er gründete und organisiert berühmte Musikfestspiele wie etwa das Festival in Mikkeli (Finnland), das Gergiev-Festival in Rotterdam (Niederlande), Stars der weißen Nächte (St. Petersburg) und das Moskauer Oster-Festival.

Mit seinem jahrelangen Einsatz für das Mariinski verfolgt der Maestro das Ziel, das Theater zur weltweit führenden Oper aufzubauen, das gleichberechtigt neben der Metropolitan, Covent Garden, dem Teatro Carlo Felice, der San Francisco Opera, der New Israeli Opera und dem Théâtre du Châtelet stehen kann. Unter Gergiew sind das Mariinski-Orchester und das Ensemble in über fünfzig Ländern in der Alten und der Neuen Welt aufgetreten, von Japan und China bis zu den USA.

Waleri Gergiew steht auch wegen seines Einsatzes für humanitäre Ideale in hohem Ansehen. So veranstaltete er eine Reihe von weltweiten Benefizkonzerten mit dem Namen *Beslan: Music for Life*, die in New York, Paris, London, Tokio, Rom und Moskau stattfanden. Im August 2008 leitete er vor dem zerstörten Regierungsgebäude in Südossetien ein Requiemkonzert.

Gergiev ist überdies bekannt wegen der Bandbreite seiner Einspielungen, für die er zahlreiche renommierte internationale Auszeichnungen erhalten hat, allen voran den *Record Academy Award* für seine Aufnahme des Zyklus der Prokofjew-Sinfonien mit dem London Symphony Orchestra sowie den Preis der *Académie du disque lyrique* für seine Einspielungen russischer Opern.

Владислав Сулимский (баритон) с 2004 года является солистом Мариинского театра. Среди партий, исполняемых на сцене Мариинского театра: Евгений Онегин («Евгений Онегин»), Елецкий («Пиковая дама»), Ковалев («Нос»), Алеша («Братья Карамазовы»), Генри Эштон («Людия ди Ламмермур»), Жорж Жермон («Травиата»), Джанни Скикки («Джанни Скикки»), Шапрелес («Чио-Чио-сан»), Эней («Дидона и Эней»). Владислав Сулимский выступал в концертных программах с Ларисой Гергиевой в Париже, Лондоне, Бостоне, Бомбее, Риме и Хельсинки. В составе труппы Мариинского театра гастролировал в США, Японии, Англии, Финляндии и Франции. Певец является лауреатом ряда международных конкурсов.

Vladislav Sulimsky (baritone) has been a soloist with the Mariinsky Theatre since 2004. Some of the roles he has interpreted at the Mariinsky are: Onegin (*Eugene Onegin*), Prince Yeletsy (*The Queen of Spades*), Kovalev (*The Nose*), Alyosha (*The Brothers Karamazov*), Lord Henry Ashton (*Lucia di Lammermoor*), Giorgio Germont (*La Traviata*), Gianni Schicchi (*Gianni Schicchi*), Sharpless (*Madame Butterfly*), and Aeneas (*Dido and Aeneas*). Sulimsky has performed in concerts with Larissa Gergieva in Paris, London, Boston, Bombay, Rome and Helsinki and he has toured with the Mariinsky Opera Company in the United States, Japan, Britain, Finland and France. He has been a prize-winner in many international competitions.

Vladislav Soulimski (baryton) est soliste au Théâtre Mariinski depuis 2004. Il y campe, entre autres rôles, Onéguine (*Eugène Onéguine*), le prince Eletsy (*La Pique Dame*), Kovalev (*Le Nez*), Aliosha (*Les Frères Karamazov*), Lord Henry Ashton (*Lucie de Lammermoor*), Giorgio Germont (*La Traviata*), Gianni Schicchi (*Gianni Schicchi*), Sharpless (*Madame Butterfly*) et Énée (*Didon et Énée*). Soulimsky se produit en concert aux côtés de Larissa Gergieva à Paris, Londres, Boston, Bombay, Rome et Helsinki, ainsi qu'en tournée avec la troupe du Théâtre Mariinski aux États-Unis, au Japon, au Royaume-Uni, en Finlande et en France. Il est lauréat de nombreux concours internationaux.

Wladislaw Sulimski (Bariton) ist seit 2004 als Solist am Mariinski-Theater. Zu den Rollen, die er an dem Haus dargeboten hat, gehören Onegin (*Eugene Onegin*), Fürst Jeletzki (*Pique Dame*), Kowaljow (*Die Nase*), Aljoscha (*Die Brüder Karamasow*), Lord Henry Ashton (*Lucia di Lammermoor*), Giorgio Germont (*La Traviata*), Gianni Schicchi (*Gianni Schicchi*), Sharpless (*Madame Butterfly*) und Aeneas (*Dido and Aeneas*). Zudem gab Sulimski mit Larissa Gergiewa Konzerte in Paris, London, Boston, Bombay, Rom und Helsinki und reiste mit der Operntuppe des Mariinski in die Vereinigten Staaten, nach Japan, Großbritannien, Finnland und Frankreich. Er hat bei zahlreichen internationalen Wettbewerben Preise gewonnen.

Алексей Таноуицкий (бас) с 1999 года выступает на сцене Мариинского театра. Среди исполняемых в театре партий: Борис Годунов, Варлаам («Борис Годунов»), Инквизитор («Братья Карамазовы»), Раймонд («Людия ди Ламмермур»), Зарастро («Волшебная флейта»), Далад («Летучий голландец»), Вотан («Золото Рейна», «Валькирия», «Зигфрид»), Хаген («Гибель богов»), Титурель («Парсифаль») и многие другие. В составе оперной труппы Мариинского театра певец выступал на сцене Королевского оперного театра Ковент-Гарден (Лондон), Ла Скала (Милан), Театра Шатле, Опера Бастиль (Париж), Театро Реал (Мадрид), принимал участие в Зальцбургском фестивале. Певец является лауреатом ряда международных конкурсов.

Alexei Tanovitski (bass) has performed at the Mariinsky Theatre since 1999. He has appeared in the roles of Boris Godunov and Varlaam (*Boris Godunov*), the Grand Inquisitor (*The Brothers Karamazov*), Raimondo (*Lucia di Lammermoor*), Sarastro (*The Magic Flute*), Daland (*The Flying Dutchman*), Wotan (*Das Rheingold*, *Die Walküre*, *Siegfried*), Hagen (*Götterdämmerung*), Titurel (*Parsifal*) and many others. On tour with the Mariinsky's Opera Company, he has sung at Covent Garden (London), La Scala (Milan), Théâtre du Châtelet, Opéra Bastille (Paris) and Teatro Real (Madrid), and has also performed at the Salzburg Festival. Tanovitski has won many prizes in international competitions.

Alexei Tanovitski (basse) rejoint le Théâtre Mariinski en 1999. Il y interprète de nombreux rôles, dont Boris Godounov et Varlaam (*Boris Godounov*), le Grand Inquisiteur (*Les Frères Karamazov*), Raimondo (*Lucie de Lammermoor*), Sarastro (*La Flûte enchantée*), Daland (*Le Vaisseau Fantôme*), Wotan (*L'Or du Rhin*, *La Walkyrie*, *Siegfried*), Hagen (*Le Crépuscule des dieux*) et Titurel (*Parsifal*). En tournée avec la troupe du Théâtre Mariinski, il chante au Royal Opera House, Covent Garden à Londres, à La Scala de Milan, au Théâtre du Châtelet, à l'Opéra Bastille, au Teatro Real de Madrid, ainsi qu'au Festival de Salzbourg. Tanovitski est lauréat de nombreux concours internationaux.

Alexei Tanowitzki (Bass) tritt seit 1999 am Mariinski-Theater auf und war bislang in den Rollen des Boris Godunow und des Warlaam (*Boris Godunow*) zu hören, des Großinquisitors (*Die Brüder Karamasow*), Raimondo (*Lucia di Lammermoor*), Sarastro (*Die Zauberflöte*), Daland (*Der fliegende Holländer*), Wotan (*Das Rheingold*, *Die Walküre*, *Siegfried*), Hagen (*Götterdämmerung*), Titurel (*Parsifal*) und vielen anderen. Auf Konzertreise mit der Operntuppe des Mariinski gastierte er in Covent Garden (London), an der Scala (Mailand), dem Théâtre du Châtelet und der Opéra Bastille (Paris) sowie am Teatro Real (Madrid), darüber hinaus trat er bei den Salzburger Festspielen auf die Bühne. Tanowitzki hat bei internationalen Wettbewerben zahlreiche Preise gewonnen.

Татьяна Кравцова (сопрано) с 1987 года является солисткой оперной труппы Мариинского театра. Среди партий, исполняемых на сцене Мариинского театра Людмила («Руслан и Людмила»), Ярославна («Князь Игорь»), Волхова («Садко»), Виолетта («Травиата»), Маргарита («Фауст») и многие другие. С труппой Мариинского театра Татьяна Кравцова выступала на сцене Метрополитен-опера, на Эдинбургском фестивале, гастролировала в Швейцарии, Турции, Греции, Италии, Германии, Испании, Шотландии, США, Израиле, Голландии, Франции, Люксембурге и Финляндии. На оперном фестивале в Равелло исполнила партию Нормы («Норма»). Певица является лауреатом международного конкурса «Молодые оперные певцы» (Пермь, 1993).

Tatiana Kravtsova (soprano) has been a soloist with the Mariinsky Theatre Company since 1987. Her repertoire at the Mariinsky includes the roles of Lyudmila (*Ruslan and Lyudmila*), Yaroslava (*Prince Igor*), Volkhova (*Sadko*), Violetta (*La Traviata*), Marguerite (*Faust*) and many others. Tatiana Kravtsova has appeared with the Mariinsky Theatre Company at the Metropolitan Opera and the Edinburgh Festival, and has toured to Switzerland, Turkey, Greece, Italy, Germany, Spain, Scotland, the USA, Israel, the Netherlands, France, Luxemburg and Finland. At the Ravello Music Festival she sang the part of Norma (*Norma*). Tatiana Kravtsova won the international Young Opera Singers competition in Perm, in 1993.

Tatiana Kravtsova (soprano) est soliste au Théâtre Mariinski depuis 1987. Elle y incarne, en autres, Lioudmila (*Rousslan et Lioudmila*), Jaroslavna (*Le Prince Igor*), Volkhova (*Sadko*), Violetta (*La Traviata*), Marguerite (*Faust*). Elle se produit avec la troupe au Metropolitan Opera et au Festival d'Édimbourg, et participe à ses tournées en Suisse, en Turquie, en Grèce, en Italie, en Allemagne, en Espagne, en Écosse, aux États-Unis, en Israël, aux Pays-Bas, en France, au Luxembourg et en Finlande. Elle interprète Norma (*Norma*) au Festival de Ravello et se voit récompensée au Concours international des jeunes chanteurs lyriques de Perm, en 1993.

Tatjana Krawtsova (Sopran) gehört seit 1987 zum Ensemble des Mariinski-Theaters. Zu ihrem dortigen Repertoire zählen die Rollen der Ludmilla (*Ruslan und Ludmilla*), Jaroslavna (*Fürst Igor*), Wolchowa (*Sadko*), Violetta (*La Traviata*), Marguerite (*Faust*) und viele andere. Die Sängerin trat mit dem Mariinski-Theater an der Metropolitan Opera und beim Edinburgh Festival auf und unternahm Konzertreisen in die Schweiz und die Türkei, nach Griechenland, Italien, Deutschland, Spanien, Schottland, die USA, Israel, die Niederlande, Frankreich, Luxemburg und Finnland. Beim Ravello-Festival sang sie den Part der Norma (*Norma*). 1993 gewann Tatjana Krawtsova den internationalen Wettbewerb junger Opernsänger in Perm.

Андрей Попов (тенор) в 2007 году принят в труппу Мариинского театра. На сцене театра он исполняет партии Кашей Бессмертного («Кашей бессмертный»), Труффальдино («Любовь к трем апельсинам»), Князя («Очарованный странник»), Смердякова и Черта («Братья Карамазовы»), Горо («Мадам Баттерфляй»), дон Базилло («Свадьба Фигаро»), Моностаоса («Волшебная флейта»), Миме («Золото Рейна» и «Зигфрид») и многие другие. В составе труппы Мариинского театра певец гастролировал в Лондоне, Нью-Йорке, Вашингтоне, Стокгольме, Пекине, Токио, Хельсинки, Брюсселе, Баден-Бадене, Валенсии, Париже, Тель-Авиве, Эйлате, Лас-Пальмесе, Бирмингеме и Кардиффе.

Andrei Popov (tenor) has been a member of the Mariinsky Theatre Company since 2007. He has appeared in the roles of Kashchei (*Kashchei the Immortal*), Truffaldino (*The Love for Three Oranges*), the Prince (*The Bewitched Pilgrim*), Smerdyakov and the Devil (*The Brothers Karamazov*), Goro (*Madame Butterfly*), Don Basilio (*The Marriage of Figaro*), Monostatos (*The Magic Flute*), Mime (*Rheingold and Siegfried*) and many others. Andrei Popov has toured with the Mariinsky Theatre Company to London, New York, Washington, Stockholm, Beijing, Tokyo, Helsinki, Brussels, Baden-Baden, Valencia, Paris, Tel Aviv, Eilat, Las Palmas, Birmingham and Cardiff.

Andrei Popov (ténor) rejoint la troupe du Théâtre Mariinski en 2007. Il interprète, entre autres, Katcheï (*Katcheï l'Immortel*), Truffaldino (*L'Amour des Trois Oranges*), le Prince (*Le Pèlerin ensorcelé*), Smerdiakov et le Diable (*Les Frères Karamazov*), Goro (*Madame Butterfly*), Don Basilio (*Le Mariage de Figaro*), Monostatos (*La Flûte enchantée*) et Mime (*L'Or du Rhin et Siegfried*). Il se produit en tournée avec la troupe du Théâtre Mariinski à Londres, New York, Washington, Stockholm, Pékin, Tokyo, Helsinki, Bruxelles, Baden-Baden, Valence, Paris, Tel Aviv, Eilat, Las Palmas, Birmingham et Cardiff.

Andrei Popow (Tenor) gehört seit 2007 zum Ensemble des Mariinski-Theaters. Er hat zahlreiche Rollen interpretiert, etwa den Unsterblichen Kaschtschei (*Der unsterbliche Kaschtschei/Kashchei Bessmertnyj*), Truffaldino (*Die Liebe zu den drei Orangen*), der Prinz (*Der verzauberte Pilger*), Smerdjakow und der Teufel (*Die Brüder Karamasow*), Goro (*Madame Butterfly*), Don Basilio (*Die Hochzeit des Figaro*), Monostatos (*Die Zauberflöte*), Mime (*Rheingold und Siegfried*) und viele andere. Der Sänger unternahm mit dem Ensemble des Mariinski-Theaters Konzertreisen nach London, New York, Washington, Stockholm, Beijing, Tokio, Helsinki, Brüssel, Baden-Baden, Valencia, Paris, Tel Aviv, Eilat, Las Palmas, Birmingham und Cardiff.

Сергей Семишкур (тенор) с 2007 года является солистом Мариинского театра. Среди исполняемых партий: Владимир («Князь Игорь»), Ленский («Евгений Онегин»), Лыков («Царская невеста»), Гвидон («Сказка о царе Салтане»), Нос («Нос»), Эдгар и Артур Беклоу («Лючия ди Ламмермур»), Герцог («Риголетто»), Рудольф («Богема»), Эдريس («Король Рогер») и многие другие. Принимал участие в концертных турне Мариинского театра, а также гастролировал в Испании, Франции, Швеции, Швейцарии, Польше, Финляндии, Люксембурге, Англии, Австрии, США и Израиле. Лауреат ряда международных конкурсов.

Sergei Semishkur (tenor) has been a soloist with the Mariinsky Theatre since 2007. He has sung the roles of Vladimir (*Prince Igor*), Lensky (*Eugene Onegin*), Lykov (*The Tsar's Bride*), Guidon (*The Tale of Tsar Saltan*), the Nose (*The Nose*), Edgardo and Arturo (*Lucia di Lammermoor*), the Duke (*Rigoletto*), Rodolfo (*La Bohème*) Edrisi (*Król Roger*) and many others. He has taken part in Mariinsky Theatre concert tours and has toured to Spain, France, Sweden, Switzerland, Poland, Finland, Luxembourg, the UK, Austria, the USA and Israel. He has been a prize-winner in international competitions.

Sergueï Semishkur (ténor) est soliste au Théâtre Mariinski depuis 2007. Il y incarne, entre autres rôles, Vladimir (*Le Prince Igor*), Lenski (*Eugène Onéguine*), Likov (*La Fiancée du tsar*), Guidon (*Le Conte du tsar Saltan*), le Nez (*Le Nez*), Edgardo et Arturo (*Lucia di Lammermoor*), le Duc (*Rigoletto*), Rodolfo (*La Bohème*) et Edrisi (*Le Roi Roger*). Il participe aux tournées de concerts de la troupe du Théâtre Mariinski en Espagne, en France, en Suède, en Suisse, en Pologne, en Finlande, au Luxembourg, au Royaume-Uni, en Autriche, aux États-Unis et en Israël. Il est lauréat de concours de chant internationaux.

Sergei Semishkur (Tenor) ist seit 2007 Solist beim Mariinski-Theater. Er sang die Rollen von Wladimir (*Fürst Igor*), Lenski (*Eugene Onegin*), Lykow (*Die Braut des Zaren*), Guidon (*Das Märchen vom Zaren Saltan*), der Nase (*Die Nase*), Edgardo und Arturo (*Lucia di Lammermoor*), des Herzogs (*Rigoletto*), Rodolfo (*La Bohème*), Edrisi (*Król Roger*) und viele andere. Zudem hat er mit dem Mariinski-Theater mehrere Konzertreisen unternommen, unter anderem nach Spanien, Frankreich, Schweden, in die Schweiz, Polen, Finnland, Luxemburg, Großbritannien, Österreich, die USA und Israel. Er war Preisträger bei verschiedenen internationalen Wettbewerben.

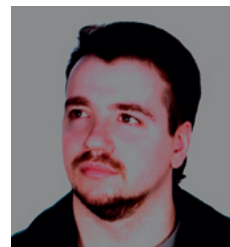

Геннадий Беззубенков (бас) — один из лучших современных оперных певцов. На сцене Мариинского театра им исполнено свыше шестидесяти партий, среди которых ведущие роли русского и зарубежного оперного репертуара. Особенное признание получили его интерпретации партий Ивана Сусанина («Жизнь за царя»), Досифей («Хованщина»), Варлаама («Борис Годунов»), Зосимы («Братья Карамазовы»), короля Марка («Тристан и Изольда»). Как приглашенный солист Геннадий Беззубенков выступал на сценах Королевского оперного театра Ковент-Гарден, театра Ла Фениче, театра Ла Скала, Метрополитен-опера, Римского оперного театра и Лос-Анджелесского оперного театра; принимал участие в оперных фестивалях в Эдинбурге и Савонлинне.

Gennady Bezzubenko (bass) is one of the top contemporary opera singers. He has performed in over 60 roles on the Mariinsky stage, including leading parts in Russian and foreign operas. He is best known for his interpretation of Ivan Susanin (*A Life for the Tsar*), Dosifey (*Khovanshchina*), Varlaam (*Boris Godunov*), Zosima (*The Brothers Karamazov*) and King Marke (*Tristan und Isolde*). He has appeared as a guest soloist at the Royal Opera House, Covent Garden (London), La Fenice (Venice), La Scala (Milan), the Metropolitan Opera, the Rome Opera House and the Los Angeles Opera House. He has also taken part in opera festivals in Edinburgh, and Savonlinna in Finland.

Guennadi Bezzoubenko (basse) est l'un des plus grands artistes lyriques actuels. Il interprète plus de 60 personnages d'opéra sur la scène du Mariinski, dont nombre de rôles importants du répertoire russe ou autres. Il est surtout connu pour ses prestations en Ivan Susanine (*Une vie pour le tsar*), Dositheus (*La Khovantchina*), Varlaam (*Boris Godounov*), Zosima (*Les Frères Karamazov*) et Marc (*Tristan et Isolde*). Il se produit en soliste à l'invitation du Royal Opera House, Covent Garden, de La Fenice, de La Scala, du Metropolitan Opera, de l'Opéra de Rome et de celui de Los Angeles. Il participe également à des festivals d'art lyrique à Édimbourg et à Savonlinna en Finlande.

Gennady Bezzubenkow (Bass) ist einer der führenden Opernsänger unserer Zeit. Auf der Bühne des Mariinski war er in über sechzig Rollen zu hören, einschließlich vielen Hauptrollen russischer und ausländischer Werke. Am bekanntesten ist er aufgrund seiner Interpretation von Iwan Sussanin (*Ein Leben für den Zaren*), Dosifei (*Chowantschina*), Warlaam (*Boris Godunow*), Sosima (*Die Brüder Karamasov*) und König Marke (*Tristan und Isolde*). Gastsolist war er am Royal Opera House in Covent Garden, an La Fenice, der Scala, der Metropolitan Opera, der Oper in Rom sowie am Los Angeles Opera House. Zudem gastierte er bei Opernfestspielen in Edinburgh, und Savonlinna in Finnland.

Вадим Кравец (бас) с 2000 года выступает на сцене Мариинского театра, исполняя партии Руслана («Руслан и Людмила»), Алеко («Алеко», концертное исполнение), Раймонда («Лючия ди Ламмермур»), дон Паскуале («Дон Паскуале»), Рамфиса («Аида»), Эскамильо («Кармен»), Фигаро («Свадьба Фигаро»), Дон Жуана («Дон Жуан»), Голландца («Летучий голландец»), Фазольта («Золото Рейна»), Ореста («Электра») и многие другие. Певец активно гастролирует в составе оперной труппы Мариинского театра, является лауреатом ряда международных конкурсов.

Vadim Kravets (bass) has performed at the Mariinsky Theatre since 2000, in the roles of Ruslan (*Ruslan and Lyudmila*), Aleko (*Aleko* in concert), Raimondo (*Lucia di Lammermoor*), Don Pasquale (*Don Pasquale*), Ramfis (*Aida*), Escamillo (*Carmen*), Figaro (*The Marriage of Figaro*), Don Juan (*Don Juan*), the Dutchman (*The Flying Dutchman*), Fasolt (*Das Rheingold*), Orest (*Elektra*) and many others. The singer has toured extensively with the Mariinsky Theatre Company and has been a prize-winner in international competitions.

Vadim Kravets (basse) rejoint le Théâtre Mariinski en 2000, où il interprète notamment Rousslan (*Rousslan et Lioudmila*), Aleko (*Aleko* en concert), Raimondo (*Lucie de Lammermoor*), Don Pasquale (*Don Pasquale*), Ramphis (*Aida*), Escamillo (*Carmen*), Figaro (*Le Mariage de Figaro*), Don Juan (*Don Juan*), Daland (*Le Vaisseau fantôme*), Fasolt (*L'Or du Rhin*), Oreste (*Elektra*). Il se produit fréquemment en tournée avec la troupe du Théâtre Mariinski et remporte divers concours internationaux.

Wadim Krawets (Bass) tritt seit 2000 im Mariinski-Theater auf, und zwar unter anderem in den Rollen des Ruslan (*Ruslan und Ludmilla*), Aleko (konzertante Aufführung von Aleko), Raimondo (*Lucia di Lammermoor*), Don Pasquale (*Don Pasquale*), Ramfis (*Aida*), Escamillo (*Carmen*), Figaro (*Die Hochzeit des Figaro*), Don Juan (*Don Juan*), Holländer (*Der fliegende Holländer*), Fasolt (*Das Rheingold*) und Orest (*Elektra*). Der Sänger hat mit dem Ensemble des Mariinski zahlreiche Tourneen unternommen und wurde bei verschiedenen internationalen Wettbewerben mit Preisen ausgezeichnet.

Сергей Скороходов (тенор) с 2007 года входит в состав оперной труппы Мариинского театра. Среди партий, исполняемых на сцене Мариинского театра: Баян («Руслан и Людмила»), Самозванец («Борис Годунов»), Вакула («Ночь перед Рождеством»), Эдгар («Лючия ди Ламмермур»), Макдугф («Макбет»), Эрик («Летучий голландец»), Пастух («Король Рогер») и многие другие. С оперной труппой Мариинского театра Сергей Скороходов выступал на сценах Концертгебау (Амстердам), Барбикан-холла, Колизеума (Лондон), Королевского оперного театра Стокгольма, Кеннеди-центра (Вашингтон); принимал участие в Фестивале Красного моря в Эйлате (Израиль) и фестивале в Миккели (Финляндия).

Sergey Skorokhodov (tenor) joined the Mariinsky Theatre Company in 2007. Some of the roles he has performed at the Mariinsky are Bayan (*Ruslan and Lyudmila*), the Pretender (*Boris Godunov*), Vakula (*Christmas Eve*), Edgar (*Lucia di Lammermoor*), Macduff (*Macbeth*), Erik (*The Flying Dutchman*) and the Shepherd (*Król Roger*). Skorokhodov has appeared with the Mariinsky's Opera Company at the Concertgebouw (Amsterdam), Barbican Hall and Coliseum (London), Royal Opera (Stockholm) and the Kennedy Centre (Washington) and has taken part in the Red Sea Festival in Eilat (Israel) and the Mikkeli Music Festival (Finland).

Sergueï Skorokhodov (ténor) rejoint la troupe du Théâtre Mariinski en 2007. Il y interprète Bayan (*Rousslan et Lioudmila*), le Prétendant (*Boris Godounov*), Vakoula (*Les Souliers de la reine*), Edgar (*Lucie de Lammermoor*), Macduff (*Macbeth*), Erik (*Le Vaisseau fantôme*) et le Berger (*Le Roi Roger*). Il se produit avec la troupe du Théâtre Mariinski au Concertgebouw (Amsterdam), au Barbican Hall et au Coliseum (Londres), au Royal Opera (Stockholm) et au Kennedy Centre (Washington) ; il participe également au Festival de la Mer rouge (Eilat, Israël) et au Festival de Mikkeli (Finlande).

Sergei Skorokhodov (Tenor) ist seit 2007 Ensemblemitglied des Mariinski-Theaters. Zu den Rollen, in denen er dort zu hören war, zählen Bayan (*Ruslan und Ludmilla*), der Prätendent (*Boris Godunow*), Wakula (*Die Nacht vor Weihnachten*), Edgar (*Lucia di Lammermoor*), Macduff (*Macbeth*), Erik (*Der fliegende Holländer*) und der Hirte (*Król Roger*). Mit der Operntuppe des Mariinski gastierte Skorokhodov überdies im Concertgebouw (Amsterdam), in der Barbican Hall und im Coliseum (London), in der Königlichen Oper (Stockholm) und im Kennedy Center (Washington). Zudem war er beim Red Sea Festival in Eilat (Israel) zu Gast sowie beim Mikkeli Musik-Festival (Finnland).

Евгений Страшко (тенор) в 1995 году принят в труппу Мариинского театра. Среди партий, исполняемых на сцене Мариинского театра: Самозванец («Борис Годунов»), Владимир Игоревич («Князь Игорь»), Лыков («Царская невеста»), Ленский («Евгений Онегин»), Герман («Пиковая дама»), Сергей («Леди Макбет Мценского уезда»), Эдгар («Лючия ди Ламмермур»), Альфред («Травиата»), Торквемада («Испанский час») и многие другие. В составе труппы Мариинского театра Евгений Страшко выступал на сцене Королевского оперного театра Ковент-Гарден, Ла Скала, Шанхайского оперного театра; гастролировал в Финляндии, Великобритании, Франции, Японии, Израиле, Голландии, США. Певец является лауреатом ряда международных конкурсов.

Yevgeny Strashko (tenor) has been with the Mariinsky Theatre Company since 1995. He has performed in many roles at the Mariinsky, including: the Pretender (*Boris Godunov*), Vladimir Igorevich (*Prince Igor*), Lykov (*The Tsar's Bride*), Lensky (*Eugene Oegin*), Hermann (*The Queen of Spades*), Sergei (*Lady Macbeth of Mtsensk*), Edgar (*Lucia di Lammermoor*), Alfredo (*La Traviata*) and Torquemada (*L'Heure Espagnole*). As a member of the Mariinsky Theatre Company, Strashko has appeared at the Royal Opera House, Covent Garden, La Scala and the Shanghai Opera Theatre, and has toured to Finland, Great Britain, France, Japan, Israel, The Netherlands, and the USA. The singer has been a prize-winner in many international competitions.

Evgeni Strashko (ténor) est membre de la troupe du Théâtre Mariinski depuis 1995. Il s'y voit confier de nombreux rôles : le Prétendant (*Boris Godounov*), Vladimir Igorevitch (*Le Prince Igor*), Likov (*La Fiancée du tsar*), Lenski (*Eugène Onéguine*), Hermann (*La Dame de pique*), Sergueï (*Lady Macbeth de Mtsensk*), Edgar (*Lucie de Lammermoor*), Alfredo (*La Traviata*) et Torquemada (*L'Heure espagnole*). Il se produit avec la troupe du Théâtre Mariinski au Royal Opera House, Covent Garden, à La Scala et à l'Opéra de Shanghai, ainsi qu'en tournée en Finlande, au Royaume-Uni, en France, au Japon, en Israël, aux Pays-Bas et aux États-Unis. Il est lauréat de nombreux concours internationaux.

Jewgeni Strashcko (Tenor) gehört seit 1995 zum Ensemble des Mariinski-Theaters und hat dort zahlreiche Rollen interpretiert, unter anderem den Prätendenten (*Boris Godunow*), Wladimir Igorewitsch (*Fürst Igor*), Lykow (*Die Braut des Zaren*), Lenski (*Eugene Oegin*), Hermann (*Pique Dame*), Sergei (*Lady Macbeth aus Mzensk*), Edgar (*Lucia di Lammermoor*), Alfredo (*La Traviata*) und Torquemada (*L'Heure Espagnole*). Als Mitglied des Mariinski-Ensembles trat Strashcko am Royal Opera House in Covent Garden auf, an der Scala sowie an der Oper von Shanghai und gastierte in Finnland, Großbritannien, Frankreich, Japan, Israel, den Niederlanden und den USA. Er wurde bei vielen internationalen Wettbewerben mit Preisen ausgezeichnet.

Елена Витман (меццо-сопрано) с 1996 года является солисткой Мариинского театра, на сцене которого исполнила свыше тридцати партий. Среди них партии Любви («Мазепа»), Ольги («Евгений Онегин»), Полины и Графини («Пиковая дама»), Эрды («Золото Рейна»), Клитемнестры («Электра»), Зибелы («Фауст») и многие другие. В составе труппы Мариинского театра Елена Витман гастролировала в Великобритании (Ковент-Гарден, Барбикан-центр), Испании (театр Реал), Германии (Баден-Баден), Израиле, Японии и США (Кеннеди-центр). Певица является лауреатом ряда международных конкурсов, активно выступает с камерными программами в Санкт-Петербурге, а также в Германии.

Elena Vitman (mezzo-soprano) is a soloist with the Mariinsky Theatre, where she has performed in over 30 roles, including Lyubov (*Mazeppa*), Olga (*Eugene Oegin*), Polina and the Countess (*The Queen of Spades*), Erda (*Das Rheingold*), Clytemnestra (*Elektra*), and Siebel (*Faust*). Vitman has toured with the Mariinsky in Great Britain (Covent Garden and the Barbican), Spain (Teatro Real), Germany (Baden-Baden), Israel, Japan and the United States (Kennedy Center). She has been a prize-winner in a number of competitions and often performs in chamber programmes in St Petersburg and Germany.

Elena Vitman (mezzo-soprano) est soliste au Théâtre Mariinski, où elle interprète plus d'une trentaine de rôles, notamment Liubov (*Mazeppa*), Olga (*Eugène Onéguine*), Pauline et la comtesse (*La Pique Dame*), Erda (*L'Or du Rhin*), Clytemnestre (*Elektra*) et Siebel (*Faust*). En tournée avec la troupe du Théâtre Mariinski, elle se produit au Royaume-Uni (Covent Garden et Barbican), en Espagne (Teatro Real), en Allemagne (Baden-Baden), en Israël, au Japon et aux États-Unis (Kennedy Center). Lauréate de plusieurs concours de chant, elle participe souvent à des concerts de musique de chambre à Saint-Petersbourg et en Allemagne.

Jelena Witman (Mezzosopran) ist Solistin am Mariinski-Theater, wo sie in über dreißig Rollen aufgetreten ist, darunter Ljubow (*Mazeppa*), Olga (*Eugene Oegin*), Pauline und die Gräfin in (*Pique Dame*), Erda (*Das Rheingold*), Klytämnestra (*Elektra*) und Siebel (*Faust*). Mit dem Mariinski gastierte die Sängerin in England (Covent Garden und Barbican), Spanien (Teatro Real), Deutschland (Baden-Baden), Israel, Japan und den Vereinigten Staaten (Kennedy Center). Sie hat bei einer Reihe von Wettbewerben Preise gewonnen und tritt häufig bei Kammermusikabenden in St. Petersburg und Deutschland auf.

Жанна Домбровская (сопрано) с 2003 года входит в состав оперной труппы Мариинского театра. Среди партий, исполняемых на мариинской сцене: Антониды («Жизнь за царя»), Людмила («Руслан и Людмила»), Волхова («Садко»), Оксана («Ночь перед Рождеством»), Лючия («Лючия ди Ламмермур»), Джильда («Риголетто»), Электра («Идоменей») и многие другие. Певица выступала на сценах Метрополитен-опера (Нью-Йорк), Большого зала филармонии в Мадриде, Большого театра России; гастролировала в Риме, Баден-Бадене и других городах Германии, Южной Кореи, Италии, Японии, Кореи и Швейцарии. Широко гастролировала с сольными концертами по России.

Zhanna Dombrovskaya (soprano) has been with the Mariinsky Theatre Company since 2003. Some of the many roles she has sung at the Mariinsky are Antonida (*A Life for the Tsar*), Lyudmila (*Ruslan and Lyudmila*), Volkhova (*Sadko*), Oksana (*Christmas Eve*), Lucia (*Lucia di Lammermoor*), Gilda (*Rigoletto*) and Electra (*Idomeneo*). She has appeared at the Metropolitan Opera (New York), the Auditorio Nacional (Madrid) and the Bolshoi (Moscow), and has toured to Rome, Baden-Baden and other cities in Germany, South Korea, Italy, Japan, and Switzerland. She has toured extensively as a solo artist in Russia.

Zhanna Dombrovskaya (soprano) rejoint la troupe du Théâtre Mariinski en 2003. Elle y interprète notamment Antonida (*Une vie pour le tsar*), Lioudmila (*Rousslan et Lioudmila*), Volkhova (*Sadko*), Oksana (*Les Souliers de la reine*), Lucia (*Lucia de Lammermoor*), Gilda (*Rigoletto*) et Electra (*Idomeneo*). Elle se produit au Metropolitan Opera (New York), à l'Auditorio Nacional (Madrid) et au Bolshoi (Moscou), ainsi qu'en tournée à Rome, à Baden-Baden et autres villes d'Allemagne, en Corée du Sud, en Italie, au Japon, et en Suisse. Elle donne également de nombreux récitals en Russie.

Schanna Dombrowskaja (Sopran) gehört seit 2003 zum Ensemble des Mariinski-Theaters. Zu den vielen Rollen, die sie dort gesungen hat, zählen Antonida (*Ein Leben für den Zaren*), Ludmilla (*Ruslan und Ludmilla*), Wolchowa (*Sadko*), Oksana (*Die Nacht vor Weihnachten*), Lucia (*Lucia di Lammermoor*), Gilda (*Rigoletto*) und Elektra (*Idomeneo*). Die Sopranistin gastierte an der Metropolitan Opera (New York), im Auditorio Nacional (Madrid) und im Bolschoi (Moskau) und stand bei Konzertreisen in Rom und Baden-Baden auf der Bühne sowie in anderen Städten in Deutschland, Südkorea, Italien, Japan und der Schweiz. Als Solistin hat sie überdies ausgedehnte Tourneen durch Russland unternommen.

МАРИИНСКИЙ ТЕАТР

Мариинский театр – один из старейших театров России. История его создания ведёт своё начало от указа Екатерины Великой 1783 года об утверждении театрального комитета для управления «зрелищами и музыкой». За время своего существования он сменил несколько названий (Большой театр, Мариинский театр, ГАТОБ, Кировский театр и вновь – Мариинский), сохраняя сценические традиции и преемственность репертуара на протяжении более чем двух столетий. Труппе театра принадлежит честь первого исполнения таких опер, как «Сила судьбы» Дж. Верди, «Князь Игорь» А. Бородин, «Борис Годунов» М. Мусоргского, «Псковитянка» Н. Римского-Корсакова, «Пиковая дама» П. Чайковского. В начале XX века Мариинский театр открыл для российской публики вершинное произведение Р. Вагнера — тетралогия «Кольцо нибелунга». И сегодня это единственный театр России, в репертуаре которого представлена вся тетралогия, исполняющаяся на языке оригинала. На Мариинской сцене состоялись мировые премьеры легендарных балетов Пети́па: «Спящая красавица», «Шелкунчик», «Баядерка», «Раймонда». Именно здесь началась всемирная слава, пожалуй, самого знаменитого русского балета – «Лебединого озера». Всё это «золотое» балетное наследие сохраняется в репертуаре Мариинского театра по сей день. Всего же в репертуаре театра в настоящее время более 80 опер русских и европейских композиторов (от «Жизни за царя» М. Глинка, мировая премьера которого состоялась на сцене тогда ещё Большого театра в 1836 году до «Братьев Карамазовых» А. Сметкова, мировая премьера которых прошла в Мариинском театре в 2008 году) и 59 балетов (от балетов М. Пети́па до балетов Дж. Балanchina, У. Форсайта и Дж. Ноймайера).

THE MARIINSKY THEATRE

The Mariinsky Theatre is one of the oldest theatres in Russia. Its story starts in 1783, when Catherine the Great issued a *ukase* (imperial decree) approving a committee for the direction of 'spectacles and music'. While the theatre's company may have changed its name several times during its history (the Bolshoi Kammeny, the Mariinsky, the GATOV – the State Academic Theatre of Opera and Ballet, the Kirov and, once again, the Mariinsky), it has maintained its theatrical traditions and continuity of repertoire over a span of over two centuries. The Mariinsky has had the honour of staging the first production of major operas like Verdi's *La Forza del Destino*, Borodin's *Prince Igor*, Mussorgsky's *Boris Godunov*, Rimsky-Korsakov's *The Maid of Pskov* and Tchaikovsky's *The Queen of Spades*. At the beginning of the 20th century the Mariinsky offered the Russian public a supreme production: the four music-dramas of Wagner's *The Ring of the Nibelung*. It is still the only theatre in Russia which has staged the entire cycle in the language of the original. The stage of the Mariinsky Theatre has seen the world premieres of Petipa's legendary ballets: *Sleeping Beauty*, *The Nutcracker*, *La Bayadère*, *Raymonda*. And it was here that what is perhaps the best known Russian ballet, *Swan Lake*, was launched to world fame. All this 'heritage of gold' has been preserved in the Mariinsky. The company's repertoire currently includes over 80 operas by Russian and western European composers, ranging from Glinka's *A Life for the Tsar* which Bolshoi Kammeny, as the company was called at the time premiered in 1836, to the first ever performance of Smelkov's *The Brothers Karamazov* in 2008 at the (renamed) Mariinsky. The theatre is also home to 59 ballets, from Petipa and Balanchine to Forsythe and Neumeier.

LE THÉÂTRE MARIINSKI

Le Théâtre Mariinski est l'un des théâtres les plus anciens de Russie. Son histoire remonte à 1783, année où la Grande Catherine approuve par *ukase* (décret impérial) la création d'un comité chargé « des spectacles et de la musique ». Bien que la troupe ait changé plusieurs fois de nom au cours de sa longue histoire – Bolshoi Kammeni, Mariinski, GATOV (Académie nationale d'art lyrique et de danse), Kirov et, à nouveau, Mariinski – elle n'en a pas moins perpétué ses traditions théâtrales et son répertoire. Ainsi c'est à elle que revient l'honneur d'avoir créé *La Force du destin* de Verdi, *Le Prince Igor* de Borodine, *Boris Godounov* de Moussorgski, *La Jeune Fille de Pskov* de Rimski-Korsakov et *La Dame de pique* de Tchaïkovski. Au début du vingtième siècle, le Mariinski monte également *La Tétralogie*, production absolument exceptionnelle puisque c'est le seul opéra de Russie qui ait, à ce jour, mis en scène l'intégrale du chef-d'œuvre de Wagner dans la langue de l'original. C'est sur la scène du Mariinski que Petipa crée ses chorégraphies légendaires : *La Belle au bois dormant*, *Casse-Noisette*, *La Bayadère*, *Raymonda*. C'est également ici que le ballet russe le plus célèbre au monde, *Le Lac des cygnes*, a vu le jour. L'ensemble de ce précieux patrimoine continue à être perpétué par la troupe du théâtre Mariinski, qui compte actuellement à son répertoire plus de 80 œuvres lyriques de compositeurs russes ou d'Europe occidentale – *d'Une vie pour le tsar* de Glinka créée au Théâtre Bolshoi Kammeni aux *Frères Karamazov* de Smelkov lancé en 2008 sur la scène du Mariinski actuel – ainsi que 59 chorégraphies – de Petipa et Balanchine à Forsythe et Neumeier.

DAS MARIINSKI-THEATER

Das Mariinski-Theater ist eines der ältesten Häuser Russlands. Seine Geschichte begann 1783, als Katharina die Große einen *ukas* erließ, eine kaiserliche Anordnung, und ein Komitee für die Leitung von „Inszenierungen und Musik“ billigte. Seitdem hat die Truppe zwar häufiger den Namen gewechselt (Bolshoi-Kammeny, Mariinski, GATOV – Staatliches Akademisches Opern- und Ballettheater –, Kirov und nun wieder Mariinski), ihrer Theatertradition ist sie jedoch über zweihundert Jahre treu geblieben, und ebenso lange hat sie die Kontinuität im Repertoire gewahrt. Das Theater hatte die Ehre, zahlreiche bedeutende Opern zur Uraufführung zu bringen, etwa Verdis *La forza del destino*, Borodins *Fürst Igor*, Mussorgskis *Boris Godunow*, Rimski-Korsakows *Das Mädchen von Pskow* und Tchaikowskis *Pique Dame*. Zu Anfang des 20. Jahrhunderts bot das Mariinski dem russischen Publikum eine wahre Sensation: alle vier Musikdramen von Wagners *Der Ring des Nibelungen*. Kein anderes Haus in Russland hat seitdem den gesamten Zyklus in der Originalsprache dargeboten. Darüber hinaus wurden auf der Bühne des Mariinski-Theaters die Weltpremieren von Petipas legendären Balletten getanzt: *Dornröschen*, *Der Nussknacker*, *La Bayadère*, *Raymonda*. Und von hier aus trat das wohl berühmteste russische Ballett aller Zeiten zu seinem Siegeszug um die Welt an: *Schwanensee*. Dieses gesamte „goldene Vermächtnis“ wird im Mariinski bewahrt. Zum Repertoire des Ensembles gehören gegenwärtig über achtzig Opern russischer und europäischer Komponisten, von Glinkas *Ein Leben für den Zaren*, das das Bolshoi-Kammeny – wie die Truppe zu der Zeit hieß –, 1836 zur Uraufführung brachte, bis hin zu Smelkows Oper *Die Brüder Karamasow*, die 2008 im (umbenannten) Mariinski Weltpremiere feierte. Und auch 59 Ballette von Petipa und Balanchine bis hin zu Forsythe und Neumeier sind hier zu Hause.

СИМФОНИЧЕСКИЙ ОРКЕСТР МАРИИНСКОГО ТЕАТРА

СИМФОНИЧЕСКИЙ ОРКЕСТР МАРИИНСКОГО ТЕАТРА – один из старейших музыкальных коллективов России. Его история восходит к началу XVIII века, ко времени возникновения придворной инструментальной капеллы. В XIX столетии важнейшую роль в становлении оркестра Мариинского театра сыграла деятельность Э. Направника, возглавлявшего оркестр более полувека. Высокий уровень оркестра не раз отмечали стоявшие за его пультом мировые знаменитости – Г. Берлиоз, Р. Вагнер, Г. фон Бюлов, Г. Малер, А. Никитин и др. В советское время блестящие традиции продолжили такие дирижеры, как В. Дранишников, А. Пазовский, Е. Мравинский, К. Симеонов, Ю. Темirkanov. Оркестру принадлежит честь первого исполнения многих оперных и балетных произведений Чайковского и Прокофьева, опер Глинки, Мусоргского, Римского-Корсакова, балетов Асафьева, Шостаковича, Хачатуряна.

С 1988 года оркестр Мариинского театра возглавляет Валерий Гергиев – музыкант высочайшего класса, ведущий широкую музыкально-общественную деятельность. С приходом maestro Гергиева репертуар оркестра стремительно расширился и составляет все симфонии Прокофьева, Шостаковича, Малера, Бетховена, Реквиемы Моцарта, Верди, Тиченко, произведения Стравинского, Шедрина, Губайдулиной, молодых российских и зарубежных композиторов. Оркестр выступает с симфоническими программами в Европе, Америке, Японии, Австралии. В 2008 году оркестр Мариинского театра под управлением maestro Гергиева вошел в топ-лист 20 лучших оркестров мира, опубликованный в журнале *Gramophone*.

THE ORCHESTRA OF THE MARIINSKY THEATRE

The Orchestra of the Mariinsky Theatre is one of the oldest musical institutions in Russia. It traces its history back to the early 18th century, to the development of the Court Kapelle. In the 19th century, the orchestra flourished under Edouard Napravnik, who was its ruling spirit for over half a century. The excellence of the Orchestra was recognised by the world-class musicians who conducted it including Hector Berlioz, Richard Wagner, Hans von Bülow, Gustav Mahler and Arthur Nikisch. In Soviet times, these dazzling traditions were continued by conductors like Vladimir Dranishnikov, Ariy Pazovsky, Evgeny Mravinsky, Konstantin Simeonov and Yuri Temirkanov. The Orchestra had the honour of playing many premières: operas and ballets by Tchaikovsky and Prokofiev, operas by Glinka, Mussorgsky, Rimsky-Korsakov, and ballets by Asafiev, Shostakovich and Khachaturian.

Since 1988 the Orchestra has been under the baton of Valery Gergiev, a musician of the highest order and an outstanding figure in the music world. Gergiev's arrival at the Mariinsky ushered in a new era of rapid expansion of the Orchestra's repertoire, which now includes all the symphonies of Prokofiev, Shostakovich, Mahler, and Beethoven, the Requiems of Mozart, Verdi, and Tishchenko, and works by Stravinsky, Shchedrin, Gubaidulina, and young Russian and foreign composers. The Orchestra regularly performs symphonic programmes in Europe, America, Japan and Australia. In 2008, The Orchestra of the Mariinsky Theatre, under the leadership of Maestro Gergiev, was ranked in *Gramophone's* Top 20 list of the world's best orchestras.

L'ORCHESTRE SYMPHONIQUE DU THÉÂTRE MARIINSKI

L'Orchestre symphonique du Théâtre Mariinski est une des plus anciennes formations musicales de Russie. Son histoire remonte au XVIIIe siècle et à la naissance de la « chapelle de la cour ». Au XIXe siècle, l'orchestre prospère sous la direction d'Edouard Napravnik, qui en est l'inspirateur pendant plus de cinquante ans. Son excellence est reconnue par les musiciens de renommée mondiale qui se succèdent au pupitre, notamment Hector Berlioz, Richard Wagner, Hans von Bülow, Gustav Mahler et Arthur Nikisch. À l'époque soviétique, cette brillante tradition se poursuit avec des chefs comme Vladimir Dranishnikov, Ariy Pazovsky, Evgeny Mravinsky, Constantin Simeonov et Yuri Temirkanov. C'est à cet orchestre que l'on doit de nombreuses grandes créations : opéras et ballets de Tchaikovsky et de Prokofiev; opéras de Glinka, de Moussorgski et de Rimski-Korsakov; ballets d'Asafiev, de Chostakovitch et de Khatchatourian.

Depuis 1988 l'orchestre est dirigé par Valery Gergiev, musicien hors pair et personnalité exceptionnelle du monde de la musique. Avec l'arrivée de Gergiev au Mariinski, le répertoire de l'orchestre connaît une rapide expansion et inclut désormais l'intégrale des symphonies de Prokofiev, de Chostakovitch, de Mahler et de Beethoven, les requiems de Mozart, de Verdi et de Tichchenko, ainsi que des œuvres de Stravinsky, de Shchedrin, de Gubaidouline et de jeunes compositeurs russes ou autres. L'orchestre donne de nombreux concerts symphoniques en Europe, en Amérique, au Japon et en Australie. L'Orchestre du Théâtre Mariinski sous la direction de Guergiev est classé au Top 20 des meilleurs orchestres du monde par *Gramophone* en 2008.

DAS SINFONIEORCHESTER DES MARIINSKI-THEATERS

Das Sinfonieorchester des Mariinski-Theaters zählt zu den ältesten Musikinstitutionen Russlands. Seine Wurzeln reichen in das frühe 18. Jahrhundert zurück, auf die Herausbildung der Hofkapelle. Im 19. Jahrhundert erlebte das Orchester eine erste Blüte, als Eduard Nápravnik über fünfzig Jahre lang die Geschichte des Ensembles leitete. Die erstklassige Qualität des Orchesters erkannten auch damals führende Musiker an, die bei dem Klangkörper am Pult standen, unter anderem Hector Berlioz, Richard Wagner, Hans von Bülow, Gustav Mahler und Arthur Nikisch. In sowjetischer Zeit setzte sich diese Tradition fort mit Dirigenten wie Wladimir Dranishnikow, Ariy Pasowski, Evgeni Mravinski, Constantin Simeonow und Yuri Temirkanow. Das Orchester hatte die Ehre, zahlreiche Werke zur Uraufführung zu bringen: Opern und Ballette von Tschaikowski und Prokofjew, Opern von Glinka, Mussorgski, Rimski-Korsakow und Ballette von Assafjew, Schostakowitsch und Chatschaturjan.

Seit 1988 steht das Orchester unter der Leitung von Valeri Gergiev, ein Musiker erster Güte und eine herausragende Persönlichkeit der Musikwelt. Mit Gergievs Antritt am Mariinski begann eine neue Phase, in der sich das Repertoire des Orchesters rasch erweiterte. Heute zählen dazu alle Sinfonien von Prokofjew, Schostakowitsch, Mahler und Beethoven, die Requiems von Mozart, Verdi und Tschtschenko sowie Werke von Strawinski, Schtschedrin, Gubaidulina sowie von jungen russischen und ausländischen Komponisten. Das Orchester trat mit sinfonischen Programmen in Europa, Amerika, Japan und Australien auf. 2008 stand das Orchester des Mariinski-Theaters unter Maestro Gergiev auf der *Gramophone*-Liste der zwanzig weltbesten Orchester.

СИМФОНИЧЕСКИЙ ОРКЕСТР МАРИИНСКОГО ТЕАТРА

1-е скрипки

Кирилл Терентьев *концертмейстер*
Елена Бердникова *заместитель концертмейстера*
Михаил Рихтер *заместитель концертмейстера*
Христиан Артамонов *заместитель концертмейстера*
Антон Козьмин *заместитель концертмейстера*
Всеволод Васильев
Борис Васильев
Виктория Какичева

2-е скрипки

Зумрад Илиева *концертмейстер*
Георгий Широков *концертмейстер*
Мария Сафарова *заместитель концертмейстера*
Жанна Абдулаева *заместитель концертмейстера*
Виктория Шчукина *заместитель концертмейстера*
Татьяна Мороз
Елена Хайтова
Сергей Летягин

Альты

Юрий Афонькин *заслуженный артист России, концертмейстер*
Владимир Литвинов *заместитель концертмейстера*
Олег Ларионов *заместитель концертмейстера*
Лина Головина *заместитель концертмейстера*
Карине Барсеян
Алексей Ключев

Виолончели

Олег Сендецкий *заслуженный артист России, концертмейстер*
Александр Пономаренко *заместитель концертмейстера*
Тамара Сакар
Оксана Мороз
Даниил Брыскин

Контрабасы

Кирилл Кариков *заслуженный артист России, концертмейстер*
Владимир Шостак *концертмейстер*
Денис Кашин *заместитель концертмейстера*
Сергей Трафимович

Флейта, альтовая флейта

Денис Лупачев *солист-регулятор*

Флейта-пикколо

Михаил Побединский

Гобой

Сергей Близнцов *заслуженный артист России, солист*

Английский рожок

Илья Ильин *солист*

Кларнет

Иван Столбов *солист-регулятор*

Es-кларнет

Дмитрий Харитонов *солист-регулятор*

Бас-кларнет

Юрий Зюряев *солист*

Фагот

Родион Толмачев *солист*

Контрафагот

Александр Шарыкин *солист*

Валторна

Станислав Авик *солист*

Корнет

Геннадий Никонов *солист*

Труба

Тимур Мартынов *солист-регулятор*

Тромбон

Игорь Яковлев *заслуженный артист России, солист*

Бас-тромбон

Михаил Селиверстов *солист*

Ударные

Андрей Хотин *заслуженный артист России, солист*
Юрий Алексеев *солист-регулятор*
Виктор Иванов
Юрий Мищенко
Владислав Иванов
Игорь Удалов
Евгений Жикалов
Арсений Шупляков
Татьяна Черемухина

Домры малые

Любовь Михайлова
Екатерина Широкова

Домры альтовые

Мария Купцова
Анна Топоркова

Балалайки

Денис Пенюгин
Евгений Желинский

Арфы

Елизавета Александрова *солист-регулятор*
Людмила Рохлина *солист-регулятор*

Рояль

Ольга Охромченко

THE ORCHESTRA OF THE MARIINSKY THEATRE

First Violins

Kirill Terentiev *Concertmaster*
Elena Berdnikova *Associate Concertmaster*
Mikhail Rikhter *Associate Concertmaster*
Khristian Artamonov *Associate Concertmaster*
Anton Kozmin *Associate Concertmaster*
Vsevolod Vasiliev
Boris Vasiliev
Victoria Kakicheva

Second Violins

Zumrad Ilieva *Principal*
Georgy Shirokov *Principal*
Maria Safarova *Associate Principal*
Zhanna Abdulaeva *Associate Principal*
Viktoria Shchukina *Associate Principal*
Tatiana Moroz
Elena Khaitova
Sergei Letiagin

Violas

Yuri Afonkin *Principal*
Vladimir Litvinov *Associate Principal*
Oleg Laronov *Associate Principal*
Lina Golovina *Associate Principal*
Karine Barsegian
Alexei Kliuev

Cellos

Oleg Sendetsky *Principal*
Alexander Ponomarenko *Associate Principal*
Tamara Sakar
Oxana Moroz
Daniil Bryskin

Double Basses

Kirill Karikov *Principal*
Vladimir Shostak *Principal*
Denis Kashin *Associate Principal*
Sergei Trafimovich

Flute, Alto Flute

Denis Lupachev *Associate Principal*

Piccolo

M. Pobedinsky

Oboe

Sergei Bliznetsov *Principal*

Cor Anglais

Ilya Ilyin *Principal*

Clarinet

Ivan Stolbov *Associate Principal*

E-Flat Clarinet

Dmitry Kharitonov *Associate Principal*

Bass Clarinet

Yuri Zyurbaev *Principal*

Bassoon

Rodion Tolmachev *Principal*

Contrabassoon

Alexander Sharykin *Principal*

Horn

Stanislav Avik *Principal*

Cornet

Gennady Nikonov *Principal*

Trumpet

Timur Martynov *Associate Principal*

Trombone

Igor Yakovlev *Principal*

Bass Trombone

Mikhail Seliverstov *Principal*

Percussion

Andrei Khotin *Principal*
Yuri Alexeev *Associate Principal*
Viktor Ivanov
Yuri Mishchenko
Vladislav Ivanov
Igor Udalov
Evgeny Zhikalov
Arseny Shuplyakov
Tatiana Cheremukhina

Small Domras

Lyubov Mikhailova
Ekaterina Shirokova

Alto Domras

Maria Kuptsova
Anna Toporkova

Balalaikas

Denis Penyugin
Evgeny Zhelinsky

Harp

Elizaveta Alexandrova *Associate Principal*
Lyudmila Rokhlina *Associate Principal*

Piano

Olga Okhromenko

ХОР МАРИИНСКОГО ТЕАТРА

Андрей Петренко, главный хормейстер

Сопрано 1

Юлия Антонова
Рада Баклунова
Ангелина Дашковская
Елена Луконина
Наталья Орлова
Светлана Петухова
Ирина Хаустова
Ольга Шаханова

Сопрано 2

Алина Арзамасцева
Лариса Борисова
Галина Куликова
Виктория Утехина
Ирина Шендевичкая
Наталья Шубина

Альты 1

Елена Петренко
Мария Уварова
Юлия Хазанова
Юлия Храмова
Евгения Шаламова

Альты 2

Инна Алексеева
Екатерина Воробьева
Байрта Кудинова
Галина Смирнова
Надежда Хаджева

Тенора 1

Виктор Антипенко
Александр Горощков
Алексей Дмитриук
Сергей Козлов
Валерий Собанов

Тенора 2

Роман Гибатов
Владимир Князев
Сергей Меленевский
Артем Мелихов
Игорь Силахов
Сергей Юхманов

Басы 1

Геннадий Аникин
Алексей Баранов
Александр Горев
Сергей Матвеев
Федор Уваров

Басы 2

Михаил Корнблит
Юрий Коваленко
Эдуард Матвеев
Егор Павлов
Павел Петренко
Павел Раевский
Сергей Симakov

THE CHORUS OF THE MARIINSKY THEATRE

The Chorus of the Mariinsky Theatre is a musical company that is widely known throughout Russia and the world. It is a regular cast member in operatic productions and features in philharmonic concerts as a member of the orchestra, for example in Mozart's Requiem, Verdi's Requiem, and Beethoven's Ninth Symphony. The Chorus also gives its own concerts a *cappella* with a varied programme of secular and sacred music, ranging from works by Bortnyansky, Chesnokov and Rachmaninov to folk songs. As both full choir and in chamber ensemble, it tours widely in Russia and abroad and is a regular performer in international festivals. It has appeared in world premières in Finland, Switzerland, Britain, France, Italy, Spain and Israel. The Chorus of the Mariinsky Theatre has made a huge number of recordings and is particularly known for its contribution to Mussorgsky's *Boris Godunov*, Prokofiev's *Ivan the Terrible*, Verdi's Requiem, and Prokofiev's cantata *Alexander Nevsky*, which was performed at the First Moscow Easter Festival for Phillips Classics.

ANDREI PETRENKO

Principal Chorus Master

Andrei Petrenko graduated from the Leningrad Conservatoire, specialising in choral conducting and opera and symphony conducting. He has been the Principal Chorus Master at the Mariinsky Theatre since 2002. Under his direction, the Chorus of the Mariinsky Theatre has performed in a cappella programmes in Russia, Finland, the Netherlands, Belgium, France, Switzerland, Italy, Great Britain, and Israel. Petrenko has conducted opera performances of *Eugene Onegin*, *La Traviata*, *Samson et Dalila* and *Don Pasquale* and concert programmes with soloists of the Mariinsky Theatre, Chorus, and Orchestra.

THE CHORUS OF THE MARIINSKY THEATRE

Andrei Petrenko, Principal Chorus Master

Soprano I

Yulia Antonova
Rada Baklunova
Angelina Dashkovskaya
Irina Khaustova
Elena Lukonina
Natalia Orlova
Svetlana Petukhova
Olga Shakhanova

Soprano II

Alina Arzamastseva
Larisa Borisova
Galina Kulikova
Viktoria Utekhina
Irina Shendevidskaya
Natalya Shubina

Alto I

Yulia Khazanova
Yulia Khramtsova
Elena Petrenko
Yevgenia Shalamova
Maria Uvarova

Alto II

Inna Alexeyeva
Nadezhda Khadzheva
Bairta Kudinova
Galina Smirnova
Yekaterina Vorobyova

LE CHŒUR DU THÉÂTRE MARIINSKI

Le chœur du Théâtre Mariinski est renommé dans toute la Russie et à travers le monde entier. Il fait partie intégrante de l'orchestre et interprète régulièrement, à ses côtés, opéras et musique de concert – Requiem de Mozart, Requiem de Verdi, Neuvième symphonie de Beethoven. Il donne également ses propres concerts a cappella de musique profane ou sacrée, avec des programmes variés allant de Bortnianski, Tchesnokov et Rachmaninov à la chanson folklorique. Au complet ou en formation de chambre, il effectue des tournées dans toute la Russie comme à l'étranger, et figure régulièrement à l'affiche des festivals internationaux. Il participe à de nombreuses créations en Finlande, en Suisse, au Royaume-Uni, en France, en Italie, en Espagne et en Israël. Le chœur Mariinski a un nombre impressionnant d'enregistrements à son actif, dont les plus connus sont *Boris Godounov* de Moussorgski, *Ivan le Terrible* de Prokofiev, le Requiem de Verdi et la cantate de Prokofiev, *Alexandre Nevski*, gravée lors du premier Festival de Pâques de Moscou (Phillips Classics).

ANDREÏ PETRENKO

Chef de chœur principal

Andrei Petrenko est diplômé du Conservatoire de Leningrad, où il a étudié la direction de chœur ainsi que la direction d'opéra et d'orchestre. Il est chef de chœur principal au Théâtre Mariinski depuis 2002. Sous sa direction, le Chœur du Théâtre Mariinski donne des concerts a cappella en Russie, en Finlande, aux Pays-Bas, en Belgique, en France, en Suisse, en Italie, au Royaume-Uni et en Israël. Il est au pupitre de chef d'orchestre pour les représentations d'*Eugène Onéguine*, *La Traviata*, *Samson et Dalila* et *Don Pasquale*; et dirige également les solistes, le Chœur et l'Orchestre symphonique du Théâtre Mariinski en concert.

Tenor I

Viktor Antipenko
Alexander Goroshkov
Alexei Dmitruk
Sergei Kozlov
Valery Sobanov

Tenor II

Roman Gibatov
Vladimir Knyazev
Sergei Melenevsky
Artem Melikhov
Igor Silakov
Sergei Yukhmanov

Bass I

Gennady Anikin
Alexei Baranov
Alexander Gorev
Sergei Matveyev
Fyodor Uvarov

Bass II

Mikhail Kornblit
Yuri Kovalenko
Edward Matveyev
Yegor Pavlov
Pavel Petrenko
Pavel Raevsky
Sergei Simakov

DER CHOR DES MARIINSKI-THEATERS

Der Chor des Mariinski-Theaters ist nicht nur Russland-weit, sondern in der ganzen Welt bekannt. Er wirkt in zahlreichen Opernproduktionen mit, aber auch bei philharmonischen Konzerten mit etwa Mozarts Requiem, Verdis Requiem oder Beethovens Neunter Sinfonie. Zudem gibt der Chor A-cappella-Konzerte mit einem vielfältigen Programm, das geistliche und weltliche Musik umfasst und von Werken Bortnjanskis, Tchesnokows und Rachmaninows bis hin zu Volksliedern reicht. Als großer Chor sowie als Kammerensemble unternimmt die Truppe Konzertreisen durch Russland und ins Ausland und ist regelmäßig bei internationalen Festspielen zu Gast. Darüber hinaus wirkte er bei Weltpremieren in Finnland, der Schweiz, Großbritannien, Frankreich, Italien, Spanien und Israel mit. Der Mariinski-Chor hat zudem zahlreiche Einspielungen vorgelegt und ist insbesondere bekannt wegen seiner Darbietungen von Mussorgskis *Boris Godunow*, Prokofjews *Iwan der Schreckliche*, Verdis Requiem und Prokofjews Kantate *Alexander Newski*, die im Rahmen der 1. Moskauer Osterfestspiele für Phillips Classics dargeboten wurde.

ANDREI PETRENKO

Erster Chorleiter

Andrei Petrenko besuchte das Konservatorium in Leningrad mit den Fachgebieten Chorleitung und Dirigieren von Opern und Sinfonien. Erster Chorleiter des Mariinski-Theaters ist er seit 2002. Unter seiner Ägide gastierte der Chor mit A-cappella-Programmen in Russland, Finnland, den Niederlanden, Belgien, Frankreich, der Schweiz, Italien, Großbritannien und Israel. Überdies dirigierte Petrenko Aufführungen von *Eugene Onegin*, *La Traviata*, *Samson et Dalila* und *Don Pasquale* sowie Konzertprogramme mit Solisten der Mariinski-Oper, des Chors und des Sinfonieorchesters.

АНДРЕЙ ПЕТРЕНКО

главный хормейстер

Окончил Ленинградскую консерваторию по специальностям хоровое и оперно-симфоническое дирижирование. С 2002 года – главный хормейстер Мариинского театра. Под управлением Андрея Петренко хор Мариинского театра выступал с программами а cappella в России, Финляндии, Голландии, Бельгии, Франции, Швейцарии, Италии, Великобритании, Израиле. В активе Андрея Петренко как оперного дирижера спектакли «Евгений Онегин», «Травиата», «Самсон и Далила», «Дон Паскуале», а также концертные программы с участием солистов оперы, хора и симфонического оркестра Мариинского театра.